

НАУКА И ТЕХНИКА: Вопросы истории и теории

**Материалы XXXVII международной годичной
конференции Санкт-Петербургского
отделения Российского национального
комитета по истории и философии науки
и техники РАН
(21–25 ноября 2016 г.)**

Выпуск XXXII



Санкт-Петербург
2016

Федеральное агентство научных организаций (ФАНО) России
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Санкт-Петербургский научный центр Российской академии наук»
Санкт-Петербургский филиал Федерального государственного бюджетного
учреждения науки Российской академии наук «Институт истории
естествознания и техники им. С.И. Вавилова»
Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего
образования «Санкт-Петербургский политехнический университет
Петра Великого»
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования «Петербургский государственный университет
путей сообщения Императора Александра I»
Санкт-Петербургское отделение Российского национального комитета
по истории и философии науки и техники

Наука и техника: Вопросы истории и теории

*Материалы XXXVII международной годичной
конференции Санкт-Петербургского
отделения Российского национального
комитета по истории и философии науки
и техники РАН*

(21–25 ноября 2016 г.)

Выпуск XXXII

Санкт-Петербург
2016

Оргкомитет конференции:

Сопредседатели:

Г.В. Двас, С.Г. Инге-Вечтомов, Н.А. Ащеулова

Заместители:

Б.И. Иванов, Э.И. Колчинский

Учёные секретари:

Е.А. Иванова, С.В. Ретунская

Члены оргкомитета:

Т.В. Алексеев, Н.Е. Берегой, Н.А. Борисова, Л.И. Брылевская,
Б.Б. Дьяков, Н.А. Елисеев, В.Ю. Жуков, Д.А. Журавлев,
В.А. Зверев, С.И. Зенкевич, И.П. Киселёв, Е.И. Красикова,
В.В. Лебедев, В.Н. Нараев, А.В. Полевой, А.Л. Рижинашвили,
Д.Н. Савельева, Е.Ф. Синельникова, В.С. Соболев,
А.Я. Тутакова, Н.Д. Ульянов, Д.А. Щеглов

Редколлегия:

Э.И. Колчинский (редактор-составитель)

Н.А. Ащеулова (ответственный редактор)

С.И. Зенкевич (секретарь)

Наука и техника: Вопросы истории и теории. Материалы XXXVII международной годичной конференции Санкт-Петербургского отделения Российского национального комитета по истории и философии науки и техники РАН «Коммеморативные (юбилейные) практики в истории российской науки» (21–25 ноября 2016 г.). Выпуск XXXII. СПб.: СПбФ ИИЕТ РАН, 2016. – 280 с.

ISBN 978-5-906841-96-4

В издание вошли материалы международной конференции «Коммеморативные (юбилейные) практики в истории российской науки»: пленарные доклады и тезисы секционных докладов.

Издание осуществлено при поддержке Программы фундаментальных исследований РАН (проект № 0002-2015-0025), а также при содействии научно-просветительского проекта «Наследие Бетанкура».

© Санкт-Петербургский филиал ИИЕТ РАН, 2016

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	11
ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ	16
Ю.М. Батурин. Научный юбилей как рефлексивно конструируемый социальный феномен	16
Н.А. Борисова. О роли коммеморативных (юбилейных) практик в истории телекоммуникаций	23
Д.В. Гельтман. Юбилей Ботанического института им. В.Л. Комарова РАН и его предшественников	29
С.Г. Инге-Вечтомов. 70 лет физиологической гипотезе мутационного процесса М.Е. Лобашёва	36
Э.И. Колчинский. Дарвиновский юбилей 1909 г.	40
В.П. Леонов, О.В. Скворцова. Юбилей в истории Библиотеки Академии наук (по материалам из фондов БАН и Музея истории БАН, XVIII–XXI вв.)	47
Ю.А. Мазинг. Вековой опыт коммеморативных практик Института экспериментальной медицины (ИЭМ)	50
О.Н. Пугачев, Н.В. Слепкова. Юбилей Зоологического института РАН – осознание пройденного пути	56
В.О. Самойлов. Юбилей Военно-медицинской академии	62
В.С. Соболев. Празднование 200-летнего юбилея Российской Академии наук	70
СЕКЦИЯ «ИСТОРИЯ АКАДЕМИИ НАУК И НАУЧНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ»	77
Е.Ф. Синельникова. Русское археологическое общество и Советская власть.	77
А.Ю. Скрыдлов. «Статистический журнал» при Императорской Академии наук: к 210-летию начала издания	78
Г.И. Смагина, Г.В. Лейбниц и проект культурного обновления России (к 300-летию со дня смерти Г.В. Лейбница)	80
Т.Ю. Феклова. К истории Российской магнитно-метеорологической обсерватории в Пекине (1848–1888)	81
СЕКЦИЯ «СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ НАУКИ»	83
Н.С. Агамова, А.Г. Аллахвердян. Эволюция структуры науковедения и становление демографии науки	83
Н.А. Ащеулова. 50 лет Исследовательскому комитету по социологии науки и технологий Международной социологической ассоциации (RC23, ISA)	84
А.А. Бесчасная. Индекс цитирования научных работ как современная коммеморативная социальная практика.	86
Е.В. Васильева. Борьба с космополитизмом в послевоенные годы на Дальнем Востоке	87

С.А. Душина, В.М. Ломовицкая. Археология юбилея: как создается научный артефакт	89
Е.В. Евсикова. Историческая политика в России	90
Л.В. Земнухова. Международные лаборатории и перспективы российской науки	91
Е.А. Иванова. Личная активность аспирантов петербургских академических институтов	92
Л.Ф. Кавуненко, Т.Н. Велентейчик. Научоведческие исследования в Украине: прошлое, настоящее, будущее	94
М.Г. Лазар. Роль И.И. Леймана (1931–1989) в утверждении концепции науки как социального института	95
Г.А. Николаенко. Современная модель памяти	97
А.Н. Родный. «Юбилейная наука» как фактор мобилизации ученых	98
СЕКЦИЯ «ИСТОРИЯ МАТЕМАТИКИ И МЕХАНИКИ»	100
Г.А. Акимов. Юбилей научной школы газодинамических исследований в БГТУ-Военмех: подведение итогов и планы на будущее	100
Л.А. Архангельская. К 160-летию князя А.Г. Гагарина – ученого, инженера, изобретателя, организатора и первого директора Петербургского политехнического	101
Е.М. Богатов. Об истории применения качественных методов для решения нелинейных интегральных уравнений.	102
Л.И. Брылевская. Т.Н. Кладо как историк математики и механики	104
З.С. Галанова. Вороновская Е.В. и ее вклад в конструктивную теорию функций	105
Н.В. Локоть. К 130-летию «Русской физико-математической библиографии» В.В. Бобынина	106
А.Л. Лопатухин, Н.Н. Поляхов, Е.Н. Поляхова. Памяти Ирины Евгеньевны Лопатухиной (1945–2016) – историка механики	108
В.П. Одинец. Появление названия дисциплины «компьютерные науки» (computer sciences) – веление времени.	109
Г.М. Полотовский. Неизвестная лекция А.П. Юшкевича (к 110-летию со дня рождения А.П. Юшкевича)	110
Ж. Сезиано. Об одной русской задаче XVII в.	111
Г.И. Синкевич. Рихард Дедекинд. К 100-летию со дня смерти	112
СЕКЦИЯ «ИСТОРИЯ АСТРОНОМИИ»	114
М.В. Воротков, Н.О. Миллер. Н.А. Козырев: философия и открытие вулканизма на Луне	114
И.И. Демидова. Основатель первой в СССР лаборатории фотоупругости Л.Э. Прокофьева-Михайловская: к 120-летию со дня рождения	115
В.Ю. Жуков. Зримый облик: мемориалы и коммеморативы М.В. Ломоносова	117

М.С. Петрова. Представления о природе мира, месте и роли Луны в Среднем платонизме (<i>Плутарх. О лике...</i>)	118
Г.И. Пинигин. Пулковое – Николаев – Шпицберген: Полярная астрономическая экспедиция 1974–1977 годов	120
С.С. Смирнов. Астрономия в зеркале филателии	121
Т.В. Соболева. К истории экспедиций по наблюдению полного солнечного затмения 19 июня 1936 года.	123
СЕКЦИЯ «ИСТОРИЯ ГЕОГРАФИИ»	125
А.А. Вигасин. Южная Индия на карте Клавдия Птолемея	125
И.Г. Коновалова. Эволюция теории климатов в средневековой исламской географии	126
М.В. Лоскутова. Картирование и изучение лесов бассейна Финского залива, Ладожского и Онежского озер в начале XIX в.	127
А.А. Синицын. Несколько замечаний о роли географических маркеров в «Истории» Фукидида.	129
В.А. Снытко. Экспериментальные географические исследования в XX веке	131
А.И. Солопов. Азиатская часть Северного Причерноморья в свете топонимики классических языков.	132
А.А. Федотова. Противосаранчовые службы Российской Империи в 1910-х гг. и ранняя карьера Бориса Уварова	133
СЕКЦИЯ «ИСТОРИЯ ГЕОЛОГИИ»	135
В.Б. Арчegov. Чочиа Николай Григорьевич – геолог-нефтяник и учитель	135
Д.В. Безгодова. К истории празднования 150-летнего юбилея Горного института	136
И.В. Бодылевская. Два неизвестных документа к истории Горного института	138
Т.М. Князева, К.В. Туманова. К 210-летнему юбилею Великой Княгини Елены Павловны (из собрания Горного музея).	139
Л.Р. Колбанцев. Свет и тени юбилейных фотографий. Из истории Геологического комитета	140
А.В. Кургузова. Празднование 50-летия Императорского минералогического общества в 1867 году	142
Д.А. Петров. Юбилейные мероприятия Российского минералогического общества в XX веке	143
М.Н. Рахманина. Необычный обед палеонтологов (к истории изучения динозавров).	144
В.А. Степанов. Ученые и государственные деятели – первые почетные члены Русского минералогического общества (к 200-летию юбилею Общества: 1817–2017 гг.)	146
Л.С. Стокрацкая. Трансфер научных знаний в области минералогии и геологии в XIX в. на примере переписки И.В. фон Гёте и Л. фон Панснера.	147

А.Я. Тутакова. Архитектурные объекты из гранитов Карельского перешейка, созданные к 300-летию юбилею Санкт-Петербурга. .	149
М.Г. Цинкобурова. Карта, которая изменила мир (к 200-летию существования биостратиграфии)	150
СЕКЦИЯ «ИСТОРИЯ БИОЛОГИИ»	152
Т.В. Андриюшкевич. Архив биологических наук (АБН): основные направления издательской политики Института экспериментальной медицины (ИЭМ).	152
Н.Е. Берегой. В поисках научного способа борьбы с чумой рогатого скота в России в XIX в.	153
Я.М. Галл. О книге Г. де Бира «Атлас эволюции»	155
А.И. Ермолаев. Тематика генетических исследований в Институте молекулярной биологии в начале 1980-х годов	157
С.И. Зенкевич. Из комментария к статье Н.С. Лескова «О юбилее Л.Н. Толстого» (1895).	159
М.Б. Конашев. Евгеника и эволюционная теория в 1920–1930 гг. .	160
К.В. Манойленко. Растительные ресурсы Крыма в сфере интересов ботаников-физиологов (конец XIX – начало XX в.)	162
А.Л. Рижинашвили. Экспедиция ВНИОРХ 1932 г. по рыбохозяйственному обследованию озер Ленинградской области	163
А.В. Самокиш. Возвращение научного естествознания в среднюю школу и учебник «Общая биология» под редакцией Ю.И. Полянского	164
А.С. Чунаев. Факторы, повлиявшие на восприятие научных работ Грегора Менделя о гибридах растений: композиция статьи «Опыты над растительными гибридами» и трудности перевода. . .	166
С.В. Шалимов. Международные связи отечественных генетиков во второй половине 1960-х гг. (на материалах Института общей генетики АН СССР)	167
СЕКЦИЯ «ИСТОРИЯ МЕДИЦИНЫ»	169
Р.Ш. Бахтияров. Почетный член РАН барон Иосиф Якоб фон Моренгейм (1756–1797)	169
А.А. Будко, Г.А. Грибовская. 50-летие врачебной, научной, педагогической и общественной деятельности Николая Ивановича Пирогова	170
Т.В. Давыдова. Проблемы развития медико-биологического направления советской медицины в условиях культа личности И.В. Сталина.	171
А.А. Журавлёв. Юбилейные торжества Первого Санкт-Петербургского медицинского университета имени академика И.П. Павлова (исторический аспект)	173
Д.А. Журавлев. «Да процветает Военно-медицинская академия и да живет вечно слава ее учеников» (к празднованию 100-летнего юбилея)	174

Н.Г. Чигарева. Пионер отечественной биохимии Георгий Ефимович Владимиров	176
С.Г. Щербак, А.М. Сарана, С.В. Макаренко, Ю.М. Докиш. Сорокалетие первого в России (СССР) Центра восстановительной медицины и реабилитации на базе СПб ГБУЗ «Городская больница № 40»: дань традициям, взгляд в будущее	177
СЕКЦИЯ «ИСТОРИЯ ФИЗИКИ»	179
Р.Ф. Витман. В ледовых торосах Арктики (из истории Лаборатории прочности ленинградского Физтеха)	179
Е.Н. Груздева. Из истории первых опытов производства отечественного оптического стекла (1914–1918)	180
Б.Б. Дьяков. 1918 или 1919? Когда был основан Физико-технический институт им. А.Ф. Иоффе?	182
Е.В. Куницына. Доклад Г.Н. Флёрова на юбилейной конференции «50 лет открытия деления ядра»	183
Д.Н. Савельева. Технологии двойного назначения на примере научных исследований и разработок ЛФТИ	185
СЕКЦИЯ «ИСТОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ ХИМИИ»	187
Е.А. Дорофеева. Исследование методологии создания каталитических систем технологии получения компонентов моторного топлива	187
О.М. Несгерова. Исторические предпосылки развития химии высокоэнергетических соединений ряда 1,2,5-оксадиазола	188
Н.С. Парицкая. Исторические аспекты повышения коррозионной устойчивости портландцементных бетонов	190
СЕКЦИЯ «ИСТОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ ТЕХНИЧЕСКИХ НАУК И ИНЖЕНЕРНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И ПАМЯТНИКИ НАУКИ И ТЕХНИКИ»	192
В.И. Арбузов. Стекла специального назначения в познании природы и власти над ней.	192
А.П. Балаченкова. Научно-учебный кабинет по писчебумажному производству при Санкт-Петербургском технологическом институте: 105 лет со дня основания	193
Е.Б. Гинак. Памятные и юбилейные даты в истории Главной палаты мер и весов – ВНИИМ им. Д.И. Менделеева	195
А.Г. Грабарь. Об участии России в открытии и изучении Антарктиды	196
Б.И. Иванов. Юбилейная сессия Академии наук СССР 1942 г., посвященная 25-летию Великой Октябрьской социалистической революции	198
М.Б. Игнатьев. Мир как модель внутри мирового суперкомпьютера	199

Е.И. Красикова. Академик архитектуры А.Ф. Красовский	200
Н.Г. Кузьмина. Первая Школа печатного дела при Императорском русском техническом обществе	202
И.Б. Муравьева. Юбилейные издания Санкт-Петербургского технологического института	203
Н.В. Никоноров. К 125-летию юбилею со дня рождения академика С.И. Вавилова: от природы люминесценции до современных люминесцентных источников света	204
Л.В. Петрухина, О.В. Щербинина. Остается для потомков... (к юбилею старейшей вузовской газеты «Технолог»)	206
Р.Б. Станиславичус, М.Ю. Логачев. Изготовление геодезических инструментов в России (XVIII–XIX вв.)	207
Т.С. Юдовина. О российской школе вычислительной оптики	208
 СЕКЦИЯ «ИСТОРИЯ ЭЛЕКТРОНИКИ, ИНФОРМАТИКИ И СВЯЗИ»	
Л.А. Андреева. Юбилей тверской связи	210
Т.С. Васильева. Выставка «Эпоха таксофонов» (к 140-летию изобретения телефона)	211
А.А. Глущенко. История Радиотелеграфного завода Морского ведомства (де-факто и де-юре)	213
В.В. Зеленова. Телевизионное обеспечение полета Ю.А. Гагарина (к 55-летию первого полета человека в космос)	214
Л.И. Золотинкина. К 130-летию первого электротехнического вуза России	215
С.И. Левина. Первый начальник Главного управления связи Красной Армии	217
А.А. Мартынов, А.С. Попов на негативах Отдела фондов ВИМАИВиВС	218
В.К. Марченков. О негативном влиянии научных экспериментов на здоровье А.С. Попова	219
М.А. Паргала. К истории подготовки специалистов по электросвязи в учебных заведениях Одессы (конец XIX – начало XX в.)	220
В.М. Пестриков, М.В. Пестрикова. Вклад Виктора Иосифовича Волюнкина в отечественную радиоэлектронику.	222
В.А. Попов, И.А. Селезнев. Об использовании иностранных разработок в первых образцах отечественной гидроакустической техники (к 90-летию первой советской Программы военного кораблестроения)	223
Е.А. Фролова. Об истории «Почтово-телеграфного журнала»	225
О.В. Фролова. Телефон в Российской Империи – путь к общедоступности (к 140-летию изобретения телефона)	226
В.Д. Цукор. Музейный календарь-2016: к 30-летию Музея истории ПАО «Центральный телеграф»	227

СЕКЦИЯ «ИСТОРИЯ ОПТИКИ»	229
В.В. Ежова. Основы композиции оптической системы объектива. . .	229
К.В. Ежова, Т.В. Точилина. От Луны до объективов переменного фокусного расстояния	230
В.А. Зверев. Леонард Эйлер и современная физика	231
И.А. Карасёва, И.Н. Тимошук. Эргономика и оплотехника зрительного восприятия наблюдаемых предметов	233
Г.В. Карпова, Н.Д. Толстоба. Конструкторско-технологическая подготовка инженерных кадров в Ленинградском институте точной механики и оптики	234
В.К. Кирилловский. Когда призвание становится судьбой	235
С.М. Латыев. Инженерные проблемы создания современного оптического прибора	237
Н.К. Мальцева. Научно-образовательный центр «Музей истории Университета ИТМО»	238
СЕКЦИЯ «ИСТОРИЯ АВИАЦИИ И КОСМОНАВТИКИ»	241
Г.В. Галли. Хронология первых полетов в России с воды: 1912 г. . .	
С.М. Ганин, Р.Е. Алексеев и Р.Л. Бартини. Работы по экранопланам	243
А.А. Дмитриенко. Гвардии капитан А.М. Кованько как собственник	244
А.А. Курдюков. К вопросу поиска захоронения одного из пионеров отечественной авиации – Бориса Семёновича Масленикова.	246
В.В. Лебедев. Синтез аэродинамических и космических технологий. К 30-летию триумфа проекта «Венера – Комета Галлея»	247
Е.А. Мельникова. Евгений Михайлович Гришин – исследователь жизни и деятельности А.Ф. Можайского, и воссозданная им полноразмерная модель первого летательного аппарата.	249
С.В. Семёнов. 100-летие со дня рождения В.Я. Литвинова: юбилейные мероприятия и новые данные о системе конвейерного производства штурмовиков ИЛ-2 на Авиационном заводе № 1 в 1942–1943 гг.	250
Ю.А. Хаханов. Проектам Луноход-1 – 45 лет, Фобос-86 – 30 лет, Марс-96 – 20 лет. Мысли и чувства участника этих проектов.	252
СЕКЦИЯ «ИСТОРИЯ ВОЕННОЙ НАУКИ, ТЕХНИКИ И ОБРАЗОВАНИЯ»	254
Т.В. Алексеев. 100-летие Первой мировой войны и дискуссия по поводу ее военно-экономических аспектов	254
Д.А. Бочинин, А.Н. Щерба. Маршал, рожденный Ленинградской битвой (к 120-летию со дня рождения Маршала Советского Союза Л.А. Говорова и к выходу книги к юбилею маршала)	255
В.М. Кривчиков. Практика использования юбилеев и праздничных дат для организации материального обеспечения войск Красной Армии на территории Беларуси в 1920-е годы	256

С.Н. Полтораки, А.В. Лосик. Журнал для учёных «Клио» как своеобразное зеркало развития истории в современной России и творческая площадка для мировой научной мысли (к 20-летию выхода журнала)	258
Г.А. Синицын. Юбилей – как способ пропаганды достижений науки	259
Н.В. Смирнова. К юбилею Российского института радионавигации и времени	261
С.В. Федулов. Иностранная техническая помощь при создании подводных сил на северных рубежах России (к 100-летию образования Флотилии Северного Ледовитого океана)	262

СЕКЦИЯ «ИСТОРИЯ ТРАНСПОРТА»

П.В. Великоруссов. Инженер путей сообщения П.К. Шмудевич и вступительные испытания по физике в ИИПС в 1911–1916 годах	265
М.М. Воронина, М.И. Воронин (1906–1996) и секция истории транспорта	266
Н.А. Джаши, А.А. Ведмук, Л.Р. Халилова. 100 лет со дня рождения профессора О.В. Кунцевича – инженера-путейца, известного ученого в области строительного материаловедения . . .	267
Н.А. Елисеев, Н.Н. Елисеева. 200 лет первой отечественной книги по начертательной геометрии	268
В.А. Кудряшов. Интернет – историческая реальность	270
Д.В. Никольский, Н.А. Шредник. Исторические аспекты экологической безопасности железнодорожного транспорта России	272
К.В. Никольский. Инженерно-исторический феномен великого моста древнего Новгорода	273
Н.М. Репникова. Инженеры путей сообщения В.И. Курдюмов и Н.А. Белелюбский у истоков высшего женского политехнического образования	274
Т.И. Ушакова. Вклад Н.Л. Щукина в техническое образование женщин России. К 110-летию открытия Женских Политехнических курсов	276

ПРЕДИСЛОВИЕ

21–25 ноября 2016 г. состоялась XXXVII годичная международная конференция Санкт-Петербургского отделения Российского национального комитета по истории и философии науки и техники по теме «Коммеморативные (юбилейные) практики в истории российской науки».

Выбор темы в значительной степени объясняется тем, что в последние десятилетия во всем мире наблюдается юбилейная мания, которая особенно ярко проявилась в праздновании двухсотлетнего юбилея Великой Французской революции в 1989 г., а четверть века спустя положила начало серии вековых юбилеев, связанных с началом Первой мировой войны, и с 75-летием начала Второй мировой войны, в каждом из которых участвовали главы государств и правительств. Со следующего, 2017 года грядут другие юбилейные мероприятия, связанные с грандиозными событиями XX века, покончившими с существованием четырех империй – Российской, Австро-Венгерской, Османской и Германской, а затем не раз перекроившими политическую карту мира под заверения о полном соблюдении международного права. Каждый из этих юбилеев отмечается, как правило, в десятках стран и призван решать разнообразные политические, социальные и культурные задачи современности, что ведёт к оживлению интереса к обсуждению отношений истории и общественной памяти. В то же время международные мероприятия отнюдь не способствуют выработке единой точки зрения на события прошлого. Напротив, нарастает децентрализация и поляризация оценок, позиций, методов ретроспективных и перспективных суждений, что неизбежно в многополярном мире. Различия оценок обусловлены как национальными, так и социально-политическими традициями. Международные и национальные юбилеи используются для продвижения политических доктрин, для оправдания внешней и внутренней современной политики, для патриотического воспитания и даже для разжигания национализма.

Однако коммеморативные практики как характерная черта современного мира до сих пор не были предметом специального рассмотрения в русскоязычной литературе, в том числе и в историко-научной. Между тем, разного рода юбилеи часто служили одним из главных мотивов для проведения многих отечественных историко-научных исследований и мероприятий, в частности на-

ших ежегодных конференций. Начиная с первого юбилея Императорской академии наук, отпразднованного в 1776 г., российские ученые использовали памятные даты из истории науки не только для актуализации образов и представлений о прошлом в целях осмысления собственной идентичности, но и для укрепления групповой солидарности, упрочения позиций в диалоге с другими общественными группами или властью. Юбилейные мероприятия позволяли российским ученым исследовать влияние и результаты важных достижений, подтверждать собственные идеи, намечать перспективы для решения новых проблем, оценивать реальную значимость ключевых фигур в истории науки. Не меньшее их внимание привлекали различные научные институты, созданные в годы социально-политических кризисов и представлявшие собой структуры для выработки новых форм взаимоотношений ученых с властью и обществом.

В современной зарубежной историко-научной, социолого-наукovedческой и философско-методологической литературе коммеморативным практикам в науке уделяется большое внимание. Интенсивно идет процесс осмысления их потенциала для продвижения целей и задач ученых, для выявления транскультурных и трансисторических мостов между исследователями разных стран и разных дисциплин. Научные юбилеи исследуются как элементы культурных, социальных и политических областей. Вместе с тем анализируются сами научные объекты, открытия, издания, теории, дисциплины, инструменты, инновации, методы и методики в связи с институциональной организацией науки, ее дисциплинарной структурой и способами практического применения.

Целью состоявшейся конференции стало вычленение различных аспектов коммеморативной истории в России и определение ее роли в консолидации научного сообщества. При этом предполагалось проанализировать юбилейные мероприятия разного времени, посвященные институционализации науки (юбилеи академий, университетов, научно-исследовательских институтов, лабораторий, бюро, комитетов, комиссий, кафедр, организаций; юбилеи проведения экспедиций, конференций и т.д.), а также ее творцам и их крупным открытиям. Это позволяет лучше осветить вклад российской науки в мировую цивилизацию. Актуальность данной тематики и обобщения коммеморативных научных практик в Рос-

сии особо возрастает в связи с приближением крупных юбилейных мероприятий, связанных с Великой русской революцией, которая оказала огромное влияние на развитие отечественной науки в XX веке – со всеми ее блестящими достижениями и трагедиями.

Не только пленарные доклады, но и многие выступления на шестнадцати секционных заседаниях старались осветить различные аспекты коммеморативных практик, преимущественно в России.

Организаторами конференции Санкт-Петербургского отделения Российского национального комитета по истории и философии науки и техники, как и в прежние годы, выступили Федеральное агентство научных организаций (ФАНО) России и его учреждения – Санкт-Петербургский научный центр РАН, Санкт-Петербургский филиал Института истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН, а также Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, Санкт-Петербургский государственный университет путей сообщения Императора Александра I. Помимо учреждений, выступивших в качестве главных организаторов конференции, свои помещения для проведения заседаний ряда секций предоставили также Научно-исследовательский университет информационных технологий, механики и оптики, Военно-медицинский музей, Центральный музей связи им. А.С. Попова, Музей Военно-космической академии имени А.Ф. Можайского, Национальный минерально-сырьевой университет «Горный», Санкт-Петербургский государственный технологический институт (Технический университет). Конференция проводилась при содействии научно-просветительского проекта «Наследие Бетанкура». Всего на заседаниях прозвучало 166 докладов из научно-образовательных учреждений России, преимущественно Санкт-Петербурга, и зарубежных стран. В конференции участвовали 212 человек.

21 ноября 2016 г. состоялось пленарное заседание, которое традиционно происходило в Малом конференц-зале Главного здания Академии наук. Открыл заседание летчик-космонавт, герой России, главный научный сотрудник Института истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН, д.ю.н., чл.-корр. РАН Ю.М. Батурин. С приветствиями выступили: от Санкт-Петербургского научного центра РАН – главный ученый секретарь СПбНЦ РАН, д.э.н. Г.В. Двас; от Санкт-Петербургского отделения Российского

национального комитета по истории и философии науки и техники – председатель СПБОРНК, академик С.Г. Инге-Вечтомов; от Научного совета по науковедению и организации научных исследований СПбНЦ РАН и Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого – академик Ю.С. Васильев; от Петербургского государственного университета путей сообщения Императора Александра I – проректор по научной работе д.т.н. Т.С. Титова.

Прозвучали следующие доклады: «Научный юбилей как рефлексивно конструируемый социальный феномен» (Батулин Ю.М.); «О роли коммеморативных (юбилейных) практик в истории телекоммуникаций» (Борисова Н.А.); «Юбилей Ботанического института им. В.Л. Комарова РАН и его предшественников» (Гельтман Д.В.); «70 лет физиологической гипотезе мутационного процесса М.Е. Лобашёва» (Инге-Вечтомов С.Г.); «Дарвиновский юбилей 1909 г.» (Колчинский Э.И.); «Юбилей в истории Библиотеки Академии наук (по материалам из фондов БАН и Музея истории БАН, XVIII–XXI вв.)» (Леонов В.П., Скворцова О.В.); «Вековой опыт коммеморативных практик Института экспериментальной медицины (ИЭМ)» (Мазинг Ю.А.); «Юбилей Зоологического института РАН – осознание пройденного пути» (Пугачев О.Н., Слепкова Н.В.); «Юбилей Военно-медицинской академии» (Самойлов В.О.); «Празднование 200-летнего юбилея Российской Академии наук» (Соболев В.С.).

В рамках конференции сотрудниками Библиотеки Академии наук была организована выставка «Юбилей в истории Библиотеки Академии наук как источник изучения отношения государства к науке (XVIII–XXI вв.)».

Мы рассматриваем конференцию как первый шаг по пути изучения разных аспектов коммеморативных практик в современной истории науки, в которой можно выделить следующие кластеры актуальных проблем.

Общеметодологические: юбилей как пропаганда достижений науки, как диалог ученых с властью и обществом, как лоббирование планов научного сообщества; как самоидентификация и самопознание науки; как актуализация прошлого и прогнозирование будущего науки; межкультурный и межнациональный трансфер в юбилейных практиках; общенациональные юбилеи и участие в них ученых; научные юбилеи и бизнес.

Эволюция коммеморативных практик в истории российской науки: зарождение и становление коммеморативной практики в XVIII веке; самобытность российской науки и пропаганда ее достижений в Императорской России; «союз науки и труда» и преодоление изоляции отечественной науки в первые десятилетия Советской России; идеология и политизация науки во время «культурной революции» и в предвоенные десятилетия; борьба с космополитизмом в послевоенные годы; пропаганда достижений советской науки в годы холодной войны и перестройки; борьба за сохранение отечественной науки на постсоветском пространстве.

Юбилеи творцов науки и их достижений: идеи и теории; книги и издания; создание дисциплин; инструменты и приборы; методы и методики; инновации.

Институционализация науки в зеркале юбилейных практик: юбилеи Академии наук (1776, 1925, 1945, 1975, 1999, 2014) как зеркало положения науки в государстве; Военно-медицинская академия; первые университеты (споры о первородстве) и вузы Российской империи; формирование сети научно-исследовательских и образовательных учреждений Российской Империи и СССР и их юбилеи; становление отраслевых и ведомственных академий; научные общества и журналы; лаборатории, бюро, комитеты, комиссии, кафедры; научные экспедиции и конференции.

Э.И. Колчинский, Н.А. Ащеулова

ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ

Ю.М. Батурин

*Институт истории естествознания и техники
им. С.И. Вавилова РАН, Москва*

НАУЧНЫЙ ЮБИЛЕЙ КАК РЕФЛЕКСИВНО КОНСТРУИРУЕМЫЙ СОЦИАЛЬНЫЙ ФЕНОМЕН

Юбилей предназначен для удовлетворения естественной потребности человека и общества в воспоминаниях и поддержания памяти о значительных личностях и важных событиях, являющихся частью культурного и исторического наследия человечества, страны, народа, социального института, того или иного круга людей. В фокусе любого научного юбилея обычно находится научный субъект и/или связанное с ним научное событие.

Предварительно дадим несколько рабочих определений.

Определение 1. Научный субъект – ученый (физическое лицо, личность) или организационно оформленная группа ученых (лаборатория, институт, университет, академия наук).

Определение 2. Научное событие – действие, совершенное научным субъектом и зафиксированное на шкале времени (календаре).

Определение 3. Научный объект – научный субъект и/или его действие (научное событие).

Определение 4. Субъектная среда – научные и иные субъекты, прилагающие направленные усилия для переосмысления научного объекта.

Базовыми субъектами научных юбилеев обычно являются представители научной среды (организаторы науки, заинтересованные в юбилее ученые, а также ученые, остающиеся за пределами активного юбилейного круга), общество (налогоплательщики; лица, причастные к науке; школьники и студенты и т. д.), а также представители властей (государственная власть, отраслевые начальники).

Теперь мы готовы определить в целях данной статьи научный юбилей.

Определение 5. Научный юбилей – ментальный феномен, порождаемый научным объектом, осмысляемый научным субъектом в рамках юбилейных («круглых») периодов временной шкалы и, возможно, сопровождаемый направленными организационными усилиями субъектной среды.

Именно ментальная природа научного юбилея позволяет рассматривать его как рефлексивно конструируемый феномен.

Введем следующие обозначения:

S_j – научный субъект-юбиляр (имея в виду, *subject* – субъект, и *jubilee* – юбилей);

E – субъектная среда (*environment* – среда);

E_s – научный субъект (*scientific* – научный);

E_o – иные субъекты (*other* – иной);

$E = E_s + E_o$.

A_s – действие научного субъекта, событие (*action* – действие).

Зафиксируем весь наличный субъектный состав $\{S_j, E_s, E_o, A_s\}$ на прямоугольном «ментальном планшете» (в терминологии В.А. Лефевра, «плацдарм» [1, с. 12]). Каждый из трех видов субъектов имеет свои представления о юбиляре или юбилейном событии, поэтому «ментальный планшет» каждого из субъектов будет отличаться от других. Что же касается научного события A_s , то иногда оно выражается в виде научной книги, теории, формулы, наконец, и значит, имеет свое ментальное содержание, которое и отражается на «ментальных планшетах» субъектов в соответствии с их представлениями.

Различие представлений хорошо иллюстрируется таким примером. При подготовке 100-летнего юбилея со дня смерти М.В. Ломоносова научный субъект E_s (Императорская Петербургская Академия наук) планировал лишь торжественное заседание, но представители общественности видели предстоящий юбилей значительно шире: поминальное богослужение в Александро-Невской лавре, концерт в Мариинском театре, учреждение ломоносовских стипендий, а также медали за лучшее сочинение о Ломоносове.

С позиции рефлексии можно выделить следующие виды научных юбилеев.

$S_j \equiv E = E_s + E_o$ Вырожденный случай, когда сам ученый подводит итоги, самоосмысление сделанного, рефлексия ученого

относительно собственных представлений о своей деятельности, авторефлексия.

$S_j \cup E = E_s + E_o$, где $\cup$ – знак логического объединения. Субъект-субъектная рефлексия, беседа ученого с ученым, пусть даже мысленная, через годы; попытка понять юбиляра, осуществляемая любым субъектом.

$A_s \cup E = E_s + E_o$ Субъект-объектная рефлексия, размышление над книгой, интерпретация текста, его толкование, критика, герменевтика, попытка понять событие, идеи людей, с ним связанных, в некотором историко-культурном пространстве.

Итак, организаторы и участники научного юбилея $\{S_j, E_s, E_o\}$ предпринимают ряд действий по реконструкции юбилейного события, имея различные представления о юбиляре, юбилейном событии и о том, как юбилей надо проводить и какие главные идеи провести. (В случае, когда юбиляр давно покинул земной мир, количество «металльных планшетов», естественно, меньше $\{E_s, E_o\}$, и юбиляр не имеет возможности корректировать планируемые мероприятия и их интерпретацию.)

«Планшет» S_j – единичный в случае присутствия юбиляра и нулевой (пустой) в случае его отсутствия. «Планшеты» $\{E_s, E_o\}$ множественны.

Конструирование рефлексивного феномена научного юбилея происходит следующим образом. Проведем параллель с процессом сборки рефлексивных субъектов, введенным В.Е. Лепским [2, с. 205–207], и подобно ему будем говорить о сборке «ментальных планшетов». «Планшеты» базовых субъектов научного юбилея собираются в планшеты совокупного научного субъекта $\{E_s\}$ и совокупного дополнительного субъекта $\{E_o\}$. Технология сборки сложна, потому что описывается функцией многих переменных и зависит от ряда параметров – культурных, ценностных, целевых. «Планшет» совокупного научного субъекта обычно оказывается более определенным ввиду общности культуры, ценностей и поставленных целей. «Планшет» совокупного субъекта, описывающего представителей власти, общества, тех или иных социальных групп, напротив, размыт, менее функционален, асинхронен. Цели того и другого субъекта могут совпадать (например, продемонстрировать глубокие научные традиции страны), а могут оказаться противоположными (скажем, получить серьезное финансирование

юбилейных мероприятий и постараться сэкономить на юбилее; при этом возможны и асоциальные цели – переложить часть средств в свой карман). Также могут отличаться ожидания от юбилея, желание использовать собственные ресурсы и т. п.

С учетом указанных расхождений сборку двух указанных совокупных «планшетов» можно рассматривать как компромиссный результат рефлексивной игры [3] виртуальных носителей этих «планшетов».

Влияние «мыслительного планшета» юбиляра (в случае его физической вовлеченности в процесс подготовки юбилея) на результат этой рефлексивной игры не может значительно повлиять на сложнейшие взаимодействия в процессе описанной выше сборки.

В случае, когда речь идет о юбилейном событии, на совокупных «планшетах» оно описывается в виде, удобном для отражения результата рефлексивной игры и необходимом скорее для укрепления единства базовых субъектов и оправдания настоящего, нежели для подтверждения его подлинности.

На плоскостях «ментальных планшетов» взаимно отражается их содержимое, и результат их сложения может оказаться и обычно оказывается отличающимся от первичных представлений субъектов E_s и E_o . Так, в ходе подготовки к празднованию 200-летия М.В. Ломоносова была спланирована большая издательская программа: закончить издание собрание сочинений Ломоносова, выпустить словарь его языка и ряд научных трудов. Однако в результате была опубликована лишь научная биография великого ученого, написанная Н.А. Меншуткиным. Задуманный Ломоносовский институт не создали. Памятник Ломоносову рядом со зданием Академии наук открыли лишь через 75 лет. Вместо выставки при Академии наук была организована большая юбилейная экспозиция «Ломоносов и Елизаветинское время» в Императорской Академии художеств, причем самому Ломоносову была отведена последняя, угловая комната, т.е. акценты были смещены в пользу царского двора. 250-летний юбилей М.В. Ломоносова отмечался уже как праздник всей страны, торжественное собрание проходило в Московском государственном университете, а юбилейная выставка называлась «М.В. Ломоносов и его роль в развитии русской и мировой науки». Празднование 300-летия М.В. Ломоносова восстановило правильный баланс оценок ученого, появилось новое

издание его собрания сочинений, вышло множество книг и альбомов и не только научных, имела успех замечательная выставка в Эрмитаже. Но зато 250-летие со дня его смерти в 2015 г. прошло почти незамеченным. Наверное, здесь сказался слишком короткий промежуток, отделяющий одну дату от другой. Но также и социальный контекст: 2011 и 2015 годы слишком отличаются по отношению властей к науке и ученым.

Представим себе многогранник, оформленный изнутри в стиле «комнаты смеха» (здесь нет ни намека на насмешку над научными юбилеями, просто проводится хорошо всем знакомая аналогия). Каждая грань внутри – это индивидуальный «ментальный планшет», зеркало, отличающееся от других своим рельефом в соответствии с представлениями, отраженными на «планшете». Наблюдатель, оказавшийся внутри этого «ментального многогранника», увидит сложнейшие отражения «ментальных планшетов», вообще говоря, не совпадающие ни с одним из исходных «планшетов» (и, кстати, внесет в него новые искажения, поскольку «увидит» для него означает отражение на своем «ментальном планшете»).

Проведенное сравнение хорошо объясняет, почему ни один научный юбилей не получается таким, как он был задуман, а также почему наряду с похвальными его оценками непременно присутствует и критика юбилея.

Благодаря свойству рефлексивности базовых субъектов в процессе их сборки конструируется пространство юбилея (разной конфигурации в зависимости от способности и ранга рефлексии каждого субъекта), в котором базовые субъекты производят активные действия по достижению своих целей. Множественность воспоминаний, зафиксированная на «планшетах», после сборки превращается в коллективную память и тем самым объединяет большие группы людей, становится основанием их общей идентичности.

Так, годовщины запуска первого спутника, первого полета человека в космос, первого выхода в открытый космос в силу особой значимости указанных технических достижений неизбежно вызывают у граждан чувство гордости за свою Родину и укрепляют их единство. Более того, при этом происходит эмоциональный перенос, быть может, не всегда обоснованный, гордости и единства из прошлого в настоящее и даже в будущее.

При сборке «ментальных планшетов» в юбилейной практике используется презумпция лояльности: конфликтующие представления исключаются из образов на «планшетах». Отсюда следует сведение взаимной критики и критики юбиляра (юбилейного события) к исчезающе малой величине. А это, в свою очередь, означает создание взаимоприемлемого (неточного, переработанного), т. е. мифологизированного образа юбиляра (юбилейного события).

Заметим, что мифологизация юбиляра или юбилейного события – не имеет целью искажение действительности (хотя последствия научного юбилея при неизбежном попадании соответствующей информации в качестве исторического источника в поток научной литературы к этому иногда приводят). Юбилей пропускает информацию о юбиляре или юбилейном событии через «фильтр» праздника и транслирует мифологизированные образы в будущее, объясняя, *почему* юбилейное событие (юбиляр) не забыты, а вовсе не сведения о том, как все происходило на самом деле.

Если, однако, презумпция лояльности замещается презумпцией величия (правильнее говорить, псевдовеличия), то срабатывает «эффект бумеранга» и возникает миф, обратный по знаку. Так, на волне послевоенного безудержного прославления отечественной науки для достижения поставленных целей в ломоносововедении был сформирован образ М.В. Ломоносова как человека, освоившего все науки, сделавшего величайшие открытия и самостоятельно сконструировавшего многие новые научные приборы. В результате, как закономерная реакция общества, возник противоположный миф о том, что он вообще ничего не сделал в науке.

Особым способом мифологизации юбиляра или юбилейного события является искусственное расширение юбилейных периодов на шкале времени с целью углубить историю научного учреждения.

Дополнительно к сказанному хотелось бы обратить внимание на следующее: благодаря презумпции лояльности, можно утверждать, что юбилейные практики – уникальное поле, где сборка «ментальных планшетов» субъектов возможна и чаще всего достигается. Этим юбилейные практики особенно интересны – как образцы социальных технологий. Они могут служить полигоном не только отработки механизмов сборки рефлексивных субъектов, но и в более широких социально-экспериментальных целях.

Особый вид научных (точнее, научно-технических) юбилеев – непраздничные событийные юбилеи. К числу таких бедственных событий относится одна из самых больших техногенных катастроф в истории атомной энергетики – авария на Чернобыльской АЭС 26 апреля 1986 г. Обращение к этой теме в год 30-летия катастрофы – форма коллективного осмысления происшедшего.

Для науки любое обсуждение сложной и противоречивой темы обязательно сводится к поиску истины. Но и в такого рода юбилеях обычно самый важный для ученого вопрос: что же в действительности произошло? – замещается другим вопросом: почему данное событие остается в памяти людей? Презумпция лояльности в непраздничных юбилеях принимает форму уважения к памяти отдавших свои жизни ради многих.

Чернобыльская авария дает наглядный пример последствий, которые растянутся на тысячи лет вперед, – подавляющее человека осознание несоразмерности этого периода с юбилейным промежутком, с продолжительностью человеческой жизни и даже соотносимого по масштабам с жизнью человечества. Чернобыль продемонстрировал одновременно могущество и уязвимость человека.

Непраздничный событийный юбилей пропускает информацию о давно прошедшем событии сквозь иной фильтр – общей причастности к нему, и благодаря направленным усилиям базовых субъектов, уточняет отношение к данному событию на сегодняшних «ментальных планшетах», тем самым определяя и будущее к нему отношение. При этом в последующих юбилеях это отношение может изменяться.

Роль историков науки сродни функции наблюдателя, вошедшего в «ментальный многогранник» со своим «планшетом»: понимая важную социальную функцию и роль научных юбилеев и придерживаясь презумпции лояльности в ходе юбилейных торжеств, выполнять впоследствии (выйдя из «многогранника») функцию «чистильщика», оберегая, насколько это возможно, историю науки от мифологической составляющей, накапливаемой в процессе подготовки и проведения научных юбилеев (сборка «ментальных планшетов», рефлексивная игра с поиском компромисса, изъятие конфликтующих представлений, «освещение» образа юбиляра или юбилейного события).

Литература

1. Лефевр В.А. Конфликтующие структуры. М.: Советское радио, 1973. 160 с.
2. Лепский В.Е. Рефлексивно-активные среды инновационного развития. М.: Когито-Центр, 2010. 256 с.
3. Новиков Д.А., Чхартишвили А.Г. Рефлексивные игры. М.: СИНТЕГ, 2003. 150 с.

Н.А. Борисова

*Центральный музей связи имени А.С. Попова,
Санкт-Петербург*

О РОЛИ КОММЕМОРАТИВНЫХ (ЮБИЛЕЙНЫХ) ПРАКТИК В ИСТОРИИ ТЕЛЕКОММУНИКАЦИЙ

В истории мировых телекоммуникаций много знаменательных событий и великих имен, о которых принято вспоминать в юбилейные даты. Коммеморативные практики, к которым относятся мероприятия, посвященные юбилеям создания каждого из основополагающих видов связи (телеграфии, телефонии, радио и телевидения), а также их творцов, востребованы в мировом сообществе, но они не исследовались в рамках популярной в наши дни проблематики «memory studies».

Рассмотрим те из них, которые связаны с признанными в мировом сообществе учеными, такими, как изобретатель электромагнитного телеграфа П.Л. Шиллинг, изобретатель радио А.С. Попов, основоположник электронного телевидения Б.Л. Розинг.

100-летие П.Л. Шиллинга

Начало коммеморативным (юбилейным) практикам в истории отечественных телекоммуникаций было положено в 1886 г., когда отмечался 100-летний юбилей со дня рождения Павла Львовича Шиллинга (1786–1837). Торжественное чествование было задумано как акция, призванная «восстановить право нашего соотечественника на великое изобретение, имеющее мировое значение». Инициатором юбилейных торжеств выступило Русское техническое

общество (РТО). Главное Управление Почт и Телеграфов (ГУПиТ) активно поддержало эту идею; откликнулись немногочисленные родственники. Была создана комиссия, которую возглавил Председатель Электротехнического отдела РТО Ф.К. Величко. Торжественное заседание состоялось 22 апреля 1886 г. в одном из залов Императорского Технического общества в здании Соляного городка в Санкт-Петербурге. Собранный в процессе подготовки к юбилею материал о деятельности П.Л. Шиллинга и по истории электрического телеграфа был доложен на заседании, опубликован и позже лег в основу историографии телеграфной связи. Материальным доказательством первенства юбиляра стала демонстрация Главным механиком Петербургского телеграфа И.Н. Деревянкиным работы сохранившегося телеграфного аппарата П.Л. Шиллинга. Поступило множество приветственных телеграмм из России и из-за рубежа. Московское отделение РТО чествовало П.Л. Шиллинга 26 апреля 1886 г. Завершением юбилейных мероприятий в честь человека, «оказавшего одну из величайших услуг всему человечеству», стало заявление председателя комиссии Ф.К. Величко о необходимости установки памятника изобретателю электромагнитного телеграфа П.Л. Шиллингу. В Центральном музее связи имени А.С. Попова (ЦМС) хранятся документы, подтверждающие, что прилагались определенные усилия по сбору средств на памятник, но, к сожалению, этим планам не суждено было исполниться. Все закончилось установкой мраморной доски на доме, где П.Л. Шиллинг жил и умер. Эта доска сохранилась до наших дней.

Юбилей изобретения радио и А.С. Попова

Формирование коммеморативных практик, связанных с изобретением радио, происходило в советский период. Начало было положено в 1925 г., когда отмечали 30-летие изобретения. Совет Народных Комиссаров СССР (СНК) утвердил Организационный комитет, выделил финансовые средства. Главное торжество происходило 7 мая (в историческую дату первой демонстрации А.С. Поповым своего изобретения) в Ленинграде в Электротехническом институте (ЛЭТИ). В тот же день торжественное заседание прошло в Москве в Политехническом музее и в Нижнем Новгороде. В ЛЭТИ была организована выставка, представившая 250 экспонатов – от первых приборов Попова до современной радиотехни-

ки. К юбилею были выпущены специальные брошюры. Огромное количество статей появилось в прессе и в технических изданиях. Тогда же было положено начало формированию «мест памяти» (определенных точек, вокруг которых концентрируется и сохраняется коллективная память), связанных с именем А.С. Попова.

Особое значение имели юбилейные мероприятия в честь 50-летия изобретения радио, которые состоялись в мае 1945 г. – в дни победоносного завершения войны с фашистской Германией. 2 мая 1945 г. вышло Постановление СНК о праздновании полувекового юбилея. Учитывая роль радио в культурной и политической жизни общества и в обороне страны, правительство объявило 7 мая Днем радио. Было решено установить памятник А.С. Попову в Ленинграде, соорудить обелиск на острове Гогланд, где в 1900 г. была оборудована станция первой отечественной линии радиосвязи, учредить золотую медаль имени А.С. Попова и значок «Почетный радист», установить мемориальные доски на зданиях, связанных с деятельностью А.С. Попова, присвоить его имя ряду учреждений, в том числе Центральному музею связи.

В советский период юбилеи, связанные с изобретением радио и именем А.С. Попова, стали традицией. Остановлюсь на последнем. 150-летие А.С. Попова (1859–1906) в 2009 г. было решено отметить с размахом. Идею поддержало Министерство связи и массовых коммуникаций. Был создан сайт, где на карте страны отмечались города, планировавшие юбилейные мероприятия – выставки, научные конференции, соревнования по радиоспорту, экспедиции, митинги, «уроки Попова» и пр. В рамках подготовки к юбилею историография радиосвязи пополнилась ценными научными исследованиями. На международном уровне 150-летие А.С. Попова было отмечено установкой мемориальной доски в штаб-квартире Международного союза электросвязи в Женеве.

Как показала практика, интерес к коммеморациям, связанным с личностью А.С. Попова и его изобретением, непрерывно растет во всем мире, что неудивительно – в наши дни беспроводная связь составляет основу современных мобильных технологий.

Юбилеи Б.Л. Розинга и его изобретения

Трагическая судьба основоположника электронного телевидения Бориса Львовича Розинга (1869–1933), умершего в ссылке в

Архангельске, отразилась и на развитии коммеморативных практик, связанных с его именем. В 1957 г. ученого реабилитировали за отсутствием состава преступления. Приоритет Б.Л. Розинга в области телевидения известен. На его работы 1907–1911 гг. всегда ссылался американский изобретатель русского происхождения В.К. Зворыкин, ученик Б.Л. Розинга.

После длительного забвения наша страна до сих пор должным образом не восстановила память о Б.Л. Розинге, хотя попытки делались. В 1969 г. Ленинградское областное правление НТО радиотехники, электроники и связи им. А.С. Попова создало комиссию по празднованию 100-летия со дня рождения Розинга, которую возглавил профессор Ленинградского электротехнического института связи им. проф. М.А. Бонч-Бруевича (ЛЭИС) П.В. Шмаков. Юбилейные мероприятия носили городской характер; к ним были привлечены Ленгорсовет, городские печатные СМИ и телевидение, Ленинградский химико-технологический институт, ряд других учреждений. Удалось реализовать малую часть задуманного. Мемориальную доску на территории Технологического университета, где Б.Л. Розинг трудился над своими пионерскими проектами в области телевидения, установили только в 2003 г. (через 34 года). В 2005 г. благодаря инициативе местного сообщества удалось привести в порядок могилу ученого в Архангельске. По сей день коммеморативные практики, связанные с именем Б.Л. Розинга, носят сугубо локальный характер. Больше всего им уделяется внимание в Архангельске, а также в Краснодаре, где в годы Гражданской войны Б.Л. Розинг принял участие в создании местного университета. Телевизионная тематика не потеряла актуальности в наши дни, поэтому отдельные публикации о Б.Л. Розинге и его заслугах регулярно появляются в СМИ.

Общие черты коммеморативных практик разных лет

Во-первых, проведению торжественных мероприятий предшествует большая не только организационная, но и научно-исследовательская работа, результаты которой воплощаются в виде докладов на торжественных заседаниях, научных публикаций и статей в СМИ. Уточняются биографические сведения, налаживаются контакты с родственниками юбиляра. Во-вторых, сохраняется традиционная схема самих юбилейных торжеств: от торжествен-

ных заседаний и конференций разного масштаба к демонстрации в реальном времени возможностей технических средств связи (либо прямо на заседании, либо на сопутствующих выставках). В-третьих, к юбилейным торжествам, как правило, приурочены мероприятия по увековечиванию памяти объектов коммеморации в виде организации «мест памяти». В-четвертых, пост-юбилейная информация в средствах массовой информации существенно расширяет масштабы коллективной памяти.

Трансформация коммеморативных практик в истории телекоммуникаций

Несмотря на ряд перечисленных общих черт, коммеморативные практики с течением времени изменяются; вносятся новшества, связанные с развитием новых технологий, позволяющие придавать новое содержание старым формам (таким, например, как заседания, выставки и пр.). В 1886 г. на торжественном заседании демонстрировался в действии телеграфный аппарат Шиллинга, изготовленный в начале 1830-х гг. В 1925 г. во время торжеств по поводу 30-летия изобретения в России радио использовались возможности зарождающегося в стране радиовещания: из Москвы в Ленинград по радиотелеграфу дважды было передано краткое описание работ А.С. Попова; речь В.К. Лебединского «Значение изобретения А.С. Попова» на торжественном заседании была продублирована для жителей Ленинграда с использованием возможностей опытной радиовещательной станции «Песочная» Общества радиопередачи и др.

С течением времени и развитием технических средств связи устойчивую форму стали приобретать такие формы коммеморативных практик, как соревнования радиолюбителей в честь юбилейных мероприятий, юбилейные видеоконференции, создание специальных предъюбилейных сайтов. Арсенал способов, с помощью которых в обществе закрепляется, сохраняется и передается память о прошлом, постоянно расширяется.

Пополняется перечень «мест памяти», большое значение придается вопросам преемственности. Так, например, 7 мая 2009 г., в год 150-летия А.С. Попова, запустили спутник связи «Александр Попов», предназначенный для развития цифрового телевидения и Интернета. Можно утверждать, что новое содержание комме-

моративных практик способствует конструированию элементов преемственности в коллективной памяти; в приведенном примере – от А.С. Попова и созданного им приемника (как объектов коммеморации) к спутникам связи и современным инфокоммуникационным технологиям (ИКТ).

Несколько хуже в вопросах преемственности обстоит дело с теми объектами коммеморации, отдельные атрибуты которых устаревают. По мере того, как в конце XIX – начале XX вв. появлялись новые виды связи (сначала телефония, потом радиосвязь), актуальность осмысления событий, изобретений, личностей, связанных с телеграфией, постепенно ослабевала. Только этим можно объяснить тот факт, что в начале 1900-х гг. так и не удалось решить вопрос с памятником изобретателю электромагнитного аппарата П.Л. Шиллингу. В наши дни о юбилеях, связанных с изобретением телеграфной связи, как правило, не вспоминают. Имя Шиллинга пока еще не стерлось в коллективной памяти. Об этом свидетельствуют все новые и новые публикации непрофессиональных историков о нем, периодически появляющиеся в печатных СМИ и Интернете. Качество подобных публикаций оставляет желать лучшего, поэтому Центральному музею связи имени А.С. Попова приходится бороться с деформацией исторической памяти о Шиллинге, и еще больше – с ее утратой. Выставка ЦМС «Телеграф на “берегах Невы”», посвященная 230-летию со дня рождения П.Л. Шиллинга, прошла в рамках выставки «СВЯЗЬ-2016» в Москве в мае 2016 г. и продемонстрировала удручающую картину – имя П.Л. Шиллинга незнакомо большинству отечественных специалистов, работающих в телекоммуникационной отрасли.

О будущем телекоммуникационных коммеморативных практик

Коммеморативные практики как инструмент формирования коллективной исторической памяти в сфере телекоммуникаций должен использоваться гораздо шире, чем это имеет место. Наша отечественная история телекоммуникаций богата многими именами, и нельзя ограничиваться признанием на государственном уровне единственного объекта коммеморации в этой сфере – А.С. Попова и его изобретений. Не следует забывать П.Л. Шиллинга и воздать, наконец, должное основоположнику электронного телевидения Б.Л. Розингу. ЦМС планирует предпринять активные

действия по инициализации юбилейных торжеств в честь 150-летия со дня рождения Б.Л. Розинга в 2019 г.

В заключение нельзя не сказать еще об одной, очень важной роли коммеморативных практик в истории телекоммуникаций, объединяющей не только нацию, но и страны. С одной стороны, чествование в разных странах «своих» событий и персоналий (например, во многих странах есть свой «Попов»), говорит о факторе разобщенности в формировании телекоммуникационных исторических образов. С другой стороны, юбилейные мероприятия становятся поводом к более тщательному изучению пионерского вклада юбиляра. По мере развития научных коммуникаций происходит изменение риторики коммеморации. Фактор национальных предпочтений остается как дань историко-культурному наследию, но на первый план выходит понимание общечеловеческой значимости деятельности всех, чьим трудом создавалась техника связи, позволившая победить географическую разобщенность людей. Наибольший объединяющий потенциал принадлежит коммеморативным практикам, связанным с Международным Союзом Электросвязи.

Таким образом, с большой степенью вероятности можно прогнозировать повышение международного значения телекоммуникационных коммеморативных практик. Им предстоит сыграть значительную роль в «смягчении» межнациональных приоритетных споров, а также способствовать формированию компромиссного варианта в виде устойчивой дефиниции «пионер телекоммуникаций».

Д.В. Гельтман

*Ботанический институт им. В.Л. Комарова РАН,
Санкт-Петербург*

ЮБИЛЕИ БОТАНИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА им. В.Л. КОМАРОВА РАН И ЕГО ПРЕДШЕСТВЕННИКОВ

Ботанический институт им. В.Л. Комарова Российской академии наук – старейшее научное учреждение России с непрерывной документированной историей. Он был основан в 1714 г. (по другим данным – в 1713 г.) по указу Петра I как Аптекарский огород,

который после серии реорганизаций стал в начале XIX в. Ботаническим садом Медико-хирургической академии, а в 1823 г. – Императорским ботаническим садом (с 1918 г. – Главный ботанический сад РСФСР). В 1931 г. Ботанический сад был объединен с Ботаническим музеем, созданным в 1824 г. на базе сохранившихся ботанических коллекций Петровской Кунсткамеры.

За столь долгую историю учреждение отпраздновало несколько значимых юбилейных дат. Каждое такое празднование, с одной стороны, отражало нравы конкретной эпохи, с другой – все юбилеи имели ряд общих черт.

У нас нет данных, предпринималась ли попытка отпраздновать 100-летие основания Аптекарского огорода. Зато 200-летие Императорского ботанического сада в 1913 г. было широко отмечено и стало поводом для целого ряда инициатив.

В первую очередь необходимо отметить, что к этому юбилею был выпущен трехтомный капитальный труд по истории сада [1], который может служить образцом подготовки подобных изданий. В его создании ведущую роль сыграл главный ботаник В.И. Липский, многие сведения административно-технического характера (история штатов, строений и т.п.) собраны секретарем сада С.В. Любимовым. Липским впервые детально исследован вопрос о годе основания Аптекарского огорода. В итоге он сделал выбор в пользу декабря 1713 г. (хотя документальных оснований было больше для 1714 г.), при этом прямо отмечал, что делает это в том числе и по конъюнктурным соображениям, с тем, чтобы совместить юбилей сада с празднованием 300-летия династии Романовых и 50-летием пребывания сада в ведомстве Главного управления землеустройства и земледелия, а также открытием нового здания гербария и библиотеки.

В начале XX в. сад переживал подъем, в значительной мере связанный с деятельностью его энергичного директора А.А. Фишера-фон-Вальдгейма. Вряд ли этот опытный администратор не использовал факт предстоящего юбилея при «испрашивании кредитов» на развитие сада, хотя документальных подтверждений этому пока не обнаружено. Однако то, что именно в 1913 г. в основном было закончено строительство нового здания гербария и библиотеки (заложено в 1911 г.), появилось здание жилого дома для «штатных сотрудников», был утвержден новый штат, и нако-

нец, в структуре сада возник Институт споровых растений – вряд ли может быть простым совпадением.

Подготовка к празднованию юбилея началась в 1911 г., но высочайшее соизволение на проведение торжеств было получено только в январе 1913 г. Само празднование состоялось 10–12 июня 1913 г. в оранжереях № 4 и № 5, из которых были вынесены все растения [2].

Торжества состояли из нескольких молебнов (панихида у гробницы Петра I в Петропавловском соборе с возложением венка, торжественная всенощная «за благополучное существование сада» в оранжерее № 4 и др.) и «торжественного акта», который, по обычной отечественной практике, состоял из короткого исторического доклада и длинного чтения адресов и приветствий. Какой-либо научной конференции предусмотрено не было. Также в программу входили завтрак от высочайшего двора в Петергофе для гостей празднования, спектакль в Народном доме (ныне – помещение мюзик-холла) и прием от имени принца А.П. Ольденбургского [2].

Юбилей привлек внимание к саду: так, в 1913 г. его оранжереи посетили около 100 тыс. человек (примерно столько же посещало ежегодно в 1970–2000-е гг.). Руководство сада стремилось воспользоваться благоприятной обстановкой и в конце 1913 г. подготовило детальные предложения о его дальнейшем развитии. Предполагалось создать в структуре сада институт экспериментальной морфологии и систематики растений и станцию по исследованию лекарственных растений, организовать ряд отделений в регионах, приобрести загородный участок, подготовить «Иконографию флоры Российской Империи», расширить исследования флоры регионов России, улучшить материальную базу подразделений, закупив современное научное оборудование. Все эти предложения были изданы типографским способом на правах рукописи [3] и вынесены на обсуждение специального совещания в Департаменте земледелия и землеустройства в марте 1914 г., где были в основном одобрены. Однако их реализации помешала Первая мировая война и последующие события.

В 1939 г. руководство уже объединенного Ботанического института АН СССР обратилось в Президиум АН СССР с просьбой о праздновании 225-летия института¹ (отсчет велся от 1714 г.), однако

¹ Санкт-Петербургский филиал Архива РАН. Ф. 273. Оп. 1 (1939). Д. 5. Л. 6.

просьба была отклонена¹. Дирекция института подготовила свои возражения², а в итоге было решено совместить юбилей с 70-летием В.Л. Комарова³, однако фактически была отпразднована только вторая из этих памятных дат. Институт в плане идеологии был не на лучшем счету, и Президиум Академии предпочел не рисковать.

Подготовка к 250-летию института велась в очень сложной обстановке. Институт был центром антилысенковских сил и постоянно подвергался нападкам [4]. В 1959 г. по указанию партийных органов была разгромлена редколлегия «Ботанического журнала», последовательно отстаивавшая научные принципы в отечественной биологии [5].

В начале 1961 г. был разработан план подготовки к юбилею, который включал ряд разделов. Предполагалось завершить «Флору СССР», подготовить библиографию работ института и его предшественников, издать ряд тематических сборников, привести в порядок парк, создать в нем, в оранжереях и в музее тематические экспозиции, издать путеводители. Ожидалось, что при содействии Академии наук к юбилею удастся осуществить строительство лабораторного корпуса, пристройки к Гербарию, жилого дома, новой ограды (из этого перечня с сих пор удалось только отремонтировать ограду, которая, однако, снова требует ремонта). Сам юбилей предполагалось отметить в мае 1964 г. всесоюзной научной конференцией. Дирекция института и партийное бюро обратились за разрешениями на проведение юбилея в Президиум РАН и Ленинградский обком КПСС⁴ – без «высочайшего соизволения» было не обойтись. Однако положение, в котором оказался институт, да и вся Академия наук СССР в начале 1960-х гг., не располагали к широкому празднованию юбилея. На отчетно-выборном партийном собрании института в апреле 1963 г. было отмечено, что подготовка к юбилею приостановлена в связи с критикой института и к этому вопросу необходимо вернуться⁵.

¹ Санкт-Петербургский филиал Архива РАН. Ф. 273. Оп. 1 (1938). Д. 42. Л. 17.

² Там же. Л. 18–21.

³ Там же. Ф. 273. Оп. 1 (1939). Д. 35. Л. 7–10.

⁴ Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга. Ф. 393. Оп. 1. Д. 127. Л. 177–184.

⁵ Там же. Ф. 393. Оп. 1. Д. 129. Л. 61.

Заметки о 250-летию института появились в феврале 1964 г. в ленинградских газетах, однако никаких специальных мероприятий не проводилось. Ситуация кардинально изменилась после отстранения Н.С. Хрущева от власти в октябре 1964 г. Уже в ноябре 1964 г. появилась короткая юбилейная статья в «Ботаническом журнале» [6].

Юбилей был перенесен на конец 1965 г. и совмещен с 50-летием Всесоюзного ботанического общества. 6 октября 1965 г. Указом Президиума Верховного совета СССР Ботанический институт им. В.Л. Комарова Академии наук СССР был награжден орденом Трудового Красного Знамени. В Институте награждение воспринималось не только как признание заслуг, но и как своеобразное извинение государства за необъективное отношение. Это нашло отражение даже в праздничном приказе к 48-й годовщине Октябрьской революции, где отмечалось что «полученный нами орден Трудового Красного Знамени, зачеркивая все то несправедливое и незаслуженное, что многие годы копилось вокруг института, обязывает нас с удвоенной энергией трудиться на благо советского народа»¹.

Юбилейные мероприятия состоялись 15–18 декабря 1965 г. Центральным событием стало торжественное заседание в Большом зале Ленинградской государственной филармонии. Его открыл председатель юбилейного комитета академик Б.Е. Быховский, за три года до того возглавлявший одну из многочисленных комиссий по проверке института. От имени партийных и советских органов Ленинграда Институт приветствовал председатель исполкома Ленинградского городского совета В.Я. Исаев, который вручил институту орден Трудового Красного Знамени. С докладом «250 лет Ботанического института и задачи ботаники в коммунистическом строительстве» выступил Ал.А. Федоров, о деятельности ВБО в докладе «Всесоюзное ботаническое общество и развитие отечественной ботаники» рассказал Е.М. Лавренко. С приветствиями выступили представители АН СССР, ВАСХНИЛ, работники сельского хозяйства области, зарубежные гости из Болгарии, Венгрии, ГДР и Финляндии. 16–17 декабря были заслушаны научные доклады сотрудников института и гостей из других городов СССР, была открыта юбилейная выставка в музее. К юбилею была отчеканена

¹ Архив БИН РАН. Ф. 273. Оп. 2а. Д. 167. Л. 125.

памятная медаль и выпущен значок, проводилось специальное гашение марок на Ленинградском почтамте.

300-летие института пришлось на другой драматический момент в жизни отечественной науки – первый год реформы Российской академии наук. Показательно, что это был единственный юбилей, на проведение которого не надо было запрашивать разрешение «сверху», однако и какой-либо поддержки ни от Российской академии наук, ни от Федерального агентства научных организаций получено не было. Эта дата попала в календарь памятных дат ЮНЕСКО, однако так получилось только благодаря расторопности сотрудников дирекции института, вовремя ответивших на случайно пришедший запрос.

Конечно, в институте рассчитывали на то, что к юбилею удастся решить некоторые инфраструктурные проблемы, копившиеся десятилетиями (все то же расширение здания гербария, строительство лабораторного корпуса), однако после первых пробных обращений стало ясно, что рассчитывать на это не приходится.

Юбилейные мероприятия состоялись 23–25 июня 2014 г. [7]. Некоторые события перекликались с 200-летием Императорского ботанического сада: был установлен бюст Петра I, что не смогли, хотя и планировали, сделать в 1913 г.; возложен венок на надгробие основателя сада в Петропавловском соборе. 23 июня полуденный выстрел из пушки Петропавловской крепости был посвящен юбилею. 24 июня прошла международная научная конференция «Ботаника: история, теория, практика», в которой доклады сделали как сотрудники БИНа, так и ведущие зарубежные ученые. 25 июня состоялось традиционное торжественное заседание (разумеется, с приветствиями и вручением памятных адресов), прошедшее в очень теплое и почти семейное «гуляние в саду».

Сравнение юбилеев Ботанического института и его предшественников дает основание для некоторых заключений. Для развития инфраструктуры учреждения наиболее удачно было использовано 200-летие Императорского ботанического сада – построенными тогда объектами институт пользуется до сих пор. В преддверии 250-летнего и 300-летнего юбилеев строились лишь различные планы, которые, однако, не осуществились.

Празднование 200-летия и 250-летия требовало разрешений вышестоящих инстанций. 300-летие же прошло без таких раз-

решений и даже при некотором равнодушии обобщенного «начальства». Однако именно это празднование собрало значительное число коллег из России и из-за рубежа, а также стало настоящим, неформальным праздником для сотрудников и ветеранов института. Что же касается хода самих празднований, то в целом они включали примерно одни и те же компоненты (торжественное заседание, приветствия и т.п.) вне зависимости от характера политических режимов, на время которых приходились юбилеи.

Литература

1. Императорский С.-Петербургский ботанический сад за 200 лет своего существования: В 3 т. / Ред. А.А. Фишер фон Вальдгейм. СПб., 1913–1915.

2. Любимов С.В. 200-летний юбилей Императорского ботанического сада Петра Великого. СПб., 1914. 200 с.

3. Общие соображения и программа расширения ученой, научно-практической и просветительной деятельности Императорского ботанического сада Петра Великого. [Пг.], 1914. 126 с.

4. Гельтман Д.В. Ботанический институт им. В.Л. Комарова и Русское ботаническое общество в борьбе за научную биологию в СССР // История ботаники в России. К 100-летию юбилею РБО: Сборник статей международной научной конференции. Тольятти, 14–17 сентября 2015 г. Тольятти: Кассандра, 2015. Т. 1. С. 108–115.

5. Колчинский Э.И., Конашев М.В. Как и почему «Правда» учила «Ботанический журнал» // Вопросы истории естествознания и техники. 2003. № 4. С. 49–74.

6. Федоров Ал.А. Ботаническому институту им. В.Л. Комарова Академии наук СССР 250 лет // Ботанический журнал. 1964. Т. 49. № 11. С. I–VIII.

7. Гельтман Д.В. Юбилейные мероприятия, посвященные 300-летию Ботанического института им. В.Л. Комарова РАН // Историко-биологические исследования. 2015. Т. 7. № 1. С. 110–118.

С.Г. Инге-Вечтомов

*Санкт-Петербургский филиал Института
общей генетики им. Н.И. Вавилова РАН,
Санкт-Петербургский государственный университет*

70 ЛЕТ ФИЗИОЛОГИЧЕСКОЙ ГИПОТЕЗЕ МУТАЦИОННОГО ПРОЦЕССА М.Е. ЛОБАШЁВА

Через год после возвращения из действующей армии, в 1946 г., М.Е. Лобашёв защитил докторскую диссертацию на тему «О природе действия внешних условий на динамику мутационного процесса» [1], в которой сформулировал физиологическую гипотезу мутационного процесса, впервые поставив рядом понятия «мутация» и «репарация». Через год эта гипотеза была опубликована в виде статьи [2]. Эти события символизировали принципиальный поворот в понимании механизмов мутационного процесса, и не только мутационного процесса, как мы понимаем сегодня.

Основные события в истории превращения мутационной теории (эволюции) Г. Де Фриза [3] в теорию (механизмов) мутационного процесса оказались сопряжены как с драматическими событиями в самой науке, так и с социальными катаклизмами в нашей стране и мире. В первую очередь следует вспомнить принцип конвариантной редупликации Н.В. Тимофеева-Ресовского, сформулированный им в 30-е гг. прошлого века, когда он работал в Берлин-Бухе в Институте кайзера Вильгельма в Германии. В тот же период была опубликована знаменитая статья трех мужчин (Н.В. Тимофеева-Ресовского, К. Циммера и М. Дельбрюка) [4]. В ней был предложен принцип попадания, согласно которому мутацию рассматривали как одноактное качественное изменение молекулы гена в результате воздействия на него ионизирующей частицы или кванта энергии.

Физиологическая гипотеза М.Е. Лобашёва рассматривала возникновение мутации не как одноактное событие, а как процесс, длящийся во времени и сопряженный с репарацией клеточных структур, подвергшихся внешнему воздействию. В то время генетический материал ассоциировали с белками, и Лобашёв отталкивался от теории паранекроза Д.Н. Насонова и В.Я. Александрова, рассматривавших в своей теории паранекроза обратимость дена-

турации белков [5]. М.Е. Лобашёв уловил существенную характеристику биологических макромолекул: способность к репарации оказалась свойственной не только белкам, но и нуклеиновым кислотам, как выяснилось позже. Согласно гипотезе Лобашёва, мутации должно предшествовать предмутационное (или, как мы говорим теперь, первичное) изменение, судьбу которого и определяет процесс репарации. В случае нетождественной репарации и происходит становление мутации. Для доказательства этого положения М.Е. Лобашёв предложил специальный метод – дополнительное воздействие немутагенным фактором (температурой) после действия мутагена (рентгеновых лучей). Такое дополнительное воздействие повышало частоту мутаций по сравнению с непосредственным эффектом мутагена. Этот подход был блестяще применен учениками Лобашёва, в частности М.М. Тихомировой [6], но это происходило уже значительно позже, когда значение репарации в мутационном процессе было переоткрыто другими авторами, независимо от М.Е. Лобашёва. Так, например, Р.С. фон Борстел в 1969 г писал о связи мутагенеза и процессов репликации, репарации и рекомбинации [7].

Сам Лобашёв после формулирования физиологической (паранекротической) гипотезы волею обстоятельств был лишен возможности продолжать исследование мутационного процесса. После защиты докторской диссертации, в начале 1948 г. его избрали деканом биологического факультета ЛГУ, а в августе, после печально известной сессии ВАСХНИЛ выгнали из Университета как морганиста. Спасибо Л.А. Орбели, который взял Лобашёва в Институт физиологии им. И.П. Павлова, где Лобашёв работал до 1957 г, когда смог вернуться в Университет уже заведующим кафедрой генетики и селекции [8, с. 223–249].

В наши дни становится очевидным, что принцип конвариантной редупликации Н.В. Тимофеева-Ресовского и физиологическая гипотеза М.Е. Лобашёва отражают два универсальных свойства, две взаимодополняющих характеристики матричных процессов в клетке. Применительно к репликации мы говорим о ее неоднозначности, которую часто ассоциируют с ошибками репликации, и репарации, или коррекции молекул ДНК в ходе их воспроизведения.

То, что происходило в рамках исследования мутационного процесса, стало яркой главой в развитии матричного принципа,

предложенного Н.К. Кольцовым в 20-е – 30-е гг. XX в. [9]. Этот принцип позже был воплощен Ф. Криком в его Центральной Догме молекулярной биологии [10, 11], в которой были объединены репликация, транскрипция и трансляция. Стало очевидно, что эволюционно оптимизированное соотношение неоднозначности и репарации лежит в основе всех типов изменчивости. Более того, две эти характеристики любого матричного процесса можно проследить на всех трех стадиях их осуществления: инициации, элонгации, терминации. Баланс и канализация неоднозначности через коррекцию на стадии инициации и терминации лежат в основе регуляции матричных синтезов.

Бурное развитие молекулярной генетики и появившаяся на рубеже веков концепция белковой наследственности расширили наши представления о матричных процессах. Наряду с матричными процессами I рода (репликацией, транскрипцией, трансляцией), оперирующими линейными матрицами, появилось представление о матрицах II рода, или конформационных (пространственных) матрицах, оперирующих процессами воспроизведения характера укладки белков, но не их первичной структуры [см., например, 12]. По-видимому, общие характеристики матричных процессов I рода могут быть распространены и на матричные процессы II рода.

Эта эволюция наших представлений [13] все больше подчеркивает то, что парадигма в представлениях о наследственности и изменчивости, выработанная преимущественно классической генетикой, становится нам тесной. Формируется новая парадигма, в которой матричный принцип, по-видимому, займет центральное место [14], а представления о репарации (коррекции) в ходе матричных процессов призваны объяснить механизмы поддержания упорядоченности биологических систем.

Литература

1. Лобашёв М.Е. О природе действия внешних условий на динамику мутационного процесса. Тезисы диссертации на соискание ученой степени доктора биологических наук. Л., 1946. 3 с.
2. Лобашёв М.Е. Физиологическая (паранекротическая) гипотеза мутационного процесса // Вестн. Ленингр. ун-та. 1947. № 8. С. 10–29.

3. De Vries H. Die Mutationstheorie. Versuche und Beobachtungen über die Entstehung von Arten im Pflanzenreich. Bd. 2. Elementare Bastardlehre. Leipzig: Verlag von Veit & Co., 1903. 648 s.

4. Timofeeff-Ressovsky N.W., Zimmer K.G., Delbruck M. Über die Natur der Genmutation und der Genstruktur // Nachr. Ges. Wiss. Göttingen. 1935. VI. Neue Folge. Bd. 1. № 13. S. 189–245. (Русский перевод: Тимофеев-Ресовский Н.В. Избранные труды. М.: Наука, 2009. С. 437–480.)

5. Насонов Д.Н., Александров В.Я. Реакция живого вещества на внешние воздействия: денатурационная теория повреждения и раздражения. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1940. 252 с.

6. Тихомирова М.М. Сравнительный анализ эффекта последствий радиации на мутагенез разного типа у самок дрозофилы // Генетика. 1975. Т. XI. № 2. С. 125–134.

7. Borstel R.C. von. On the origin of spontaneous mutations // Japan J. Genet. 1969. Suppl. 1. P. 102–105.

8. Инге-Вечтомов С.Г. Ретроспектива генетики. СПб.: Изд-во Н-Л. 2015. 335 с.

9. Кольцов Н.К. Наследственные молекулы // Организация клетки. М.; Л.: Гос. изд. биол. и мед. лит. 1936. С. 585–622.

10. Crick F.H.C. On protein synthesis // Symp. Soc. Exptl. Biol. 1958. Vol.12. P. 138–163.

11. Crick F.H.C. Central dogma of molecular biology // Nature. 1970. Vol. 227. P. 561–563.

12. Maury C.P.J. Origin of life. Primordial genetics: Information transfer in a pre-RNA world based on self-replicating beta-sheet amyloid conformers // J. Theoret. Biol. 2015. Vol. 382. P. 292–297.

13. Инге-Вечтомов С.Г. От хромосомной теории к матричному принципу // Генетика. 2015. Т. 51. С. 397–408.

14. Инге-Вечтомов С.Г. Матричный принцип как парадигма современной генетики // Генетика. 2013. Т. 49. С. 1–7.

Э.И. Колчинский
Санкт-Петербургский филиал Института истории
естествознания и техники
им. С.И. Вавилова РАН

ДАРВИНОВСКИЙ ЮБИЛЕЙ 1909 г.

В 1999 г. П.Р. Абира Ама, редактор-составитель тома «Osiris», посвященного коммеморативным практикам в науке, отметила, что они приобретают черты глобальной юбилейной мании, в их проведение вовлекаются не только ученые, но властные и общественные структуры разных стран, средства массовой информации, учреждения культуры и образования, туризм и т. д. Ученые проводят юбилеи, так как считают, что они помогают осмыслить достижения, утвердить их собственные идеи, оценить ключевые фигуры в истории науки, наметить перспективы для решения актуальных проблем, лоббировать интересы научного сообщества, укрепить групповую солидарность и международные связи.

Наиболее зримо эти цели проявились в 1909 г., когда в странах Европы и в США отмечался двойной юбилей Ч. Дарвина: 100-летие со дня рождения и 50-летие выхода в свет его «Происхождения видов» [1–4]. Юбилейные мероприятия носили беспрецедентный характер и были призваны продемонстрировать миру значение науки для современной цивилизации. Вместе с тем их участники придерживались разных научных, философских, религиозных и социально-политических взглядов и действовали в разных социально-культурных контекстах [5–6]. Неизбежны отличия в преследуемых ими целях, в определении которых все большую роль начинали играть соображения национального престижа, а порой откровенный национализм в преддверии Первой мировой войны, покончившей с «Республикой ученых». В выяснении особенностей дарвиновского юбилея в разных языковых пространствах состоит цель данного сообщения.

Юбилей Ч. Дарвина как национального героя отмечался в Англии. Ему были посвящены десятки заседаний, лекций, выставок, фестивалей, банкетов, публикаций. Особо впечатляющими были торжественное заседание в Линнеевском обществе 1 июля 1908 г., на котором впервые вручали медали Дарвина–Уоллеса,

присуждаемые раз в 50 лет, а также фестиваль в Кембриджском университете 22–24 июня 1909 г. Там 1 500 гостей, включая 235 ученых из 167 разных стран и 68 британских учреждений и более 150 высокопоставленных лиц, от имени короля Эдуарда VII приветствовал Нобелевский лауреат лорд Дж. Рэлей, назвавший Дарвина величайшим ученым, которого когда-либо знал мир. В том же духе о нем говорили его шурин, бывший премьер-министр и президент Британской ассоциации науки А. Бальфур и ученые других стран, подчеркивавшие вклад Дарвина в интеграцию научного сообщества на принципах высокой морали и нравственности. Юбилей широко освещался в мировой прессе. Но патриархи дарвинизма в Германии – Э. Геккель и А. Вейсман, награжденные медалью Дарвина-Уоллеса, в торжествах не участвовали, а французские биологи вообще не приехали в Англию. Приветственное слово от имени Франции и России произнес лауреат Нобелевской премии И.И. Мечников.

Сборник «Дарвин и современная наука» [7], подготовленный под редакцией палеоботаника А. Сьюарда – будущего президента Лондонского королевского общества и Британской ассоциации науки, – был задуман как интернациональный и междисциплинарный. Его костяк составляли англоязычные (17 из Великобритании и 3 из США) и немецкоязычные (5) авторы. Не было статей из России, а Франция была представлена социологом С. Бугле. Еще по одной статье опубликовали авторы из Голландии (Гуго де Фриз) и Дании (Г. Хоффдинг), хотя крупные эволюционисты были и в других странах. Тем не менее, сборник отражал широту воздействия дарвиновских идей на всю науку и мировоззрение, а также трансформацию разных отраслей биологии под их влиянием. Хотя в нем звучала критика учения Дарвина, были и статьи, нацеленные на его развитие. Дарвина чествовали как национальную гордость, однако английские публикации подчеркивали, что эволюционные исследования дифференцировались и их невозможно втиснуть в рамки единого синтеза.

Ещё отчетливее это было показано во время юбилейных мероприятий в США, которые начались 1 января 1909 г. в Балтиморе на заседании Американской ассоциации за прогресс науки. С докладами выступили американские натуралисты Т.С. Чемберлен, Д.С. Джордан, Э.Б. Уилсон, Д.Т. Мак-Дугал, Г.М. Култер,

У.Э. Кастл, Ч. Девенпорт, Г.Ф. Осборн и британский энтомолог Э.Б. Паультон. Лишь последний защищал «весь дарвинизм от всех его критиков», тогда как американцы, признавая значение трудов Дарвина, критиковали его трактовку причин эволюции и предлагали иные подходы. Итогом заседания стала книга «50 лет дарвинизма» [8], вышедшая под редакцией Паультона. Во введении геолог Чемберлен назвал Дарвина «одним из величайших интеллектуальных лидеров» [8, р.1], но призвал продолжить начатый им труд, чтобы создать «целостную картину прогрессивной эволюции» [8, р. 6–7]. Такая же установка доминировала 12 февраля 1909 г. на торжественном заседании в Американском музее естественной истории, где президент Нью-Йоркской Академии наук Ч.Ф. Кокс подарил директору музея Г.Ф. Осборну бронзовый бюст Ч. Дарвина. С 15 февраля по 14 марта в залах Музея проходила выставка, посвященная Дарвину. Из юбилейных публикаций американских авторов особое значение имели книга энтомолога В. Келлога «Дарвинизм сегодня» (1907), а также статьи Т. Моргана «За Дарвина» (1909) и «Случайность или намеренность в происхождении и эволюции адаптаций» (1910).

Дж. Браун считает, что юбилейные торжества 1909 г. в Англии и США были организованы небольшой группой натуралистов и членов семьи Дарвина, чтобы напомнить о теории естественного отбора в период ее кризиса [4, р. 324]. На мой взгляд, ближе к истине М. Ричмонд, которая полагает, что ученые собрались не столько для того, чтобы воздать должное одному из своих «героев», сколько с целью оценить прочность его конструкции в критической ситуации [3]. И в Англии, и в США нашлись биологи разных поколений, выступившие в защиту теории естественного отбора и ратовавшие за ее синтез с менделизмом и мутационизмом. Конечно, преобладали те, кто преследовал цель показать «величие Дарвина и слабость дарвинизма», но в Англии их было меньше, чем в США. Английские мероприятия и сборники отличались от американских большим числом участников и разнообразием тематики. Выход из кризиса стал задачей поколения дарвинистов, построивших математические модели естественного отбора и использовавших генетику для решения традиционных дарвиновских проблем (Дж. Хаксли, Дж.Б.С. Холдейн, Е. Форд, Р. Фишер и др.). Они не были среди главных участников проис-

ходящего юбилея, но могли тех видеть и получить мощную дозу эволюционного фермента. Как вспоминал Дж. Хаксли, именно в Кембридже в 1909 г. он решил, что все его исследования будут выполнены в духе дарвинизма [9, р. 73].

Если в англоязычных странах практически не вспоминали о том, что в 1909 г. исполняется и 100 лет выходу в свет «Философии зоологии» Ж.-Б. Ламарка, то во Франции именно эта дата стала главной в юбилейном году. В 1909 г. на французском языке не было опубликовано ни одной работы, посвященной Дарвину, в то время как статьи и книги о Ламарке исчислялись десятками [Tort, 2014]. В них его чествовали как подлинного основателя эволюционной концепции, а Дарвину отдавали приоритет в выдвижении теории естественного отбора. В таком духе были выдержаны публикации крупнейших французских натуралистов, философов, социологов, писателей. Это Л. Гиньяр, М.И. Гольдсмит, Л. Гурмон, Ф.А. Ле Дантек, Л. Делаж, М. Ландру, Э. Перрье, К. Рихтер, Ж. Фридел и др.

Центральным юбилейным событием во Франции стало открытие памятника Ламарку на территории Музея естественной истории 13 июня 1909 г. На церемонии присутствовали президент Франции А. Фальер, принц Монако Альберт I, члены французского правительства, депутаты Национального собрания и Сената, представители дипломатического корпуса, городского совета Парижа, ученые Франции. Иностранцев было мало. Лейтмотивом публикаций и докладов была трагическая судьба великого французского ученого, не получившего признания у современников и забытого потомками, в результате чего вся слава досталась Дарвину. Рефреном шло также напоминание о долге перед Ламарком и отмщении. Это запечатлели слова, высеченные на постаменте памятника Ламарку и якобы принадлежащие его дочери Корнелии: «Потомки будут гордиться Вами, папа. Они отомстят за вас». Их впоследствии тиражировали много раз, хотя непонятно: кому, за что, а самое главное, как могли потомки отомстить за Ламарка. Дискурс искупления вины и отмщения неведомым врагам не получил развития в 1909 г., но дал толчок мифам для последующих юбилеев Дарвина и Ламарка. В СССР он был дополнен суждениями о буржуазной науке, сначала скрывшей учение Ламарка, а затем искажившей его.

Франция, будучи союзницей Англии по Антанте, воздерживалась от выпадов в адрес Дарвина, но не желала уступать престиж в создании эволюционного учения. Сказывалось традиционное англо-французское соперничество в области науки, но какую-то роль играли националистические соображения и нежелание уступить приоритет в признании Ламарка Э. Геккелю. После Первой мировой войны образ Ламарка приобрел героически-сакральный характер. Ученый изображался воином, отдавшим жизнь в битве за истину и заслужившим захоронения у Триумфальной арки [11, р. 53].

В Германии, как и в Англии, дарвинизм имел огромное научное и общекультурное значение. Из семерых ученых, награжденных медалью Дарвина–Уоллеса, трое были немецкие биологи (А. Вейсман, Э. Геккель и Э. Страсбургер). Они не были апологетами Дарвина и конфликтовали друг с другом. Здесь главное событие выделить затруднительно. Фактически в каждом университетском городе проходили мероприятия, в которых эволюционизм торжествовал победу над другими мировоззрениями. К тому времени немецкие ученые предложили такое количество альтернативных эволюционных концепций и дополнений к теории Дарвина, что было бы правильнее считать Германию не «второй родиной дарвинизма», а вотчиной антидарвинизма. Французу Ж.-Б. Ламарку нашелся немецкий предшественник – И.В. Гёте, а на роль немецкого Дарвина претендовали одновременно Э. Геккель и А. Вейсман. 12 февраля 1909 г. на торжественном заседании в Йене Геккель, ратуя за синтез дарвинизма и ламаркизма, доказывал, что естественное единство картин мира Дарвина и Ламарка ведет к сформулированной Геккелем философии монизма, которая должна стать натурфилософией и методологией всей современной науки [12, S. 13]. С ним полемизировал А. Вейсман, уверявший, что только основанный им неодарвинизм позволяет решить основные проблемы эволюции. Все эти дискуссии шли на фоне усиления правого радикализма и имперско-националистических настроений, подпитываемых сочинениями Геккеля и Вейсмана. Именно их ученики (Э. Баур, Ф. Ленц, А. Плётц, Э. Рюдин, О. Фишер, В. Шальмайер) создавали расовую гигиену, доказывающую необходимость отбора для поддержания здоровья немецкой нации и доминирования нордической расы, а ратававшие за интерна-

ционализм лидеры немецкой социал-демократии предпочитали труды Дарвина.

В России дарвиновский юбилей 1909 г. проходил в обстановке острого идеолого-политического и социального кризиса. Эволюционизм был мировоззрением либеральной и революционной интеллигенции и вызывал неприятие у консерваторов и клерикалов. Это сказалось на научном сообществе. Здесь также трудно выделить главное юбилейное событие. Вышли два собрания сочинений Дарвина. В ряде научных и учебных заведений прошли заседания, где порой чествовали не только Дарвина, но и Ламарка, и даже Геккеля. О «русских предшественниках Дарвина» тогда ещё никто не говорил. Академия наук, университеты Санкт-Петербурга, Москвы, Гельсингфорса и Юрьева командировали представителей на торжества в Кембридж, а Университет св. Владимира в Киеве отказался участвовать в них по соображениям религиозного, научного, идеолого-политического и нравственного порядка. В Англии присутствовали лидеры отечественной биологии (И.П. Бородин, В.В. Заленский, Н.И. Кузнецов, И.И. Мечников, К.А. Тимирязев, В.М. Шимкевич), но никто из них не был награжден медалями Дарвина и Дарвина-Уоллеса и не участвовал в сборнике «Дарвин и современная наука». В России вышел сборник «Памяти Дарвина» (1910), в котором приняли участие видные русские биологи, включая Нобелевских лауреатов И.И. Мечникова и И.П. Павлова, и известный социолог М.М. Ковалевский.

Юбилей активизировал интерес российских ученых к новейшим эволюционным идеям, в том числе и к недарвиновским концепциям. Труды их авторов активно издавались на русском языке. В 1911 г. впервые в России вышла «Философия зоологии» Ламарка. В то же время кризис дарвинизма не носил здесь столь острого характера, как в Англии, США, Германии, а тем более во Франции. В России доминировали биологи разных специальностей и разных поколений, выступавших в его защиту. Даже на пике кризиса они отстаивали дарвинизм как основу дисциплинарной идентичности.

Таким образом, в каждой из ведущих научных держав юбилей приобретал специфические черты, определяемые национальными традициями и общей идеолого-политической обстановкой. Аналогичная картина наблюдалась в Италии, Испании, Португалии,

Голландии, Дании, Швеции и других странах [6]. После Первой мировой войны эти различия усилились, что заставило двух изгоев послевоенного мира – Советскую Россию и Версальскую республику – искать новые пути научного сотрудничества. Это сказалось на особенностях эволюционного синтеза в разделенном мире [14, 15, 16].

Работа подготовлена при финансовой поддержке РГНФ (проект № 15-03-00017а).

Литература

1. Charles Darwin: A Commemoration 1882–1982: Happy is the Man that Findeth Wisdom // Ed. R.J. Berry. London; New York: Acad. Press, 1982. 135 p.
2. Browne J. Charles Darwin as a Celebrity // Science in Context. 2003. Vol. 16. P. 175–194.
3. Richmond M. The 1909 Darwin Celebration: Reexamining Evolution in the Light of Mendel, Mutation and Meiosis // ISIS. 2006. Vol. 97. № 3. P. 427–484.
4. Browne J. Birthday to Remember // Nature. 2008. Vol. 456. P. 324–325.
5. Колчинский Э.И. Юбилей Ч. Дарвина в социально-культурных и когнитивных контекстах // Историко-биологические исследования. 2009. Т. 1. № 1. С. 15–48.
6. The Literary and Cultural Reception of Charles Darwin in Europe. Vol. 1–2 / Ed. Th. Glick, E. Shaffer. London; New Delhi; New York; Sydney: Bloomsbury, 2014. 784 p.
7. Darwin and Modern Science; Essays in Commemoration of the Centenary of the Birth of Charles Darwin and of the Fiftieth Anniversary of the Publication of the Origin of Species / Ed. A.C. Seward. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1909. 575 p.
8. Fifty Years of Darwinism; Modern Aspects of Evolution; Centennial Addresses in Honor of Charles Darwin, before the American Association for the Advancement of Science, Baltimore, Friday, January 1, 1909 / Ed. E. Poulton. New York: Holt, 1909. 274 p.
9. Huxley Ju. Memories. London: Allen & Unwin, 1970. III, 326 p.
10. Tort P. 1909. The Great Silence – Remarks on the Not-Celebration of Darwin's Centenary in France // The Literary and

Cultural Reception of Charles Darwin in Europe. Vol. IV / Ed. Th. Glick, E. Shaffer. London; New Delhi; New York; Sydney: Bloomsbury, 2014. P. 400–415.

11. Corsy P. Celebrating Lamarck. Introducing Speech for the Colloquium on Lamarck, October 24th 1994 // Jean-Baptiste Lamarck / Ed. G. Laureant. Paris: Édition du CTHS, 1997. P. 51–61.

12. Haeckel E. Das Weltbild von Darwin und Lamarck. Festrede zur Hundertjährigen Geburtstage-Feier von Charles Darwin am 12. Februar 1909 gehalten im Volkshause zu Jena. Leipzig: A. Kröner, 1909. 39 S.

13. Weismann A. The Selection Theory // Charles Darwin and Modern Science; essays in commemoration of the centenary of the birth of Charles Darwin and of the fiftieth anniversary of the publication of the Origin of Species / Ed. A. Seward. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1909. P. 18–65.

14. Хоссфельд У., Юнкер Т., Колчинский Э.И. Протагонисты и главные научные труды по эволюционному синтезу в немецком языковом пространстве // ВИЕТ. 2000. № 1. С. 69–95.

15. Советско-германские научные связи времени Веймарской республики / Отв. ред. Э.И. Колчинский. СПб.: Наука, 2001. 367 с.

16. Колчинский Э.И. Единство эволюционной теории в разделенном мире XX века / Отв. ред. М.Б. Конашев, С.И. Зенкевич. СПб.: Нестор-История, 2014. 823 с.

В.П. Леонов, О.В. Скворцова

Библиотека Российской академии наук, Санкт-Петербург

**ЮБИЛЕИ В ИСТОРИИ БИБЛИОТЕКИ АКАДЕМИИ НАУК
(ПО МАТЕРИАЛАМ ИЗ ФОНДОВ БАН И МУЗЕЯ ИСТОРИИ БАН,
XVIII–XXI вв.)**

Трехвековая история старейшей научной библиотеки России – Библиотеки Академии наук – была отмечена целым рядом юбилейных событий.

В нашем сообщении мы попытались представить обзор этих торжественных мероприятий за период с XVIII по XXI век с ис-

пользованием материалов из книжных фондов БАН и фондов Музея истории БАН.

Отличительной особенностью юбилеев Академии наук и Библиотеки является несоответствие между историческими датами их основания и фактическими датами проведения торжественных заседаний. Известно, что иногда академические собрания происходили с опозданием на год, а то и на два года.

Празднование первого юбилея – 50-летия Императорской Академии наук – состоялось 29 декабря 1776 г. В Летописи БАН упоминается, что к этому событию был подготовлен фундаментальный труд библиотекаря Иоганна Бакмейстера «Опыт о Библиотеке и Кабинете редкостей...».

С 1776 по 1925 год наступает период длиной в полтора столетия, когда упоминаний о БАН в связи с юбилейными торжествами Академии мы не обнаружили.

200-летний юбилей Академии был отмечен особым вниманием к академической Библиотеке. Академическая библиотека была перенесена в новое здание на Биржевой линии, дом 1, где 9 сентября 1925 г. состоялось ее официальное открытие.

БАН активно принимала участие в торжествах по поводу 220-летия Академии наук СССР. В Главном читальном зале БАН открылась выставка изданий Академии наук. В залах Академии наук на Университетской набережной специально для гостей Юбилейной сессии была размещена экспозиция, посвященная юбилею.

Первые сведения о праздновании юбилеев БАН, независимо от Академии наук, относятся к 1954 году. С этого времени зародилась традиция отмечать юбилеи БАН в третьей декаде ноября.

Самым значительным и грандиозным торжеством было празднование 250-летия БАН 25 ноября 1964 г. К этой дате была подготовлена уникальная коллективная монография и составлен библиографический указатель по истории Библиотеки за 250 лет; проведена научная конференция и изданы ее труды; развернута книжная выставка, отчеканена памятная медаль, снят документальный фильм «Во имя науки». Подготовлена филателистическая продукция – марка, художественный конверт и памятные сувениры. Юбилей нашел живой отклик на страницах периодической печати. Торжественное заседание, посвященное БАН, прошло в

Государственном академическом театре драмы им. А.С. Пушкина, где Библиотеке был вручен орден Трудового Красного Знамени.

Последующие пятьдесят лет для нашей страны были связаны с масштабными переменами в политической, экономической и социальной жизни. Как ни парадоксально, но в этот период памятные даты открытия БАН отмечались регулярно каждые пять лет и сопровождались интересными для ее биографии событиями, такими как присвоение в 2004 г. имени БИБЛИОРАН малой планете Солнечной системы № 30722. Благодаря этим небольшим праздникам подводились итоги и строились планы на будущее. Они придавали силы коллективу, помогали выживать, работать, дарили новые надежды.

В 2014 г. отмечалось 300-летие БАН. В Главном читальном зале прошло торжественное пленарное заседание научной конференции «Библиотека Академии наук: 300 лет служения науке», приехало много гостей с поздравлениями и приветствиями. Открылись книжно-иллюстративные выставки. Вышли в свет уникальные издания: «Биографический словарь сотрудников Библиотеки Российской академии наук», 2-й том Летописи БАН, издан юбилейный буклет; почтой России выпущена художественная почтовая карточка с оригинальной маркой. БАН была оказана честь произвести полуденный выстрел из пушки с бастиона Петропавловской крепости.

Отдельные заседания, посвященные юбилею БАН и Кунсткамеры, прошли в Москве на Историко-филологическом отделении и в Научном совете РАН «История мировой культуры».

В БАН бережно хранятся все атрибуты прошедших юбилеев Библиотеки, многие из которых сегодня являются музейными и архивными редкостями.

Подводя итоги, можно сказать, что юбилеи БАН были и остаются важнейшими событиями в истории Библиотеки и биографии каждого сотрудника БАН. Они вселяют в нас силы и побуждают к желанию продолжать верно служить великой Российской Библиотеке – Библиотеке Академии наук.

Ю.А. Мазинг

*ФГБНУ «Институт экспериментальной медицины»,
Санкт-Петербург*

ВЕКОВОЙ ОПЫТ КОММЕМОРАТИВНЫХ ПРАКТИК ИНСТИТУТА ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЙ МЕДИЦИНЫ (ИЭМ)

Развитие науки имеет ступенчатый характер, обусловленный чередованием длительных периодов накопления информации с моментами ее синтеза, нередко воспринимаемыми современниками как озарения. Такие качественные скачки почти всегда носят методологический характер, существенно изменяя господствующие в науке мировоззренческие концепции (парадигмы). В терминах синергетики подобный момент называется точкой бифуркации. Самым образным примером бифуркации служит закрепленный на жестком стержне маятник, установленный вертикально вверх. Его неустойчивое равновесие может быть нарушено в любую секунду, и в то же время оно может сохраняться достаточно долго. Но когда, и особенно в какую сторону качнется маятник, предсказать невозможно. Выбор «решения» маятником происходит за счет внешних или внутренних флуктуаций [1]. На первом этапе особая роль в менеджменте научных исследований Императорского ИЭМ – первого в мире медико-биологического центра университетского типа – принадлежала российскому государственному деятелю – принцу Александру Петровичу Ольденбургскому. Деятельность этого боевого офицера, члена семьи Романовых – один из наиболее ярких примеров успешного менеджмента научно-исследовательской деятельности в истории России.

Само появление Императорского ИЭМ связано с признанием медицинской науки существования возбудителей инфекционных болезней. Доминирующим направлением исследований становится их выявление, а также поиск эффективных средств борьбы с эпидемиями и эпизоотиями. Первым следствием новой парадигмы медицинской науки становится открытие при непосредственной помощи Луи Пастера шести антирабических станций (в Одессе, Петербурге, Москве, Варшаве, Самаре, Харькове). Россия тогда занимала одно из первых мест не только по объему, но и по значимости исследований в области микробиологии и прикладной

иммунологии. Соответственно первым юбилеем в истории ИЭМ стало празднование 10-летия создания Санкт-Петербургской Пастеровской станции [2].

Присуждение Нобелевской премии Ивану Петровичу Павлову сыграло немалую роль в повышении научного престижа не только самого ученого, но и русской науки в целом. Хотя для современников это выдающееся событие осталось мало замеченным. Российские газеты на присуждение Нобелевской премии отечественному ученому отреагировали вяло – всего пять кратких заметок. В честь присуждения премии, по времени совпавшего с 25-летием научной и педагогической деятельности ученого, лишь принц А.П. Ольденбургский 10 (23) декабря дал торжественный обед в его честь. Сотрудники Императорских Военно-медицинской академии и ИЭМ организовали специальный комитет для празднования двойного юбилея, но И.П. Павлов категорически отказался от чествования. Комитету лишь удалось издать юбилейный сборник как приложение к «Архиву биологических наук» (1904, том XI). Так родился еще один вид коммеморативной практики. Год спустя особым приложением к журналу, сверх основного тиража, вышел сборник, посвященный 25-летию научной и учебной деятельности С.М. Лукьянова.

Уже в советское время в стенах ИЭМ появился еще один вид коммеморативной практики – празднование юбилеев трудовой деятельности вспомогательного научного персонала. В году был отмечен юбилей работы в Институте вахтера Ивана Николаевича Ставропольцева, старшего ветеринарного фельдшера Лейб-Гвардии конного полка, надзирателя над животными Санкт-Петербургской пастеровской станции, старшего штатного надзирателя Императорского ИЭМ, по службе в нем удостоенного звания личного почетного гражданина. Позднее такое отличие приобрело широкий характер, но обычно сводилось к приказу и премии в момент выхода на пенсию. Традиция возродилась, когда было принято решение отмечать 25-летний юбилей деятельности в стенах ИЭМ награждением серебряным, а 50-летний – золотым значком с изображением одного из символов Института – Памятника научным экспериментам (памятник собаке).

Декретом Совнаркома СССР от 15 октября 1932 г. Институт был реорганизован во Всесоюзный ИЭМ при СНК СССР, что восстано-

вило его дореволюционный государственный статус. Последовало чрезвычайно бурное развитие структуры Института на основе выделения широкого круга материальных ресурсов. Однако в 1934 г. ВИЭМ перевели в Москву, правда с оставлением Ленинградского филиала на историческом месте. Затем, после обсуждения доклада о работе ВИЭМ, 15 июля 1936 г. постановление Совнаркома потребовало включить в состав Института широкий круг клинических подразделений с целью реализации фундаментальных научных разработок.

Необходимо еще раз подчеркнуть, что формирование научно-организационных структур нового типа, сопровождаемых выделением целевого финансирования, создает исключительные условия для научно-исследовательской деятельности. Можно вспомнить такие яркие примеры из истории нашей науки как создание Института физических проблем, программа создания ядерного оружия, программа создания средств его доставки, переросшая в программу освоения космоса, и т.д. Тем не менее, наличие соответствующего объема финансирования и политико-управленческие решения государственного уровня – условия необходимые, но не достаточные. Примером тому может служить деятельность Трофима Денисовича Лысенко и его последователей.

Попытка объединить в рамках одной структуры такую разнонаправленную деятельность оказалась столь же неудачной. Уже в 1944 г. на базе ВИЭМ создается Академия медицинских наук СССР. Естественно, что первым исследовательским учреждением новой научно-организационной структуры стал ИЭМ. Хотя к моменту 50-летия создания Императорского ИЭМ ошибочность решения была очевидна, в Ленинграде все же состоялось празднование 50-летия со дня основания ВИЭМ.

В лекции, посвященной первому юбилею ИЭМ, заместитель директора по научной работе профессор Оскар Оскарович Гартох в первую очередь обратился к деятельности пастеровской станции «... было привито более 100 тыс. человек укушенных людей. Если бы эти люди остались не привитыми, то по опыту до прививочного периода из них скончалось бы от мучительной смерти не меньше 5000 человек. Умерло же из них всего 250 человек, 4750 людям была спасена жизнь». На следующий год была издана коллективная монография, где впервые были представлены материалы,

характеризующие основные этапы научной деятельности ведущих подразделений Института, и первые биографические очерки ряда его ученых [3]. Широко задуманный историко-научный анализ становления и развития ИЭМ, к сожалению, был прерван Великой Отечественной войной, после которой для Института, как и для всей страны, потребовался длительный период восстановления. Вернуться к отложенному проекту удалось лишь при подготовке 100-летнего юбилея.

Тем не менее, в 1961 г. кинофотолаборатории удастся создать звуковой фильм «Материалы по истории ИНСТИТУТА ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЙ МЕДИЦИНЫ» продолжительностью 32 минуты, а спустя десять лет выпустить вторую серию продолжительностью 35 минут.

Особое место в коммеморации занимают «места памяти» – определенные точки, вокруг которых концентрируется и сохраняется коллективная память [4]. Усадьба Института насчитывает 14 памятников архитектуры, в том числе ограду и два фонтана. В подразделениях, на аллеях усадьбы и в музее представлен 21 бюст ученых, в том числе последний прижизненный бюст Л. Пастера. Первая мемориальная доска появилась в 1962 г. на здании Физиологического отдела им. И.П. Павлова: «Здесь работал в течение 45 лет, с 1890 по 1936 гг., Иван Петрович Павлов и выполнял свои основные исследования по пищеварению и условным рефлексам». В настоящее время на стенах Института представлено 17 мемориальных досок.

Большой размах на основе широких историко-научных исследований и серьезной подготовки приобрело празднование 100-летия ИЭМ. Была вновь издана коллективная монография, где, с одной стороны, впервые подробно была изложена история создания, развития ИЭМ, а с другой – состояние и перспективы научных исследований каждого отдела [5]. Наряду с памятными монументами и памятниками архитектуры музеев являются «местами памяти» – «свидетельствами иной эпохи». В рамках подготовки юбилея удалось создать Музей истории ИЭМ, ныне вошедший во всероссийский реестр музеев. Большой удачей стало создание киностудией АН СССР «Поиск» фильма «Первый в России» (автор сценария Кирилл Александрович Ланге) продолжительностью 60 минут. Каждый сотрудник получил памятную медаль «100 лет со дня

основания Института экспериментальной медицины», массовым тиражом был выпущен значок из томпака.

После празднования 100-летнего юбилея был предпринят еще один маркетинговый ход – создание художественно оформленного буклета на русском и английском языке, посвященного краткой истории и современному состоянию исследований Института [6]. Далее буклет был развит и расширен, и к 115 годовщине увидело свет издание «Институт экспериментальной медицины» в твердой обложке, где впервые появился раздел, посвященный почетным докторам ИЭМ [7].

Особое место в постсоветский период заняла коммеморация основателя и попечителя Императорского ИЭМ принца А.П. Ольденбургского и его семьи. В 1995 г. Институту удалось провести конференцию «Медицина и благотворительность», в рамках которой была открыта первая в нашем городе мемориальная доска, посвященная принцу А.П. Ольденбургскому. Последовала серия книг Э.А. Анненковой и Ю.П. Голикова, начинавшаяся небольшим изданием «Русские Ольденбургские и их дворцы» [8] и продолжающаяся сегодня [9]. Примером дальнейшей медиализации «русских Ольденбургских» может быть фильм «Русский дом семьи Ольденбургских», весной 2016 года показанный телеканалом Совета Федерации «Вместе-РФ».

Широко распространенная российская практика отмечать юбилеи ученых проведением научных конференций в ИЭМ дополнена изданием небольших книжек, посвященных научному пути юбиляра. Первое такое издание – «И.П. Павлов в Институте экспериментальной медицины (1891–1936): К 90-летию присуждения И.П. Павлову Нобелевской премии» – появилось в 1994 г., а последнее – весной 2016 года, к проведению конференции, посвященной 130-летию академика Алексея Алексеевича Заварзина [10]. Общее число таких книжек достигло шестнадцати. Новым направлением в коммеморационной деятельности стали 11 аудиовидеозаписей ученых Института, где они рассказывают о себе и своих учителях. На наших глазах рождается новое коммеморационное направление в издательской деятельности ИЭМ – историко-научный анализ конкретных направлений медико-биологических исследований. Первое произведение из этой новой серии посвящено исследованиям и исследователям в области биохимии

[11]. К 125-летию ИЭМ был выпущен значок «Герб Института экспериментальной медицины».

По своему социальному влиянию, теоретическому и интеллектуальному потенциалу, решению фундаментальных и прикладных задач ИЭМ стал одним из наиболее продуктивных системообразующих центров развития медико-биологических исследований России – СССР. Коммеморативные практики широко использовались и используются менеджментом Института вне зависимости от типа социально-экономической формации, с целью пропаганды достижений ученых, формирования общественного мнения, актуализации взаимодействия с властными структурами.

Литература

1. Аршинов В.И. Синергетика как язык пространства становления // Методология биологии: новые идеи (синергетика, семиотика, козволюция). М.: Эдиториал УРСС, 2001. С. 210–221.
2. Андрюшкевич Т.В., Мазинг Ю.А. Санкт-Петербургская пастеровская станция // Медицинский академический журнал. 2011. Т. 11. № 3. С.112–121.
3. Материалы к истории Всесоюзного института экспериментальной медицины. Т. I: 1890–1932 / Ред. К.М. Быков, И.П. Разенков, Н.И. Проппер-Гращенко, С.Х. Мусаэлян, Д.З. Комиссарчук. М.: Медгиз, 1941. 203 с.
4. Нора П. Проблематика мест памяти // Франция-память. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1999. С. 17–50.
5. Первый в России исследовательский центр в области биологии и медицины. К 100-летию Института экспериментальной медицины. 1890–1990 / Отв. ред. акад. Н.П. Бехтерева. Л.: Наука, 1990, 376 с.
6. Институт экспериментальной медицины / Сост. К.А. Ланге, Т.В. Андрюшкевич, Ю.П. Голиков, Ю.А. Мазинг, О.В. Целярицкая. СПб.: Агентство ТУРБО-ПРИНТ. 1995. 32 с.
7. Институт экспериментальной медицины / Ред. В.А. Нагорнев. СПб.: ЗАО «Хромис», 2005. 127 с.
8. Анненкова Э.А., Голиков Ю.П. Русские Ольденбургские и их дворцы... СПб.: ООО «Алмаз», 1997. 175 с.
9. Анненкова Э.А. Принцессы Ольденбургские. М.: Изд-во «Дом ТОНЧУ», 2014. 784 с.

10. Дружеские шаржи в отделе морфологии Ленинградского филиала ВИЭМ (газета «BIOS») / Сост. Ю.А. Мазинг. СПб.: Редакционно-издательская группа ФГБНУ «ИЭМ», 2016. 40 с.

11. Биохимия в Институте экспериментальной медицины. 1890–2015. СПб.: ИнформМед, 2015. 368 с.

О.Н. Пугачев, Н.В. Слепкова

Зоологический институт РАН, Санкт-Петербург

ЮБИЛЕИ ЗООЛОГИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА РАН – ОСОЗНАНИЕ ПРОЙДЕННОГО ПУТИ

Зоологический институт РАН относится к числу немногих учреждений отечественной науки, история которых насчитывает не одну сотню лет, хотя признанная в настоящее время дата его основания – 4 (16) июля 1832 г. Эта дата, впервые озвученная в работе А.А. Штрауха [1], неоднократно оспаривалась. В обзорах, посвященных институту и особенно его зоологической коллекции, основателем ее всегда считался не немецкий зоолог Ф.Ф. Брандт, а российский император Петр I, приобретения которого для нашего собрания мы имеем возможность предъявить и поныне [2]. Так что коллекции института теперь уже больше 300 лет, если признавать за точку отсчета 1714 г. – дату основания Кунсткамеры. Дата же Штрауха фактически фиксирует переезд зоологического собрания Академии из одного здания на Стрелке в другое.

Уместно сказать, что в принципах выбора дат основания академических учреждений наблюдается известный произвол, например, для Кунсткамеры принят в настоящее время 1714 г., но в разных публикациях можно увидеть и 1718 г. (открытие для публики в палатах Кикина), и 1728 г. (переезд на Стрелку). МАЭ, Библиотека, БИН праздновали в недавнее время 300-летие, причем Музей антропологии и этнографии находит возможным ставить в скобках возле своего названия слово «Кунсткамера», хотя Кунсткамера в общепринятом смысле слова прекратила свое существование как универсальный музей в 1830-е гг. Хотя история преобразований МАЭ на фоне истории АН практически идентична

истории преобразований ЗИН, такая приставка в отношении ЗИН выглядела бы, по меньшей мере, странной – все-таки 300 лет принесли качественные перемены в нашу дисциплину и в принципы музейного экспонирования, но быть «им. Петра Великого» и институт, и музей, несомненно, имеют все основания. Но в настоящей работе мы будем говорить не о возрасте института и его коллекции, а о юбилеях, которые фактически были отпразднованы, то есть о восприятии этого возраста в тот или иной период времени.

На 1882 г. пришлось, по мнению А.А. Штрауха, 50-летие Зоологического музея Императорской Академии наук, как его в это время называли, отмеченное его докладом на заседании ФМО 23 ноября 1882 г., на котором он представил «Обзор основания, постепенного развития и современного состояния Зоологического музея». Юбилей был формой лоббирования планов научного сообщества, удавшейся попыткой преодоления препятствий, которые поставил на пути развития учреждения недостаток места и средств [3, 4]. После юбилея на двух языках вышла пространная книга Штрауха [1], продемонстрировавшая его несомненные заслуги и проблемы, с которыми столкнулся музей в связи с переполнением его центрально-азиатскими сборами Н.М. Пржевальского и др. Результатом юбилейных усилий стал переезд музея в новое здание и признание его, по специальному Положению 1895 г., ведущим учреждением Империи по зоологии.

75-летия музея в 1907 г. не праздновали, поскольку дату Штрауха в это время не признавали. Автор путеводителей по Музею этого периода Н.М. Книпович считал годом основания музея 1728-й. Столетие музея, по счету Штрауха, пришлось бы на 1932 г., но в этот год было не до праздников. В 1931 г. Зоологический музей был переименован в Зоологический институт [5]. Реформа, начавшаяся в 1929 г. с чистки в Академии наук и работы комиссии Ю.П. Фигатнера, ознаменовалась тем, что музей лишился своего директора А.А. Бялиницкого-Бирули, позднее попавшего в лагеря.

В предвоенное время понимание значения фигуры П.С. Палласа для отечественной зоологической науки привело к решению вести отсчет истории института от даты назначения его заведующим зоологическими коллекциями Кунсткамеры. Комиссия, созданная в 1941 г. из крупнейших ученых ЗИН, пришла к выводу, что датой основания института следует считать 9 августа 1767 г.

(в 2017 г. – 250 лет). В этот день вышло распоряжение разделить естественно-исторические коллекции Кунсткамеры на зоологические, анатомические и ботанические. Они были отданы под управление П.С. Палласа, К.-Ф. Вольфа и С.Г. Гмелина соответственно. Как справедливо писал А.В. Смирнов [6], этим распоряжением был сделан шаг к институционализации зоологической коллекции в пределах собрания Кунсткамеры. Зоологическая часть собрания получила отдельного куратора. Материалы архива показывают, с каким размахом в 1942 г. предполагалось праздновать 175-летие института. Этим планам помешала война, и помешала до такой степени, что в оформленных в 1982 г. стендах по истории музея имя немца П.С. Палласа даже не было упомянуто. Притом он, несомненно, выступает одним из отцов отечественной зоологии и зоогеографии и представляет собой весьма значимую фигуру не только в нашей, но и в мировой зоологической науке. Умолчание о Палласе было отголоском прошедшей войны.

Из послевоенных юбилеев можно вспомнить участие ЗИН в праздновании 220-летия АН в 1945 г. Известно, что к этому празднику была сделана выставка, отражавшая достижения отечественной зоологии.

Далее следует 150-летие, отмеченное в 1982 г., которое Зоологический институт встретил в расцвете своей славы. Число сотрудников в это время достигало 500 человек. Возглавлявший институт чл.-корр. АН СССР О.А. Скарлато председательствовал на торжественном заседании в Большом конференц-зале в ЛАХУ. ЗИН был награжден орденом Трудового Красного Знамени. Сохранился альбом празднования, вышли публикации, например, «Зоологический институт. 150 лет» [7]. Исторический очерк был написан К.Б. Юрьевым. Все заведующие лабораториями подали материалы в эту книгу, до сих пор остающуюся единственным объемным произведением по истории ЗИН, если не считать книги Штрауха. В Малом конференц-зале ЛАХУ была развернута выставка, посвященная институту, подготовленная Музеем во главе с Д.В. Наумовым. Историческая экспозиция была организована и в самом институте. Прошла выставка на ВДНХ в Москве.

Следующий юбилей в 2001 г. носил несколько необычный характер, он был инспирирован одним из авторов этого сообщения и активно поддержан администрацией в лице тогдашнего директора

академика А.Ф. Алимова. Организовать его удалось благодаря наступившим политическим преобразованиям в стране. В архиве была обнаружена книга почетных посетителей с царскими подписями от 6 февраля 1901 г. По старым газетам удалось получить представление о том, сколь масштабным событием было открытие музея, в котором участвовал весь императорский двор. Было решено отпраздновать 100-летие переезда ЗИН в здание у Дворцового моста. Была написана книга по истории здания и обстоятельств переезда [3]. В выставке участвовали, кроме ЗИНа, Таможня, училище им. Н.К. Рериха, Русский музей. Открытие выставки посетил тогдашний губернатор Санкт-Петербурга В.А. Яковлев. Новое время давало возможность по-новому взглянуть на историю ЗИН, и спрос на эту информацию оказался очень значительным.

Интерес А.Ф. Алимова к истории института и полученным новым данным породил идею праздновать 170-летие института. Он возглавлял парадное заседание в СПбНЦ РАН. Была подготовлена серия статей в журнале «Природа» (№ 8, 2002), написанных рядом ЗИНовских авторов под общей шапкой «Alma mater отечественной зоологии. 170 лет Зоологическому институту РАН» [8]. Выставкой архивных документов и фотографий на этот раз был охвачен не только рубеж XIX–XX вв., но и вся история института [9]. Исторический раздел выставки готовил Музей. Лаборатории подготовили стенды по результатам работ последних двадцати лет. Прошла Международная конференция (23–25 октября 2002 г.) под названием «Юбилейные чтения, посвященные 170-летию Зоологического института РАН», материалы которой были опубликованы [10]. Н.В. Слепковой было предложено продолжить работу по изучению истории института. Она выбрала для своего исследования второе пятидесятилетие истории Зоологического музея (1882–1932 гг.) и в 2006 г. защитила диссертацию под руководством Э.И. Колчинского [11].

Определенным рубежом стало для ЗИН участие в праздновании 300-летия Санкт-Петербурга. В этот период Академия наук инспирировала замечательное издание, посвященное сокровищам академических коллекций [12]. В это же, приблизительно, время были написаны статьи, посвященные значению ЗИНовского собрания для систематики в «Успехах современной биологии» и в «Вестнике РАН» [13, 14].

Всего через 5 лет был отпразднован еще один юбилей – 175-летие института. В 2007 г. обстановка в Академии была уже совсем другой. Давление на Академию становилось все ощутимее. Сменились директора основных петербургских академических институтов из-за вводившегося возрастного ценза. Принимал поздравления уже другой директор – О.Н. Пугачев. Среди поздравлявших также оказалось много новых лиц.

Идею отметить 300-летие коллекций ЗИН в 2014 г. в полной мере реализовать не удалось главным образом из-за обстановки вокруг Академии наук. Инициатором празднования 300-летия Кунсткамеры выступил директор МАЭ Ю.К. Чистов, в состав оргкомитета вошли все директора старейших учреждений АН и ЗИНа в том числе, но прекращение существования АН в том виде, в котором она развивалась около 300 лет, привело к тому, что оргкомитет ни разу не собрался. Отметить юбилей Кунсткамеры как первого научного учреждения России здоровым образом не удалось. Под Кунсткамерой в последнее время стали понимать Музей антропологии и этнографии, а не универсальный первый отечественный музей, давший жизнь многим академическим институтам, в том числе и ЗИНу. По инициативе МАЭ 24–25 ноября 2014 г. в Малом зале Санкт-Петербургского научного центра РАН прошла международная научная конференция «Кунсткамера – первый музей России: 300 лет традиций и развития», в которой ЗИН принял участие (доклад Н.В. Слепковой опубликован в «Вопросах музеологии» [15]), однако, эта конференция, организованная МАЭ, не была общеакадемической. Так, в докладе «Кунсткамера в XXI веке» обсуждались проблемы экспонирования этнографических коллекций.

Несмотря на трудности последних лет, все отпразднованные юбилеи оказали благотворное влияние на степень изученности истории и значения нашего почтенного учреждения. Главным образом они представляют собой способ самоидентификации и самопознания науки, и лишь до известной степени позволяют лоббировать интересы научного сообщества, как в обществе, так и в глазах власти. Для историков же юбилей – важный повод, стимулирующий публикацию результатов тех исследований, которые ведутся постоянно. Причем это касается не только юбилеев института, но и дат общегосударственных, таких как 300-летие Санкт-Петербурга, 70-летие Победы.

Литература

1. Штраух А.А. Зоологический музей Императорской Академии наук. Пятидесятилетие его существования // Записки Императорской Академии наук. 1889. Т. 61. Прил. 3. 372 с.
2. Слепкова Н.В. Архивные документы в выставочной деятельности Зоологического музея Зоологического института РАН // *Фундаментальная наука: проблемы изучения, сохранения и реставрации документального наследия: Материалы Международной научной конференции*. Москва, Архив РАН, 4–7 июня 2013 г. / Отв. ред. В.Ю. Афиани. М.: Архив РАН, 2013. С. 224–228.
3. Слепкова Н.В. На Васильевском острове у Дворцового моста. СПб.: ЗИН РАН, 2001. 84 с.
4. Слепкова Н.В. Становление Зоологического института Академии наук как ведущего центра исследований по систематике. Конец XIX в. // *Труды объединенного совета по гуманитарным проблемам и историко-культурному наследию*. 2006. СПб.: Наука, 2007. С. 101–117.
5. Слепкова Н.В. Реорганизация Академии наук 1929–1931 гг. и Зоологический музей // *Академический архив в прошлом и настоящем*. Сб. научн. ст. СПб.: Изд-во Нестор-История, 2008. С. 292–302.
6. Смирнов А.В. Паллас П.С. Зоологический институт Академии наук // *Историко-биологические исследования*. 2011. Т. 3. №. 3. С. 107–129.
7. Зоологический институт. 150 лет / Ред. О.А. Скарлато. Л.: Наука, 1982. 243 с.
8. Alma mater отечественной зоологии. 170 лет Зоологическому институту РАН // *Природа*. 2002. № 8. С. 10–48.
9. Слепкова Н.В. Ранние голландские материалы в коллекции Зоологического института РАН – проблема идентификации // *Санкт-Петербург – Нидерланды XVIII–XXI вв*. СПб.: Европейский Дом, 2013. С.182–215.
10. Фундаментальные зоологические исследования. Теория и методы. По материалам Международной конференции «Юбилейные чтения, посвященные 170-летию Зоологического института РАН», проходившей 23–25 октября 2002 г. М.; СПб.: Тов-во научн. изд. КМК, 2004. 318 с.
11. Слепкова Н.В. Развитие Зоологического музея Академии наук как центра исследований по систематике (1883–1932 гг.).

Автореф. дис. на соиск. уч. степ. к. б. н. М.: ИИЕТ РАН, 2006. 26 с.

12. Алимов А.Ф., Танасийчук В.Н., Степаньянц С.Д. Разнообразие мировой фауны в коллекциях Зоологического института РАН // Сокровища академических собраний Санкт-Петербурга / Сост. Ю.А. Петросян, Е.А. Иванова. СПб.: Наука. 2003. С. 239–298.

13. Алимов А.Ф., Кержнер И.М., Лобанов А.Л., Степаньянц С.Д. Роль зоологического института РАН в изучении биологического разнообразия России // Успехи современной биологии. 2002. Т. 122. № 1. С. 6–15.

14. Алимов А.Ф., Танасийчук В.Н., Степаньянц С.Д. Коллекции Зоологического института РАН – сокровище мировой науки // Вестник РАН. 2000. Т. 70. № 1. С. 63–72.

15. Слепкова Н.В. Материалы Кунсткамеры в коллекциях Зоологического института РАН: проблемы выявления // Вопросы музеологии. 2014. № 2. С. 121–129.

В.О. Самойлов

*Военно-медицинская Академия им. С.М. Кирова,
Санкт-Петербург*

ЮБИЛЕИ ВОЕННО-МЕДИЦИНСКОЙ АКАДЕМИИ

В ноябре 2015 г. состоялась научно-практическая конференция «У истоков медицины столицы Российской Империи: к 300-летию закладки Петром Великим здания Санкт-Петербургских Военно-Сухопутного и Адмиралтейского госпиталей». Эта юбилейная конференция была организована и проводилась Военно-медицинской Академией (ВМА) и Военно-медицинским музеем (ВММ) МО РФ. Заметим, что вся история Академии неразрывно связана с обоими госпиталями на Выборгской стороне, поскольку они с петровских времен служат клинической базой высшего медицинского образования в столице Российской Империи. Проведенная научная конференция позволила уточнить дату создания ВМА.

24 января 1715 г. Петр Великий «приказал заложить для госпиталя для сухопутных и морских военно-служащих, недугами

одержимых, особенное здание с церковью посередине и двумя анатомическими театрами по сторонам, на правом берегу Невы, при устье Невки (ныне – Большой Невки. – В.С.). «Сие, – как писал библиотекарь Академии В.Я. Джунковский в 1811 г., – произведено было с великолепной церемониею, при которой Государь Император сам присутствовал со всеми бывшими тогда в Петербурге полевыми и морскими офицерами, министрами и знатными гражданскими чиновниками. Место освящено было знатным духовенством, а из всех пушек с крепости (Петропавловской. – В.С.) и с находившихся на Неве военных кораблей и галер производилась пушечная пальба... Его величество громко сказал: “Здесь всякий изнеможенный служивый найдет себе помощь и успокоение, которого ему доселе не было <...> Дай только Бог, чтобы никогда многие не имели нужды сюда быть привозимы”» [1].

При жизни Петра Великого в этих госпиталях была налажена преимущественно лечебная работа, хотя Государь требовал, чтобы она сочеталась с обучением лекарей. Анна Иоанновна, как только взошла на российский престол, выполнила завет своего Всеенческого дяди. 9 января 1733 г. Ее Именным Указом в сухопутном госпитале был утвержден штат лекарских учеников с жалованием по 24 рубля в год. С этого времени началась систематическая подготовка врачей для Российской армии.

Не прошло и двух лет, как Анна Иоанновна утвердила 24 декабря 1735 г. «Генеральный Регламент о госпиталях и о должностях определенных при них докторов и прочих Медицинского чина служителей...», автором которого был архиятер Иоганн Бернгард Фишер. Потомки по достоинству оценили его труд, назвав «монументальным памятником правильного госпитального благоустройства» [2]. Одиннадцатая глава этого документа регламентировала деятельность Госпитальных школ до середины XVIII в. Внимательное и непредвзятое изучение исторических документов убеждает в том, что за официальную дату основания Медико-хирургической Академии 18-е декабря 1798 г. было принято условно, а зарождение и становление Академии произошло раньше: в 1733–1735 гг. [3].

Во второй половине XVIII в. в Санкт-Петербурге на ниве врачебного образования активно трудились П.З. Кондоиди, И.Ф. Шрейбер, И.Ф. Фитингоф, А.И. Васильев, Н.М. Максимович-

Амбодик, Д.С. Самойлович, Н.К. Карпинский, Ф.Т. Тихорский, А.Г. Базилевич, И.Ф. Буш, М.М. Тереховский, А.М. Шумлянский, В.В. Петров, П.А. Загорский и немало других. Им удалось достичь преемственности обучения благодаря тому, что преподавателями там довольно скоро становились вчерашние ученики госпитальных школ и Главного врачебного училища, в которое они были преобразованы в 1786 г. Их, в свою очередь, в феврале 1799 г., переименовали в Медико-хирургическую, а в 1881 г. – в Военно-медицинскую академию. Эти переименования означали, что уже к концу XVIII в. Академия достигла триединства своей деятельности – к лечебной и учебной составляющим добавилась научная. И не зря в начале XIX в. на нее была возложена миссия Академии медицинских наук.

Нам неизвестно, чтобы в XVIII в. устраивались юбилеи этого учебного заведения. Случались торжества в честь многих событий, но время юбилеев, очевидно, тогда еще не пришло. Согласно классическому определению, «юбилей – это годовщина жизни, деятельности какого-либо лица, учреждения, события и празднование такой годовщины» [4, с. 1418]. В наше время не все юбилеи соответствуют прежним критериям.

В жизни Академии в начале XIX в. состоялось архиважное событие – Император Александр Первый удостоил ее Высочайшей Грамоты. 18 сентября 1809 г. Императорская Медико-хирургическая академия (ИМХА) «при многочисленном собрании знаменитых особ и иностранных министров» удостоилась Высочайшего посещения Всеавгустейшего Монарха. С этого дня он стал ее первым почетным членом.

Когда вчитываешься в описание «Высочайшего посещения Всеавгустейшим Монархом Императорской Медико-хирургической академии», состоявшимся 18 (30) августа 1809 г., невольно сравниваешь помпезность данного события с посещениями госпиталей Петром Великим и Павлом I запросто, нередко на ходу, без свиты.

В отличие от неюбилейных торжеств при Александре I, 50-летний юбилей ИМХА отпраздновали очень скромно. И не в 1848 г., а в 1850 г. Тогда датой организации Академии считали 1800-й год – дату завершения строительства срединной части ее главного здания, которое служило, прежде всего, студенческим общежитием и в гораздо меньшей степени – канцелярией.

Наивысшей наградой Академии на 50-летнем юбилее был Высочайший рескрипт на имя тогда уже бывшего ее президента Я.В. Виллие. В рескрипте Николай I изволил отнестись «с признательностью к важным заслугам Академии, постоянно снабжающей армию сведущими, искусными и усердными врачами» [5].

Самым грандиозным юбилеем Академии за всю ее историю был столетний юбилей [6]. Заслуга в его организации принадлежит начальнику Императорской Военно-медицинской академии (ИВМА) Виктору Васильевичу Пашутину. Имея добрые взаимоотношения со Двором, он сумел убедить сильных мира сего в том, что следует вести летоисчисление Академии не с 1800, а с 1798 г. В свое время (18 декабря 1798 г.) Павел I подписал указ «об устройении при Главных госпиталях особого здания для Врачебного училища и Учебных театров». Однако в тексте этого Указа отсутствует не только упоминание о Медико-хирургической академии, но даже нет слова «академия», а речь идет только о постройке двух зданий на ее территории.

Заручившись поддержкой начальства, В.В. Пашутин в 1893 г. провел через Конференцию (ученый совет) ИВМА Постановление о подготовке к проведению юбилея в 1898 г. На протяжении последующих пяти лет к этой работе привлекались едва ли не все академические профессора. Сам В.В. Пашутин неусыпно контролировал всю работу. К сожалению, в 1898 г. он тяжело болел, но, несмотря на сильное нездоровье, присутствовал на торжествах 18 декабря 1898 г., хотя ни разу не выступал. В январе 1902 г. В.В. Пашутин скончался. 100-летний юбилей ИВМА стал его лебединой песней.

Разработанную до мельчайших деталей программу празднования юбилея Николай II утвердил собственноручно 24 ноября 1898 г. Находясь в Царском селе, он соизволил дать ИВМА Высочайшую Грамоту, в которой развивал идеи аналогичного документа, данного Академии Александром I еще в 1809 г.

Торжества начались с того, что Военный Министр (в ту пору генерал-лейтенант А.Н. Куропаткин) зачитал эту (вторую и последнюю в истории Академии) Высочайшую Грамоту, а затем принес свои поздравления ИВМА. Профессор Л.Г. Беллярминов ознакомил присутствующих с историческим очерком Академии. Затем были перечислены благодеяния Правительства, направленные на

ее процветание в юбилейном году, а также те милости, которыми она была осыпана к юбилею.

Далее длинной чередой пошли поздравления. Первой выступила депутация от Императорской Академии наук в лице Его Императорского Высочества Великого Князя Константина Константиновича и академика Филиппа Васильевича Овсянникова. Первый из них, а также Военный Министр А.Н. Куропаткин, Министр финансов, статс-секретарь С.Ю. Витте, гофмейстер Н.С. Абаза, член Государственного Совета генерал-лейтенант П.Л. Лобко были утверждены в звании почетных членов ИВМА.

Провозгласили имена русских и иностранных ученых, избранных в Почетные члены и Члены-корреспонденты Академии (более 100 человек). Среди них были И.М. Балинский, А.Ф. Кони, И.И. Мечников, В.В. Пашутин, И.М. Сеченов, Н.В. Склифосовский, В.В. Подвысоцкий, Ж.А. д'Арсанваль, Г.В. Вальдейер, У.Х. Гаскелл, Ж. Гейманс, Д.Н. Ленгли, Дж. Листер, Э.Ж. Маррей, А. Моссо, Э. Пфлюгер, Л.А. Ранвье, Ф.Д. Реклингхаузен, Р. Тигерштедт, И.Ф. Цион.

С высочайшего соизволения были переименованы улицы, идущие по территории Академии: Саратовская стала Боткинской, а часть Арсенальной набережной – Пироговской.

Академию приветствовали 5 иностранных академий наук, 20 иностранных университетов, 10 российских университетов, Медицинский Совет, Публичная библиотека, 8 Главных управлений, 5 военных академий, Императорский Институт экспериментальной медицины, Императорский Клинический институт Великой Княгини Елены Павловны, Институт Пастера, две Духовные академии в Санкт-Петербурге, Императорская академия художеств, Императорский Ботанический Сад, Главная Физическая (Пулковская) обсерватория, Императорское Училище правоведения, Императорский Александровский лицей, Горный институт Императрицы Екатерины II, Санкт-Петербургский Технологический институт Николая I, Институт инженеров путей сообщения Александра I, Санкт-Петербургский Лесной институт, Женские медицинские курсы, Императорский клинический повивальный институт, ветеринарные институты (Харьковский, Юрьевский, Казанский), Электро-технический институт, Киевский политехнический институт Императора Александра II, учреждения Санкт-Петербургского

Дамского лазаретного комитета, русские общества: Императорские (10), Санкт-Петербургские (22), Московские (9), Общества военных врачей (32), госпитали и больницы (33), Общества ветеринарных врачей (4), Общества зубных врачей (3), Общества фармацевтов (6), Завод военно-врачебных заготовлений, редакции нескольких журналов и др.

Подношения гостей виновникам торжества составляли книги, главным образом по истории своих учреждений. Главное Военно-медицинское управление подарило эпидиаскоп. Врачи города Тифлиса собрали 100 рублей в пользу недостаточных студентов ИВМА (здесь приведены типичные подарки).

Кроме поздравлений, поднесенных на торжественном акте, Академия получила весьма много адресов, а также приветствий по почте и телеграфу от отдельных лиц. Среди них была телеграмма от А.П. Чехова из Ялты: «В день столетия Академии, в этот праздник истинной науки, истинной любви, самоотверженного служения русскому народу, приветствую от всей души уважаемых профессоров, товарищей врачей и студентов. Шлю лучшие пожелания».

Первый юбилейный день закончился студенческим балом в зале Дворянского собрания. Число посетителей превзошло 4 000 человек. Бал закончился в 4 часа утра. На следующий день (19 декабря) в Мариинском театре был показан утренний парадный спектакль. Давали оперу «Князь Игорь» А.П. Бородина, воспитанника, а затем профессора Академии. Многие номера этого спектакля принимались на бис, вследствие чего спектакль затянулся и оперу пришлось сократить, выпустив третье действие. Юбилейные торжества завершились 23 декабря. Многие участники этих событий были свидетелями парада в Михайловском манеже. На нем присутствовал Николай II. Маршировал батальон юнкеров Павловского Военного училища в честь Императора Павла I, покровительствовавшего при жизни Главному Врачебному училищу.

Парад завершился общением зрителей с Императором. В праздновании юбилея Академии приняли участие выдающиеся ученые и учебные учреждения нашего Отечества. Кроме того, на юбилей было много иностранных ученых из важнейших научных центров всего света.

Юбилей ВМА 1898 г. стал событием вселенского масштаба, и вряд ли удастся когда-нибудь превзойти его показатели, хотя

ежегодно 18 декабря по новому стилю Академия празднует свой юбилей. При этом, кстати сказать, нарушается правило перехода с юлианского на григорианский календарь. Ежегодный юбилей ВМА следует праздновать не 18-го, а 29-го декабря. Еще важнее вести летоисчисление Академии не от 1798 г., а от 1733 г.

Уместно заметить, что она активно участвовала в праздновании 220-летия Академии наук СССР в июне и июле 1945 г. [7]. В научной сессии приняли участие 956 представителей Советского Союза (всех союзных республик) и 123 иностранных ученых. По свидетельству представителя Соединенных Штатов Америки Бернхарда Штерна, сессия «раскрыла культурную подоплеку воодушевляющих успехов Красной Армии».

После десяти дней напряженной работы в Москве, где была выполнена обширная программа научных и политических мероприятий (вплоть до посещения Парада Победы на Красной площади 24 июня 1945 г.), участники сессии приехали в Ленинград. Здесь в течение четырех дней они посетили ряд научных учреждений, разрушенные Пушкин и Пулков. Целый день был отведен знакомству с Институтом эволюционной физиологии и патологии высшей нервной деятельности им. И.П. Павлова в Колтушах. Институт уже был восстановлен, и там проводились научные исследования. Среди иностранцев, посетивших тогда Колтуши, находились физиологи Э.Д. Эдриан, А. Сент-Дьёрди, Дж. Нидхем, Д. Бронкс, а также супруги Жолио-Кюри. Л.А. Орбели, будучи начальником ВМА, привлек ее слушателей ко всем основным юбилейным мероприятиям. Вспоминая научную юбилейную сессию, шведский ученый Теодор Сведберг писал: «Самое замечательное это то, что русские оказались первой нацией, организовавшей конгресс ученых сразу после войны».

Находясь под впечатлением 220-летнего юбилея АН СССР, а тем паче, вклада в Победу над Германией Военно-медицинской службы, включая ВМА, Правительство приняло Постановление о грандиозном праздновании 150-летнего юбилея Академии в конце 1948 г. Однако внезапно возникшие дело врачей и Ленинградское дело остановили это празднование.

Из всех последующих юбилеев ВМА самым громким был 200-летний юбилей – 18 декабря 1998 года. Самым существенным достижением этого юбилея было то, что его проведение способ-

ствовало приурочению Указа президента Российской Федерации № 1595 от 17.12.1998 о включении Военно-медицинской академии в Государственный Свод особо ценных объектов культурного наследия России.

Литература

1. Джунковский В.Я. Краткое обозрение врачебной науки в России с древнейших до нынешних времён // Всеобщий журнал врачебной науки. 1811. № 1. С. 1–31; № 2. С. 1–44; № 3. С. 1–69.
2. Чистович Я.А. История первых медицинских школ в России. СПб.: Тип. Я. Трея, 1883. V, 662, CCCLXX с.
3. Становление и развитие в России системы военно-врачебного образования в XVIII веке / Ред. А.С. Георгиевский. СПб.: ВМА, 1984. 68 с. (Труды Военно-медицинской Академии. Т. 216).
4. Большой энциклопедический словарь. 2-е изд. / Ред. А.М. Прохоров. М.: Большая российская энциклопедия; СПб.: Норинт, 1998. 1456 с.
5. Прозоров Г.М. Материалы для истории Императорской Медико-Хирургической Академии в память пятидесятилетия её. СПб.: Военная тип., 1850. 451 с.
6. Юбилейный сборник Императорской Военно-медицинской Академии. 18/XII.1898. / Ред. А.Я. Данилевский, А.А. Лихачев. СПб., 1902. VII, 437 с.
7. Самойлов В.О. Ленинградские физиологи в годы Великой Отечественной войны // Ленинградская наука в годы Великой Отечественной войны. СПб.: Наука, 1995. С. 44–57.

В.С. Соболев

*Санкт-Петербургский филиал Института истории
естествознания и техники
им. С.И. Вавилова РАН*

ПРАЗДНОВАНИЕ 200-ЛЕТНЕГО ЮБИЛЕЯ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

В первые годы Советской власти, после грандиозных по своим масштабам и последствиям революционных потрясений и преобразований, Академии наук удавалось оставаться одним из самых значительных в стране центров науки. Академическим учреждениям и ученым своим трудом удавалось поддерживать общегосударственный и международный авторитет Академии наук на достаточно высоком уровне, сохранять ее славные вековые традиции.

Участившиеся с наступлением мирного времени попытки Академии ослабить свою зависимость от Наркомпроса встречали его активное противодействие. Наркомат не только не приветствовал это стремление перейти в непосредственное ведение Совнаркома, но и всячески стремился укрепить свое влияние, даже путем строгого соблюдения внутринаркоматовской «субординации». Так, заведующий Петроградским управлением научных учреждений М.П. Кристи (это был территориальный орган Главнауки Наркомпроса) в своем циркуляре от 5 июля 1921 г., отметив, что «повторяются случаи обращения Академии непосредственно в Москву, в Наркомпрос», указал, что «по всем вопросам» следует обращаться «по команде», т.е. сначала в Петроградское отделение Главнауки [1]. В апреле 1924 г. Академией было получено аналогичное распоряжение начальника Главнауки Ф.Н. Петрова, в котором подчеркивалось, что все вопросы надо решать «с ведома Ленинградского отделения Главнауки» [2].

Именно поэтому главные выводы комиссии Наркомпроса, инспектировавшей в январе 1924 г. научные учреждения Петрограда, были следующие:

– «РАН в отношениях организационно-административном и финансовом должна находиться в ведении Главнауки на общих основаниях с другими учреждениями, подведомственными Главнауке»;

– «Главнаука в контакте с ГУСом (Главный ученый совет Наркомпроса. – В.С.) проводит в РАН идеологическую и научно-методическую линию» [3].

Таким образом, советские чиновники очень хотели руководить развитием академической науки на «общих основаниях».

К сожалению, формы и методы подобного руководства во многом продолжали оставаться традиционными для России. Так, в августе 1924 г. Академией был получен циркуляр Ленинградского отделения Главнауки, требовавший от сотрудников заполнения и присылки анкет установленной формы. При этом указывалось, что «всякая неточность в ответах на вопросы будет преследоваться законом» [4]. Например, один из «принципиальных» вопросов анкеты гласил: «Социальное положение до 1917 года».

В конце 1924 г. Наркомпрос направил в Совнарком специальную «Записку», в которой, соглашаясь с тем, что Академия наук является «всесоюзным высшим научным учреждением», все-таки настаивал на том, чтобы она оставалась «в ведении и на бюджете Наркомпроса РСФСР по соображениям идеологическим, плановым и организационным» [5]. Понятно желание российских чиновников всех рангов простыми и традиционными методами повысить значимость своего «сидения» в кабинетах, а намек в этом документе на «идеологические соображения», скорее всего, имел несколько провокационный характер.

Следует напомнить, что еще в июле 1924 г. Особый временный комитет науки при СНК СССР был ликвидирован «как выполнивший свои задачи» [6]. На последнем заседании этого комитета, проходившем 12 июля 1924 г., был поставлен вопрос о необходимости создания нового общесоюзного органа по делам науки. Однако коллегия Наркомпроса считала возможным не поддерживать эту идею и решила, что внесение соответствующих предложений в Совнарком следует «отложить до решения общего вопроса об организации научной работы в масштабе СССР» [7].

В 1923–1924 гг. руководство Академии неоднократно обращалось в правительственные органы с просьбами о преобразовании Академии во всесоюзное учреждение. Очередной документ по этому вопросу был отправлен в феврале 1925 г., это была «Записка Академии наук в СНК о всесоюзном характере ее работы». Суть этой пространной «Записки» можно вкратце свести к следующему:

«Плодотворная дальнейшая работа Российской Академии наук при масштабе ее деятельности, проникающей в интересы первостепенной важности всех республик Союза, возможна без напрасных помех только в том случае, если Российская Академия наук не только будет признана теоретически учреждением всесоюзным, но и практически будет поставлена в положение, формально связанное с каким-либо высшим государственным всесоюзным органом. Наиболее целесообразным было бы сделать Российскую Академию наук ученым учреждением, состоящим при Совете Народных Комиссаров СССР, через который удобно было бы проводить смету Академии» [8] (последний момент данной «формулы» был самым сокровенным и важным для ученых).

Вопрос этот несколько раз обсуждался на заседаниях правительства. Наконец, А.В. Луначарский в своем письме от 20 июля 1925 г. сообщил неопределяемому секретарю С.Ф. Ольденбургу, что «правительством уже предпринято преобразование Академии во всесоюзное учреждение» [9]. 27 июля 1925 г. было принято постановление ЦИК СНК СССР «О признании Российской Академии наук высшим ученым учреждением Союза ССР» [10]. В нем говорилось:

1. Признать Российскую Академию наук высшим всесоюзным ученым учреждением, состоящим при Совете Народных Комиссаров Союза ССР и действующим на основании Устава, утвержденного последним.

2. Присвоить означенной Академии наименование «Академия наук Союза Советских Социалистических Республик».

Постановление это подписали один из председателей ЦИК СССР А.Г. Червяков, председатель СНК СССР А.И. Рыков, секретарь ЦИК СССР А.С. Енукидзе [11]. Через несколько дней Академией была получена поздравительная телеграмма А.И. Рыкова, в ней, в частности, говорилось: «Уверен, что Академия наук Союза Советских Социалистических Республик сумеет принести Союзу всю ту пользу, на которую рассчитывают рвущиеся к культуре и знаниям народы СССР» [12].

Принятие правительственного постановления о признании Академии всесоюзным учреждением по времени совпало с празднованием ее 200-летнего юбилея. Подготовка к этому юбилею началась заблаговременно, еще в 1922 г. Тогда Особый временный комитет

науки при СНК постановил создать специальную юбилейную комиссию. В нее вошли представители Академии, Петроградского губисполкома, Петроградского отделения Главнауки и др. Было принято решение юбилейные торжества провести в сентябре 1925 г. Соответственно, были разосланы приглашения различным научным учреждениям, отечественным и зарубежным ученым.

В течение 1923–1924 гг. Академией велась интенсивная переписка с Наркомпросом и СНК об отпуске средств на предъюбилейные подготовительные работы. Были произведены ремонт академических зданий и помещений, обновление оборудования лабораторий, перестройка музейных экспозиций. Ряд академических учреждений осуществил выпуск юбилейных научных и научно-справочных изданий.

25 июля 1925 г. СНК принял постановление «О праздновании двухсотлетнего юбилея Российской Академии наук». Приняв во внимание заслуги Академии в развитии науки, правительство признало возможным считать юбилей «общесоюзным празднеством» [13]. Торжественное заседание проходило 6 сентября в зале Ленинградской филармонии. С приветствием от ЦИК СССР и СНК СССР выступил М.И. Калинин. В приветствии, в частности, выражалась уверенность в том, что «в предстоящем столетии в условиях новых социальных отношений Академия наук сможет во всей силе и во всем блеске развернуть научную работу и осуществить новые научные достижения» [14]. Для историка представляет интерес выступление А.В. Луначарского, который, в частности, сказал: «Конечно, не сразу сговорилось правительство, поставившее перед собой такие широчайшие научно-практические цели, с самими учеными. Но, кажется, время колебаний и исканий прошло, и в настоящее время свою огромную научную работу Советское правительство творит, опираясь на руку русских ученых» [15]. Далее вице-президент В.А. Стеклов огласил приветствия, полученные от А.И. Рыкова и председателя Моссовета Л.Б. Каменева. Вечером того же дня состоялся банкет в Мраморном зале Русского музея на 800 человек [16]. 9 сентября участники юбилейных торжеств познакомились с выставкой, подготовленной Библиотекой АН, на которой были представлены все академические издания за 200 лет (18 тыс. изданий), и с выставкой документов, подготовленной Архивом АН СССР. Потом состоялся прием, устроенный

Ленсоветом во дворце им. Урицкого (Таврический дворец), где с речью выступил Г.Е. Зиновьев. 11 сентября торжества были продолжены в Москве, заседание проходило в Большом зале Московской консерватории, там с речами выступили П.Г. Смидович и Л.Б. Красин [17].

Всего Академией было получено более 2 тыс приветствий и адресов, на торжествах присутствовали 130 иностранных ученых из 24 стран. С.Ф. Ольденбург в своей речи на торжественном заседании Конференции Академии наук 6 сентября 1925 г. подвел основные итоги юбилея. Он, в частности, сказал о том, что «всесоюзность Академии наук, декретированная ЦИК-ом СССР, создает для Академии новые возможности и налагает на нее новые обязанности» [18].

Большое положительное значение имело празднование 200-летнего юбилея для восстановления международного авторитета и международных научных связей Академии, утраченных в результате мировой войны и революции. Особенно эффективные результаты дало налаживание деловых контактов с германскими учеными, в частности, с Прусской Академией наук в Берлине [19].

Было принято решение об участии представителей Берлинской АН в юбилейных торжествах. Руководство Берлинской АН в своем письме от 16.06.1925 г. выразило благодарность за приглашение на юбилей и сообщило, что представителями Академии будут профессора М. Планк и Г. Людерс [20].

Представители Берлинской АН вручили руководителям РАН поздравительный адрес, хранящийся в настоящее время в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН [21].

Изучение истории деятельности Академии наук в первые годы Советской власти показывает, что ученые придавали первостепенное значение роли науки и образования в советском обществе, считали, что свершившаяся революция должна придать ускорение и размах развитию культуры в СССР.

Расскажем еще об одном малоизвестном эпизоде из истории Академии наук. В августе 1927 г. нарком просвещения А.В. Луначарский обратился к неперемennomу секретарю Академии С.Ф. Ольденбургу с просьбой написать небольшое предисловие к только что созданному Наркомпросом журналу «Культура и революция» [22].

С.Ф. Ольденбург охотно откликнулся на эту просьбу и уже 6 сентября 1927 г. вместе с ответным письмом направил текст своей статьи для нового журнала. В ней Сергей Федорович, в частности, написал следующие строки: «Мы убеждены в том, что та революция, которая произошла у нас, была не только стихийно-разрушающая, а и революция культурная, не сметающая культуру, а очищающая и оживляющая ее... Революции должны не разрушать культуру, а вносить в нее новые жизненные начала» [23].

Полагаем, что эти строки вполне можно считать подлинным credo тех лет академического сообщества советских ученых.

Исследование выполнено при поддержке Программы фундаментальных исследований Президиума РАН № 0002-2015-0028.

Литература

1. Санкт-Петербургский филиал Архива РАН (СПФ АРАН). Ф 1. Оп. 1–1920. Д. 1. Л. 279.
2. Там же. Оп. 1–1924. Д. 1. Л. 167.
3. Государственный Архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 2307. Оп. 2. Д. 53. Л. 11об.
4. СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1–1924. Д. 1. Л. 298–299.
5. Документы по истории Академии наук СССР. 1917–1925 / Отв. ред. Б.В. Левшин. Л.: Наука, 1986. С. 317.
6. Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского правительства РСФСР (СУ РСФСР). 1924. № 77. Ст. 776.
7. Документы по истории Академии наук СССР. 1917–1925. С 317.
8. Там же. С. 313–314.
9. СПФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1–1925. Д. 1. Л. 269;
10. В архивном фонде Секретариата президиума ЦИК Государственного Архива Российской Федерации нам удалось выявить интересный делопроизводственный документ, датированный 27 июля 1925 г. В нем говорилось следующее: «По распоряжению Горбунова, просьба провести постановление о признании Российской Академии наук высшим ученым учреждением СССР путем опроса членов ЦИКа, так как это весьма срочное постановление» (ГАРФ. Ф. 3316. Оп. 18. Д. 109. Л. 1–2).
11. СПФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1–1925. Д. 33. Л. 2.
12. Там же. Л. 3–3об.

13. СУ РСФСР. 1925. № 48. Ст. 363.
14. Документы по истории Академии наук СССР. 1917–1925 гг. С. 326–327.
15. Там же. С. 330.
16. Молас Б.Н. Юбилейные дни // Научный работник. 1925. № 3. С. 43–44.
17. Там же. С. 47.
18. Ольденбург С.Ф. Академия наук Союза советских социалистических республик за двести лет. Л. 1925. С. 19.
19. Архив Берлинско-Бранденбургской Академии наук (АББАН). Р. II–XII. Д. 24. Л. 3.
20. СПФ АРАН. Ф.12. Оп. 1. Д. 8. Л. 135.
21. Там же. Оп. 3. Д. 9.
22. Там же. Ф. 2. Оп. 1–1927. Д. 1. Л. 49.
23. Там же. Л. 46–48.

СЕКЦИЯ «ИСТОРИЯ АКАДЕМИИ НАУК И НАУЧНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ»

Е.Ф. Синельникова

*Санкт-Петербургский филиал Института истории
естествознания и техники
им. С.И. Вавилова РАН*

РУССКОЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО И СОВЕТСКАЯ ВЛАСТЬ

Русскому археологическому обществу (РАО) в 2016 г. исполняется 170 лет. Созданное в 1846 г., оно внесло значительный вклад в развитие всего комплекса наук о древностях, в его состав входили выдающиеся ученые-гуманитарии. В 1866 г. оно получило наименование «Императорское», что означало особое расположение власти. После Октябрьской революции РАО пришлось налаживать отношения с новой советской властью.

РАО потеряло свои денежные капиталы в результате национализации банков, но в 1918–1923 гг. оно получало от Наркомпроса субсидию для оплаты четырех служащих канцелярии. Кроме того, представители РАО использовались в качестве экспертов. Так, Наркомпрос вызывал в Москву представителей РАО для участия в Совещании по библиотечному делу летом 1918 г. [ЦГА СПб. Ф.2555. Оп.1. Д.61. Л.7]. Однако во второй половине 1918 г. Наркомюст, в ведение которого входил дом № 44 по Литейному пр., где располагалось РАО, предложил ему съехать из-за неоплаты содержания занимаемых помещений. РАО обратилось в Наркомпрос с просьбой о выделении ему свободных помещений в Каменноостровском дворце и о субсидии для переезда [ЦГА СПб. Ф.2555. Оп.1. Д.61. Л.52]. Наркомпрос перевел РАО в бывший Шереметевский дворец по адресу наб. р. Фонтанки, дом 34, где уже размещался Музей быта.

В целом в первые послереволюционные годы РАО пользовалось поддержкой советской власти. В 1919 г. научные общества должны были пройти регистрацию в местных органах НКВД, и РАО было зарегистрировано 9 декабря 1919 г. [ЦГА СПб. Ф. 1001. Оп. 9. Д.1.

Л. 59об.]. Однако перерегистрацию, начатую в 1922 г., в связи с опубликованием первого советского законодательного акта об общественных организациях, РАО преодолеть не удалось. Летом 1923 г. общество подверглось тщательному обследованию. Осенью 1923 г. РАО повторно отправило документы на регистрацию, в том числе, и устав, переработанный в соответствие с «Нормальным уставом научных обществ». Однако 5 апреля 1924 г. была произведена опись имущества РАО, и помещения были опечатаны [ЦГА СПб. Ф. 1001. Оп. 9. Л. 13об.]. НКВД устав общества не утвердил, и Ленинградское отделение Главнауки приступило к его ликвидации [ЦГА СПб. Ф. 2555. Оп. 1. Д. 755. Л. 5]. Библиотека общества отошла Государственной академии истории материальной культуры, а музейная коллекция – Государственному Эрмитажу [ЦГА СПб. Ф. 2555. Оп. 1. Д. 755. Л. 1, 112]. Необходимо отметить, что судьбу РАО разделили многие гуманитарные научные общества.

А.Ю. Скрыдлов

*Санкт-Петербургский филиал Института истории
естествознания и техники
им. С.И. Вавилова РАН*

**«СТАТИСТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ»
ПРИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК:
К 210-ЛЕТИЮ НАЧАЛА ИЗДАНИЯ**

Становление статистической науки в России неразрывно связано с политической историей Российской империи первой четверти XIX в. Либеральные преобразования начала царствования императора Александра I стимулировали интерес к статистике, под которой в то время понимали «государствоведение». Это раннее направление статистической мысли объектом своего исследования считало «достопримечательности», влияющие на благосостояние государства, такие как население страны и ее ресурсы, государственный строй, систему управления и экономическое состояние.

Государственный запрос на изучение статистики нашел отражение в новом уставе Академии Наук 1803 г. Среди предметов,

«коих усовершенствованием Академия должна заниматься», в нем были названы статистика и политическая экономия. В этих обстоятельствах естественным стало появление первого в России научного издания по статистике и политической экономии – «Статистического журнала», четыре номера которого вышли в 1806–1808 гг. Главным инициатором и редактором журнала стал К.Ф. Герман, бывший в то время адъюнктом Академии, а позднее ставший профессором Петербургского университета и ординарным академиком. Круг авторов, публиковавших результаты своих исследований в журнале, был весьма представительным: академик И.Ф. Герман, работавший над проблемами развития горного дела и статистики населения России; видный экономист Ф.Г. Вирст; историк и демограф А.Х. Лерберг; государственный деятель и экономист М.А. Балугьянский.

Статьи в каждом из четырех номеров журнала были объединены в три группы: по теории статистики и политэкономии; статистические обзоры; информационные материалы. В первом разделе доминировали труды К.Ф. Германа по теории статистики, которые позднее были объединены в одноименную книгу. Наиболее обширной из помещенных в журнале статей стала работа М.А. Балугьянского, пропагандировавшего идеи А. Смита и одновременно доказывавшего необходимость проведения либеральных реформ в России. В рубрике «Материалы для российской статистики» на основании отчетов МВД печатались статистические описания Саратовской, Таврической, Ярославской губерний, статьи о русской армии и флоте. Материалы третьей группы были связаны с обработкой сведений, полученных из географических экспедиций.

Таким образом, «Статистический журнал» стал важной вехой в развитии отечественной статистической науки, являясь одновременно площадкой для публикации передовых научных достижений в этой области знаний, а также средством популяризации «государствоведения» в просвещенной общественной среде.

Г.И. Смагина

*Санкт-Петербургский филиал Института истории
естествознания и техники
им. С.И. Вавилова РАН*

Г.В. ЛЕЙБНИЦ И ПРОЕКТ КУЛЬТУРНОГО ОБНОВЛЕНИЯ РОССИИ (К 300-ЛЕТИЮ СО ДНЯ СМЕРТИ Г.В. ЛЕЙБНИЦА)

Великий немецкий философ Готфрид Вильгельм Лейбниц (1646–1716) в ряде писем и записок, адресованных Петру I и его сподвижникам, предложил грандиозный план культурного строительства в России и высказал советы и рекомендации по организации науки, культуры и образования. Лейбницу удалось сформулировать ряд ключевых положений, которые не могли не повлиять на развитие научно-просветительских взглядов и представлений Петра.

Главную роль в развитии науки, культуры и образования Лейбниц отводил государству, поскольку верил в огромные просветительские и организаторские возможности правителя. Он считал русского царя Петра великим государем, который единственный способен ввести просвещение в своем огромном государстве для благополучия своего народа и подчеркивал, что начинать надо с воспитания наследника престола. В письмах к Петру I (а их контакты продолжались на протяжении почти двух десятилетий) Лейбниц постоянно возвращался к мысли о том великом значении, которое будет иметь для судеб человечества развитие наук и просвещения в России. А, поскольку Россия в отношении организации обучения «есть еще почти *tabula rasa*», именно в этой стране можно создать лучшие на свете учебные заведения и избежать ошибок, допущенных ранее в Европе. В первой записке Лейбница к Петру, написанной в 1697 г., намечены главные положения, к которым философ будет неоднократно возвращаться впоследствии. Лейбниц пишет, в частности, что необходимо привлечь в страну способных иностранцев, приобрести за границей книги, рукописи, типографское оборудование, коллекции натуралий, посылать русских учиться за границу, обучать народ у себя дома, составить точное описание страны, чтобы знать нужды населения, и т.д.

Лейбниц настоятельно рекомендовал Петру учредить в России специальную коллегия и возложить на нее ответственность за организацию науки, образования и воспитания юношества. Философ пишет в 1708 г.: «Необходимо учреждение особенной влиятельной коллегии с обширными властными полномочиями, от которой бы зависели до известной степени высшие и низшие учебные заведения, назначение ученых, книжное дело, типографии, переводы, цензура книг, а также художники и ремесленники с их произведениями». Идея о создании специальной коллегии присутствует практически во всех записках Лейбница, и философ постоянно расширяет круг ее предполагаемых полномочий.

Т.Ю. Феклова

*Санкт-Петербургский филиал Института истории
естествознания и техники
им. С.И. Вавилова РАН*

К ИСТОРИИ РОССИЙСКОЙ МАГНИТНО-МЕТЕОРОЛОГИЧЕСКОЙ ОБСЕРВАТОРИИ В ПЕКИНЕ (1848–1888)

Закрытость Китайской империи, незаинтересованность в развитии дипломатических, торговых и научных контактов заставляли как Российское правительство, так и научные учреждения Российской империи задействовать другие каналы для исследования Китая. Проводником российских интересов в Китае и своеобразным полигоном для отработки научных программ Академии наук и других научных учреждений России в XIX в. стала Российская Духовная миссия, существовавшая в Пекине с 1715 по 1955 г.

В 1805 г. в состав миссии впервые были включены ученые Академии наук. Но полноценная экспедиция в Китай, проведенная силами академических исследователей, была оправлена только в 1829 г. Академия наук неоднократно обращалась в Министерство народного просвещения с предложением создать на базе миссии, в первую очередь, астрономическую обсерваторию. Впервые Комиссия Академии наук подняла данный вопрос в 1819 г., но положительное решение по нему было принято только в 1848 г.

Однако первоначальный план претерпел значительные изменения и астрономическая обсерватория была заменена на магнитно-метеорологическую. В качестве площадки для строительства было выбрано северное подворье Российской Духовной миссии. Строительство и окончательное оснащение обсерватории приборами было закончено к 1862 г. Первым директором обсерватории стал К.А. Скачков. Наибольший расцвет обсерватория получила при директоре Г.А. Фритше. В 1866 г. обсерватория была выведена из-под юрисдикции Корпуса Горных инженеров Министерства финансов и передана Академии наук. В 1883 г. Фритше ушел с поста директора обсерватории, а в 1888 г. обсерватория была закрыта. За короткий период своего существования в обсерватории были сделаны важные метеорологические наблюдения, определено точное географическое положение многих пунктов на территории Китая, проведен ряд опытов над барометром и магнитной стрелкой.

Н.С. Агамова, А.Г. Аллахвердян

*Институт истории естествознания и техники
им. С.И. Вавилова РАН, Москва*

**ЭВОЛЮЦИЯ СТРУКТУРЫ НАУКОВЕДЕНИЯ И СТАНОВЛЕНИЕ
ДЕМОГРАФИИ НАУКИ**

В 1966 г. в свет вышли две новаторские работы: монография Г.М. Доброва «Наука о науке» и статья С.Р. Микулинского и Н.И. Родного «Наука как предмет специального исследования» (Вопросы философии, № 5), положившие начало фазе активной институционализации в СССР новой области научных исследований – науковедения. Отечественное науковедение за пять десятилетий институционального развития (1966–2016) пережило взлеты и падения в советский и постсоветской России. В 1990-е гг. внимание к актуальным прикладным проблемам постсоветского научного сообщества сопровождалось, к сожалению, значительной потерей интереса к методологическим аспектам развития науковедения как области комплексных исследований современной науки.

В данном научном сообщении предпринята попытка методологического анализа эволюции структуры науковедения, предпосылок к становлению «демографии науки» как нового направления исследований в семействе науковедческих дисциплин. Под структурой науковедения принято понимать комплекс конкретных направлений изучения науки. Структура любой науки подвижна, со временем она изменяется, преобразуется. Поэтому и структуру науковедения нельзя рассматривать как раз и навсегда установившуюся. В ее развитии помимо уже сложившихся, традиционных направлений изучения науки (экономики науки, социологии науки и др.), имеет место процесс формирования новых направлений и проблем исследований.

В условиях кризиса постсоветской науки важную роль стали обретать вопросы демографического характера, затрагивающие остросоциальные проблемы развития российской науки 1990-х гг. (это обвальное сокращение и «старение» научных кадров, активная

миграция ученых в бизнес и за рубеж, суперфеминизация науки и др.). Социальная потребность в их систематическом изучении способствует становлению еще одного нового, самостоятельного направления науковедческих исследований – «демографии науки», относящейся к разряду социально-гуманитарных дисциплин и способствующей повышению эффективности науковедческих исследований в целом.

Работа подготовлена при финансовой поддержке РГНФ (проект № 14-03-00326).

Н.А. Ащеулова

*Санкт-Петербургский филиал Института истории
естествознания и техники
им. С.И. Вавилова РАН*

**50 ЛЕТ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОМУ КОМИТЕТУ
ПО СОЦИОЛОГИИ НАУКИ
И ТЕХНОЛОГИЙ МЕЖДУНАРОДНОЙ СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ
АССОЦИАЦИИ (RC23, ISA)**

*International Sociological Association is fifty years of age.
This is both very young and quite old.
It is surely time to take stock, but we can also say that
there is a future that remains to be constructed.*

Immanuel Wallerstein

В 2016 г. 23 Исследовательский комитет по социологии науки и технологий Международной социологической ассоциации (RC23, ISA) празднует свое 50-летие. Славная история комитета началась в 1966 г. в Эвиане, Франция. В периодическом издании Международной социологической ассоциации (ISA Bulletin 29, Summer, 1982) описано, как на VI Всемирном конгрессе в Эвиане группа ученых инициировала создание Исследовательского комитета по социологии науки. Международным и значительным был состав участников данной группы. На рабочем заседании присутствова-

ли: R. Aron (Франция), B. Barber (США), J. Ben-David (Израиль), I. Dubska (Чехославакия), S. Dedijer (Швеция), D. Goldschmidt (ФРГ), R.K. Merton (США), A. Podgorecki (Польша), J.J. Salomon (Франция), A. Szalai (Венгрия), E. Walter (Швейцария), Анатолий Алексеевич Зворыкин (СССР) и др. Исследователи избрали Президента комитета – Роберта К. Мертона, а также секретаря – Дж. Бен-Дэвида. Деятельность Роберта К. Мертона на этом посту еще мало изучена, но ясно одно, что его активная работа во многом определила теоретическое и институциональное развитие социологии науки в мировом масштабе.

Через четыре года (1970 г., сентябрь) в Варне состоялся VII Всемирный конгресс. Научная программа комитета в Варне включала 3 академических заседания. Точно известно, что одна секция была посвящена институционализации науки, другая научной политике. По количеству участников лидировали США. Они представили 11 докладов, СССР – 4, Болгария – 3, Англия – 3, Франция – 2, ГДР – 1, ФРГ – 1, Венгрия – 1, Израиль – 1, Польша – 1. Члены комитета провели выборы, на которых Роберт К. Мертон был переизбран на следующий срок, а секретарем стал Альберт Л. Мок (Нидерланды).

Уже в 1972 г. (11–15 сентября) в Великобритании под эгидой Британской социологической ассоциации комитет провел конференцию в Городском университете Лондона. Секретарь комитета Альберт Л. Мок был активным организатором данного мероприятия, а Уолтер Хирш (США) вел заседания конференции. В Великобританию для обсуждения актуальных вопросов приехали 32 члена комитета из 13 стран. 30 докладов были представлены на 7 заседаниях по актуальным вопросам: макротеории науки; изучению научных обществ; метафизике и исследованию науки: критике позитивистской концепции науки; науке о науке; исследованию научных направлений; науке в обществе; институциональным изменениям в науке. Результатом встречи стало издание сборника «Social processes of scientific development» (1974) под редакцией Ричарда Уитли. Но уже в 1973 г. на встрече членов комитета в Варшаве Альберт Л. Мок подал в отставку и Питер Вайнгарт был избран новым секретарем комитета.

Дженифер Платт в своей работе «Краткая история Международной социологической ассоциации: 1947–1997» отмечает, что

в 1993 г. Исследовательский комитет по социологии науки МСА был переименован в Исследовательский комитет по социологии науки и технологий. 50-летняя деятельность комитета, несомненно, вызывает большой интерес профессионального сообщества и будет изучаться.

Исследование выполнено при поддержке Программы фундаментальных исследований Президиума РАН № 0002-2015-0025.

А.А. Бесчасная

*Санкт-Петербургский государственный
архитектурно-строительный университет*

ИНДЕКС ЦИТИРОВАНИЯ НАУЧНЫХ РАБОТ КАК СОВРЕМЕННАЯ КОММЕМОРАТИВНАЯ СОЦИАЛЬНАЯ ПРАКТИКА

В последнее время тема изучения социальных практик стала достаточно популярной в отечественной научной литературе. Коммеморативные социальные практики могут выступать индикаторами выявления особенностей развития общества. Ученые, как и другие активные участники жизни общества, в процессе своего ежедневного труда стремятся внести вклад в дело развития общества, оставляя след в памяти современников и потомков. Таким образом, они получают шанс получить прижизненное или посмертное признание. В настоящее время критерием успешности научного творчества, востребованности научных трудов и разработок ученых являются индексы цитирования (например, РИНЦ, действующий с 2005 г.), обращение к которым можно считать новой коммеморативной практикой.

В текущем году исполнилось пять лет со дня смерти (27.04.2011) И.С. Кона, российского философа, социолога, этнографа, психолога и сексолога. Думается, что данную памятную дату можно считать поводом для анализа его «публикационной активности» при жизни и после расставания с нами. Изучение некоторых параметров публикационной активности И.С. Кона в РИНЦ показало следующее (на 30.05.2016). Общее количество публикаций – 257. Суммарное число цитирований автора – 16 566. Первая публикация, попавшая

в список процитированных, датируется 1954 г. (Кон И.С. Обсуждение вопроса об основном экономическом законе феодализма // Вопросы истории. 1954. № 4). Самая цитируемая работа (Кон И.С. Социология личности. М., 1967) имеет показатель 843 упоминания. Анализ показал, что в период 1969–2010 гг. (всего 41 год) было зафиксировано базой данных РИНЦ 8 366 цитирований, а в 2011–2016 гг. (всего 5 лет) – 8 206 (всего – 16 572, или 100%). Другими словами, обращение исследователей к работам И.С. Кона при его здравии не намного больше, чем после его расставания с нами: 50,482 % против 49,517 %. Но разительные отличия в периодах цитирования – 41 год (при жизни) против 5 лет (после смерти)! Средние показатели цитирований по годам в данные расчётные периоды составляет 204,04 и 1 641,20 соответственно. Полученные данные несомненно показывают, что интерес к научному наследию И.С. Кона не угас, что они продолжают оставаться востребованными.

Обращение к вопросу о современных коммеморативных практиках показывает нам, что, во-первых, они реализуются не только в кульминационные моменты, приуроченные к юбилеям. Во-вторых, внедрение современных информационных технологий насыщает взаимодействиями социальное пространство. И, в-третьих, возникновение модернизированной социальной реальности позволяет внедрять новые формы коммеморативных социальных практик.

Е.В. Васильева

*Дальневосточный федеральный университет,
г. Владивосток*

БОРЬБА С КОСМОПОЛИТИЗМОМ В ПОСЛЕВОЕННЫЕ ГОДЫ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ

Нет оснований отрицать возникновение в послевоенной Европе идей мирового правопорядка, широкого международного общения, идей интеграции с СССР. Их носители, не реагируя на начало холодной войны, называли себя космополитами. Сами идеи были объединены названием – космополитизм. Возможность их

проникновения на территорию нашей страны перед советским правительством предстала как угроза существованию самого государства, ответом на что явилась политико-идеологическая кампания – «Борьба с космополитизмом», длившаяся с 1948 по 1953 г.

В числе выбранных объектов борьбы, имевшей, не стоит упускать, антисемитскую окраску, лидирующее положение заняла наука, существенно расширив рамки обскурантизма, заявившего о себе годом раньше. Из научного знания, интернационального в своей основе, стремились искоренить все смыслы, связывающие отечественную науку с наукой мировой, и нейтрализовать, вплоть до ареста, его носителей, т.е. ученых.

Кампания, инспирированная центром, захватила все регионы страны, но ее протекание в каждом из них имело свои отличия. На Дальнем Востоке его детерминировали отдаленность от центра, тормозившая информационные потоки, «кадровый голод» в науке и высшей школе региона, а также невысокий уровень образования местных партийных кадров, лишивший их возможности адекватно оценить «состояние умов» дальневосточных ученых, авторитет которых оставался неизменно высоким.

Действуя одновременно, эти факторы обусловили замедленную и крайне пассивную реакцию на происходящее со стороны местных партийных органов, сохранявшуюся все годы проведения кампании, тем самым «смягчая» удар, наносимый выявленным «космополитам». Из причисленных к ним научных работников на Дальнем Востоке, в числе которых преимущественно были евреи, был снят с должности только один. Об их увольнениях, а тем более об арестах речи не шло. Все ограничилось критикой в адрес всех ученых региона, причем не столько за космополитизм, несмотря на сохранявшуюся ориентацию многих на мировую науку, сколько за общую аполитичность, выявленную в результате специальной проверки и вызвавшую усиление идеологической работы среди научных кадров. Так что поднявшаяся в среде дальневосточных ученых волна разоблачений и саморазоблачений скорее была вызвана резонансом, который обрела кампания в масштабах страны. Действия же местных властей придали и разоблачениям, и саморазоблачениям скорее ритуальный характер, заставив научных работников, столкнувшихся с ролевым конфликтом, прибегнуть к

разделению и регулированию ролей, но оставаться приверженцами смыслов мировой науки.

С.А. Душина, В.М. Ломовицкая
*Санкт-Петербургский филиал Института истории
естествознания и техники
им. С.И. Вавилова РАН*

АРХЕОЛОГИЯ ЮБИЛЕЯ: КАК СОЗДАЕТСЯ НАУЧНЫЙ АРТЕФАКТ

Юбилей может быть рассмотрен как семиотическая система, более того, как некоторый миф. Юбилей – это способ «означивания», некоторая форма, в которую можно «втиснуть» любое содержание: событие (полет в космос), предмет (изобретение унитаза), героя (рождение, гибель). Любой артефакт можно вывести «из его безгласного состояния и превратить в слово», знак, сообщение (Р. Барт). Форма отодвигает смысл на второй план, обедняет его. Из обедненного содержания рождается концепт, который, деформируя и упрощая смысл, выявляет некоторую интенцию. Юбилей Ломоносова – как репрезентация рождения русской науки. В юбилее заключается некоторый парадокс: исторически обусловленным и временным интенциям придают статус «вечных истин», они как бы изымаются из истории.

Юбилеи конструируются, они необходимы для конституирования научного направления, идентификации научного сообщества. Научное направление, чтобы засвидетельствовать свою историю, должно создавать свои юбилеи. Повествование об историческом пути дисциплины содержит определенные элементы – должны быть герои, с которыми связано рождение, вехи взлета, падений и возрождения.

Обращаясь к науковедению, которое складывалось в 1960-е гг., обнаруживаем, что настал момент, когда можно «создавать юбилеи» – у науковедения есть своя история, значит, свои нарративы, свои герои. В «героическое время» становления науковедения действовали герои – И.И. Лейман, И.А. Майзель, С.А. Кугель. Им противостояли «злодеи», разгонявшие сектор, увольнявшие

основателей; за «рождением» и «взлетом» следовала «гибель героев» и «возрождение».

Выделим три основных функции юбилеев (А. Ассман): юбилей поддерживает актуализацию элементов прошлого, позволяя использовать его коннотации в настоящем; обеспечивает различные группы публичной ареной; позволяет сохранить значимость события.

Е.В. Евсикова

*Санкт-Петербургский филиал Института истории
естествознания и техники
им. С.И. Вавилова РАН*

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА В РОССИИ

Термин «историческая политика» появился в начале 1980-х гг. в Германии, однако, широкое распространение получил только после 2004 г., когда был использован историками и государственными деятелями в качестве обозначения одного из ключевых направлений политики Польши. Вслед за Польшей и другие страны Восточной Европы (в меньшей степени Западной) заговорили о необходимости реализации исторической политики.

Историческая политика в России в конце XX – начале XXI в. характеризуется менее интенсивным развитием, нежели в странах Западной Европы. По мнению ряда исследователей (А. Миллер, О. Малинова, А. Ассман и др.), это связано с отсутствием целостной стратегии и последовательности действий, а также единого мнения на то, какие задачи следует ставить и решать в первую очередь. Более того, в постсоветской России не было разработано новых механизмов осуществления исторической политики, соответствующих современным реалиям. Тем не менее, с 2010-х произошла некоторая активизация российской исторической политики.

Первые признаки осуществления исторической политики можно обнаружить в области образования: в 2007–2008 гг. выходит комплекс спорных учебников и пособий по истории России, а позднее, в 2013 г., Президентом высказывается идея о необходимости

разработки единого учебника по истории Отечества, исключающего двойственные интерпретации событий прошлого.

В качестве основных механизмов формирования исторической памяти в Российской Федерации нами были выделены следующие: контроль за системой образования, издание «мемориальных законов», образование государственных исторических фондов (Комиссия по противодействию попыткам фальсификации истории в ущерб интересам России, фонд «История Отечества»), манипуляции с архивами, создание исторических НКО (фонд «Историческая память» и др.), проведение масштабных исторических выставок (пятилетний выставочный проект «Моя история» и др.), киноиндустрия (увеличение количества отечественных художественных фильмов и телесериалов, посвященных исторической тематике), а также использование «исторических аргументов» в публичном политическом дискурсе (на материалах исследования О. Малиновой).

Л.В. Земнухова

*Санкт-Петербургский филиал Института истории
естествознания и техники
им. С.И. Вавилова РАН*

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ЛАБОРАТОРИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ РОССИЙСКОЙ НАУКИ

В современной российской науке продолжают формироваться новые принципы организации научной деятельности, связанные с неолиберальными представлениями об устройстве наукометрии. Молодые ученые с большей готовностью принимают новые правила игры и активно включаются в процесс выстраивания академической карьеры. Несомненно, у многих молодых специалистов большой интерес вызывает участие в исследовательской работе новых международных лабораторий, поддерживаемых Правительством РФ по Постановлению 220.

Лаборатории под руководством ведущих ученых создаются в научно-образовательных структурах России с целью привлечения

мировых лидеров науки, способных развить новое научное направление в области, создать продуктивную исследовательскую команду с участием молодых коллег. В каждой подобной лаборатории складываются свои особенности организации научного производства, которые зависят как от дисциплинарных, так и от институциональных условий. К первым относятся, например, статус научной области в российской и мировой науке, актуальность дисциплинарных исследований. Ко вторым могут относиться статус лаборатории, заведующего лабораторией и ведущего ученого в институции; стратегия поддержки и дальнейшего развития лаборатории; взаимоотношения между разными участниками лаборатории (в первую очередь, ведущего ученого и заведующего). Тем не менее, данные лаборатории становятся уникальными не только по вкладываемым в их развитие ресурсам, но и по результативности деятельности исследовательской команды. Зарубежный опыт ведущих ученых, а также их молодых коллег, способствует внедрению новых форматов организации науки, а также исследовательской практики. Перспективы участия в международной научной деятельности позволяют сохранять высокую мотивацию и заинтересованность молодых ученых.

Работа подготовлена при финансовой поддержке РГНФ (проект №15-33-01357).

Е.А. Иванова

Санкт-Петербургский научный центр РАН

ЛИЧНАЯ АКТИВНОСТЬ АСПИРАНТОВ ПЕТЕРБУРГСКИХ АКАДЕМИЧЕСКИХ ИНСТИТУТОВ

Личная активность является одной из главных характеристик ученого. Показателями личной активности аспирантов являются: желание поступить в аспирантуру, выбор темы, подача заявок на гранты, конкурсы и проч. В настоящее время среди показателей научной активности аспирантов приоритетное значение придается показателям публикационной активности. В 2014 г. сектор социологии науки и инноваций Социологического института РАН про-

вел опрос аспирантов академических институтов, автором сделан повторный анализ данных под углом зрения личной активности.

Причиной поступления в аспирантуру большинство аспирантов считают желание самому участвовать в приращении научного знания. На вопрос, что для них является важным в научной работе, молодые ученые в большинстве отметили возможность проявлять творческую инициативу, полностью раскрыть свои интеллектуальные творческие способности. У гуманитариев и, частично, представителей естественных наук личная активность сдерживается перспективами низкого заработка ученых. Ответы на вопрос, каковы впечатления от процесса обучения в аспирантуре, в большинстве положительные, так же как и ответы на вопрос, не изменилось ли мнение о привлекательности научной деятельности. Более 40 человек дали пояснения на второй вопрос, среди них есть и положительные, и отрицательные мнения. Основная проблема – низкая оплата труда ученых.

Около половины аспирантов сами решили поступить в аспирантуру к данному руководителю. Почти 40% гуманитариев выбрали тему самостоятельно и 19% – совместно с руководителем, аспиранты по естественным наукам, соответственно 13 и 11%. Подавляющее большинство получили на экзаменах «хорошо» и «отлично», что свидетельствует о заинтересованности обучения в аспирантуре. О личной активности свидетельствует число публикаций: у гуманитариев – 245 индивидуальных и 31 в соавторстве, у аспирантов естественнонаучных специальностей – 54 и 290 публикаций. При этом не все аспиранты на первом и втором курсе имеют публикации, но к третьему курсу обучения количество публикаций больше числа аспирантов. Количество полученных аспирантами индивидуальных грантов, соответственно 16 и 19.

В целом можно сказать, что аспиранты имеют мотивацию и способности к обучению в аспирантуре, но основную роль играют внешние условия обучения: оплата труда ученых и реформы системы образования и аспирантуры.

Л.Ф. Кавуненко, Т.Н. Велентейчик

*Институт исследований научно-технического потенциала
и истории науки им. Г.М. Доброва
НАН Украины*

НАУКОВЕДЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В УКРАИНЕ: ПРОШЛОЕ, НАСТОЯЩЕЕ, БУДУЩЕЕ

Науковедческие исследования в Украине стали активно развиваться в конце 50-х – начале 60-х гг. XX столетия, когда начались реформы в обществе, затронувшие все сферы, в том числе экономику и науку. В 1966 г. в Киеве была опубликована первая монография по науковедению «Наука о науке», автором которой был молодой ученый Геннадий Добров, ставший впоследствии основателем киевской школы науковедения и основоположником развития науковедения в Украине. В книге «Наука о науке» была предложена концепция развития науковедения как комплексной науки, охватывающей широкий спектр исследований по истории, социологии, организации, управлению и экономике науки. Эта монография стала первым системным исследованием науки, в которой историко-научные исследования сочетаются с экономическим анализом и социологическими данными. Она быстро превратилась в библиографическую редкость, ее изучали физики, химики, экономисты, математики и др. и стали называть «библией» науковеда.

Г.М. Добров сформулировал базовый методологический принцип науковедения, заключающийся в том, что путь к пониманию проблем научной системы лежит через критический, объективный, исторический анализ, поскольку наука, являясь открытой системой, развивается в сложных политических, социальных, экономических условиях. При этом Г.М. Добров показывает проблемы, требующие решения для «беспрепятственного прогресса науки и техники». Эти проблемы, связанные: во-первых, с внешней для науки средой, в частности, с мерой понимания потребностей и возможностей науки; во-вторых, с внутренними противоречиями в развитии науки; в-третьих, с увеличением сроков обучения специалистов для науки; в-четвертых, с углублением специализации научных кадров; в-пятых, с неравномерностью в развитии науки в

разных районах мира. Как видим, проблемы, сформулированные 50 лет назад, актуальны и сегодня.

Книга Г.М. Доброва выдержала три издания, почти двадцать пять лет, отделяют первое издание от третьего. Сменилось поколение ученых, произошли серьезные изменения в научной политике, но науковедческая традиция Г.М. Доброва доказала свою жизнеспособность и в условиях постсоветской Украины, ученики и последователи Г.М. Доброва продолжают его дело, проводят комплексные исследования, связанные с развитием науки в Украине и других странах. В Украине функционирует единственный на постсоветском пространстве институт, который изучает широкий круг проблем, связанных с организацией и управлением научных систем в Украине и мире.

В докладе будут представлены результаты исследований учеников и соратников Г.М. Доброва, показаны тенденции развития науки в Украине, проблемы и перспективы.

М.Г. Лазар

*Российский гидрометеорологический институт,
Санкт-Петербург*

РОЛЬ И.И. ЛЕЙМАНА (1931–1989) В УТВЕРЖДЕНИИ КОНЦЕПЦИИ НАУКИ КАК СОЦИАЛЬНОГО ИНСТИТУТА

85 лет со дня рождения И.И. Леймана дают возможность раскрыть реальный вклад ученого в развитие социологии науки в Ленинграде и стране. В 1948–1953 гг. он учился на философском факультете ЛГУ, в 1967 г. там же защитил кандидатскую диссертацию, работал преподавателем Ленинградской кафедры философии Академии наук СССР. С 1969 г. работал в секторе философских проблем молодежи (с 1972 заведовал им) Института философии АН СССР, занимаясь теоретическим и эмпирическим изучением науки. После выхода в свет его монографии «Наука как социальный институт» (1971) И.И. Лейман получил, наряду с С.А. Кугелем и И.А. Майзелем, признание в качестве одного из ведущих ленинградских социологов науки. В книге впервые

реализуется институциональный подход к изучению науки. В отличие от мертоновского нормативного подхода к институту науки, И.И. Лейман добавляет в качестве существенного признака систему научных учреждений: «Любые социальные институты не могут функционировать без большей или меньшей степени формально выделенных управляющих звеньев... Наконец, социальный институт включает в себя материальные учреждения, обеспечивающие отправление соответствующих функций института. Таким образом, под социальным институтом понимается объединение людей, выполняющих специфические функции в рамках социальной целостности и связанных общностью функций, а также традиций, норм, ценностей; объединение, обладающее внутренней структурой и иерархией и отличающееся особым устойчивым характером связей и отношений, как внутренних, так и внешних» (Наука как социальный институт. С. 19–21). Другой важной работой И.И. Леймана по науковедению является монография в соавторстве с автором этих строк «НТР и нравственные факторы научной деятельности. Очерки этики науки», отв. ред. В.А. Ядов (1978), в которой анализируются основные концепции научно-технической революции и заложены основы нового направления науковедения – этики науки. Результаты социологического изучения науки были им опубликованы в разделах монографий 1974, 1980 гг., изданных в Москве и Ленинграде, во множестве статей в разных сборниках. Всего – более 200 научных публикаций. С 1975 г. до конца жизни он работал в ИСЭП АН СССР, заведовал сектором, преподавал в нескольких вузах Ленинграда. И.И. Лейман относится к той категории ученых, которые в период становления эмпирической и теоретической социологии в СССР внесли весомый, заметный, но, к сожалению, неоцененный тогда вклад в теоретическую и практическую социологию науки как нового направления социологии.

Г.А. Николаенко

*Санкт-Петербургский филиал Института истории
естествознания и техники
им. С.И. Вавилова РАН*

СОВРЕМЕННАЯ МОДЕЛЬ ПАМЯТИ

Сегодня самой распространенной теоретико-методологической рамкой, используемой в социологических исследованиях памяти, является концепция М. Хальбвакса. Теория Хальбвакса относится к социологической школе Э. Дюркгейма, также на нее повлияли и философские концепты А. Бергсона, в частности, концепция «длительности» – *durée* (фр.). С нашей точки зрения, данная теоретико-методологическая рамка уже не может выступать в качестве адекватного инструмента в современных социологических или мультидисциплинарных исследованиях.

Во-первых, серьезным структурным недостатком данной модели памяти является то, что М. Хальбвакс, рассматривая социальное в качестве чего-то большего, чем совокупности индивидуального, практически полностью игнорирует современные ему наработки психологизма, в частности концепцию Г. Тарда.

Во-вторых, следует учесть и эволюционно-эпистемологическую критику К. Поппера, с точки зрения которого, приверженность М. Хальбвакса классической теории познания являлась существенным ограничением для анализа реального процесса познания.

В-третьих, необходимо учитывать и тот факт, что в связи с трагической смертью М. Хальбвакс не успел закончить свою вторую книгу «Коллективная и историческая память» (черновики изданы посмертно, в 1950 г.), в рамках которой он как раз хотел переписать свою концепцию в соответствии с критикой 1925–1940-х гг.

Не преуменьшая вклада М. Хальбвакса в социальную теорию, мы можем констатировать, что практически вековая теоретическая модель уже не может использоваться в качестве самостоятельного теоретико-методологического основания для исследований памяти в наши дни. В связи с этим мы хотим обратить внимание отечественных исследователей на концепцию памяти профессора Констанцкого университета (ФРГ) А. Ассман. Данная модель памяти имеет междисциплинарный характер и опирается на на-

работки современной социологии, политологии, культурологии и психологии, что позволило А. Ассман выстроить многоуровневую модель памяти и коммеморативных практик, в полной мере соответствующую современным европейским реалиям, в частности, неолиберальной мемориальной культуре.

А.Н. Родный

*Институт истории естествознания и техники
им. С.И. Вавилова РАН, Москва*

«ЮБИЛЕЙНАЯ НАУКА» КАК ФАКТОР МОБИЛИЗАЦИИ УЧЕНЫХ

В истории науки основными объектами изучения являются историко-научные факты, события и процессы. «Юбилейная наука», как правило, аккумулирует в себе все эти типы объектов, но основной упор делает на событиях, которые имеют хронологическую конкретику («дату» научного открытия, рождения ученого, организации научной структуры и т.д.). «Юбилейные события» (юбилеи) в истории науки характеризуются своими «масштабами звучания»: от общезначимых в мировом научном сообществе до имеющих значение в жизни специализированных профессиональных групп ученых (научной дисциплины, области исследования, региональной и институциональной ассоциации ученых).

«Юбилейная наука» служит фактором мобилизации ученых. Она направлена на формирование определенного социокультурного стиля жизни, который способствует профессионализации ученых в различных социумах. В этом плане представляется интересным рассмотреть роль историков науки в качестве модераторов проведения юбилеев и силы, формирующей жизнь научных сообществ. Причем эта роль проявляется как в индивидуальном, так и в коллективном плане с участием институциональных структур истории науки (комиссий, институтов, объединений и т. д.).

История науки начинается в дисциплинарных социумах, затем ее развивают ученые с историческим складом мышления, и, наконец, она становится объектом изучения профессиональных историков. Юбилеи являются такой формой научной деятель-

ности, которая объединяет различные профессиональные группы научной общественности, а историки науки являются активными катализаторами этих объединительных процессов.

Сама постановка рассмотрения юбилейной тематики в социокультурных и пространственно-временных координатах является мощным импульсом для изучения тенденций и закономерностей развития науки и историко-научной рефлексии.

СЕКЦИЯ «ИСТОРИЯ МАТЕМАТИКИ И МЕХАНИКИ»

Г.А. Акимов

БГТУ-Военмех им. Д.Ф. Устинова, Санкт-Петербург

ЮБИЛЕЙ НАУЧНОЙ ШКОЛЫ ГАЗОДИНАМИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ В БГТУ-ВОЕНМЕХ: ПОДВЕДЕНИЕ ИТОГОВ И ПЛАНЫ НА БУДУЩЕЕ

Рассматривается развитие исследований по прикладной газодинамике, начатых под руководством профессора Исаака Павловича Гинзбурга (1910–1979), известного ученого в области аэрогазодинамики и динамики полета летательных аппаратов.

Мощным стимулом для развития прикладной газодинамики в середине XX века явилось интенсивное развитие авиационной и ракетно-космической техники. Многие полученные результаты явились начальным этапом развития новых направлений прикладной газодинамики.

– Впервые проанализированы ударно-волновые структуры в осесимметричных, составных (блочных), встречных и спутных сверхзвуковых струях (В.Г. Дулов, А.Л. Исаков, А.К. Полубояринов, М.Г. Моисеев, В.А. Зазимко).

– Детально исследованы режимы течения при взаимодействии струй с преградами. Изучен режим «сильной неустойчивости» – условия возникновения и возможности технического применения (В.Г. Дулов, Г.А. Акимов, В.Н. Усков, Е.И. Соколов и др.).

– Подробно исследованы внутренние течения в замкнутых объемах и каналах (Г.Т. Алдошин, В.А. Зазимко, В.А. Коробков и др.).

– Разработана теория газовых течений в камерах и соплах; созданы специальные стенды для их исследований (Б.А. Райзберг, В.Н. Емельянов и их ученики).

– Разработаны теории взаимодействия газодинамики разрывов (В.Н. Усков и его ученики).

– Проведены масштабные эксперименты по исследованию отрывных течений; созданы методы расчета (Ю.П. Савельев, Ю.М. Циркунов).

– Предложены способы снижения лобового сопротивления и теплоотдачи на поверхности обтекаемого тела (летательного аппарата) (И.А. Болов, С.А. Исаев и их ученики).

– Рассмотрены и показаны возможности эффективного применения сверхзвуковых струй в металлургии (А.М. Сизов и его ученики, В.А. Сурин). Созданы газоструйные аппараты и технологии (С.И. Жигач, его ученики сотрудники).

– Разработана теория сверхзвуковых струй плазмы (Г.А. Лукьянов и его ученики).

– Показана преемственность газодинамических исследований в последующие десятилетия.

Л.А. Архангельская

Санкт-Петербургский государственный университет

**К 160-ЛЕТИЮ КНЯЗЯ А.Г. ГАГАРИНА – УЧЕНОГО, ИНЖЕНЕРА,
ИЗОБРЕТАТЕЛЯ, ОРГАНИЗАТОРА И ПЕРВОГО ДИРЕКТОРА
ПЕТЕРБУРГСКОГО ПОЛИТЕХНИЧЕСКОГО**

Князь Андрей Григорьевич Гагарин сыграл важную роль в истории своего времени. Он родился 4 января 1856 г., окончил физико-математический факультет императорского Санкт-Петербургского университета, а также Михайловскую артиллерийскую академию. Построенные Гагариным приборы и машины экспонировались во многих городах России, Западной Европы, Америки и не раз удостаивались премий и медалей, в том числе золотой медали на Всемирной выставке в Париже. Авторитет Гагарина, ученого и человека, был столь велик, что в январе 1900 г. он был официально утвержден в должности директора, создаваемого в Петербурге Политехнического института. Гагарин был человеком действия: в 1902 г. в кратчайший срок было закончено строительство Главного здания института, в этом же году начались занятия, а Гагарин был награжден орденом Святого равноапостольного князя Владимира 4-й степени. Благодаря своему огромному авторитету и уникальной способности привлекать людей, Гагарин собрал в стенах института лучшие научные силы России, отдавая предпо-

чение выпускникам университета, а также ученым и инженерам, имеющим прямое отношение к крупным Петербургским заводам. Для Гагарина было очень важно, чтобы преподаватели любили студентов и защищали их интересы. Как и лучшие профессора университета, он считал, что следует сначала любить, а потом учить. Приглашенные Гагариным ученые (Ф.Ю. Левинсон-Лессинг, И.В. Мещерский, В.В. Скобельцын, А.П. Фан-дер-Флит и др.), занимающие лидирующее положение в своей области, определили работу института на много лет вперед. Так, работы Мещерского через 50 лет принесли ему всемирную известность. Скобельцын, ректор института в 1911–1917 гг., во время первой мировой войны сумел не только сохранить институт, но обеспечил его успешную работу в интересах воюющей армии, а в октябре 1914 г. открыл в институте силами преподавателей и студентов крупнейший госпиталь. Благодаря усилиям профессора Фан-дер-Флита, в институте была открыта аэродинамическая лаборатория, лучшая в те годы в стране. При его участии была начата работа по созданию крупных исследовательских авиационных центров, в частности при Политехническом институте и под Херсоном. И хотя строительство этих центров в связи с революционными событиями не было осуществлено, многие результаты этих работ впоследствии легли в основу развития отечественной авиационной науки. По воспоминаниям современников, трудно было переоценить также ту огромную роль, которую А.Г. Гагарин сыграл в годы первой мировой войны в деле повышения обороноспособности страны.

Е.М. Богатов

*СТИ НИТУ Московский институт стали и сплавов,
г. Старый Оскол*

ОБ ИСТОРИИ ПРИМЕНЕНИЯ КАЧЕСТВЕННЫХ МЕТОДОВ ДЛЯ РЕШЕНИЯ НЕЛИНЕЙНЫХ ИНТЕГРАЛЬНЫХ УРАВНЕНИЙ

Нелинейные интегральные уравнения (НИУ) впервые возникли в работах А.А. Лапунова и А. Пуанкаре по теории равновесия вращающихся жидкостей в конце XIX – начале XX вв. К концу

1920-х – началу 1930-х гг. на теорию НИУ стали смотреть уже как на самостоятельный раздел математики со своими задачами, понятийным аппаратом и методами исследования. Кроме того, физические нелинейные системы, описываемые интегральными уравнениями, стали демонстрировать сложное поведение, которое могло проявляться в существенном изменении вида решения (вплоть до его исчезновения) в зависимости от значений некоего параметра λ . Возникла необходимость в обращении к *качественным* методам, позволяющим оперировать сразу с семейством функций. Большое значение стали приобретать теоремы существования и единственности решений уравнений

$$u = \lambda Au, \quad (1)$$

где A – нелинейный интегральный оператор, исследование структуры множества собственных функций A , задачи о существовании точек бифуркации, теоремы о непрерывности спектра и его структуре, а также построение приближённых методов решения (1).

Большим продвижением в этом направлении явилось применение топологических методов, основанное на идее непрерывной деформации оператора A и связанного с ним некоторого геометрического объекта, а также на наличии топологического инварианта такого объекта. Первым таким инвариантом была степень отображения, введённая в 1933 г. Ж. Лере и Ю. Шаудером и нашедшая своё развитие в работах Э. Роте в 1935–1940 гг. С конца 1940-х гг. к данной теме подключился М.А. Красносельский. В короткий срок им были заложены глубокие идеи исследования структуры множества решений уравнений (1) на основе топологических инвариантов типа индекса Морса и категории Люстерника-Шнирельмана. Красносельским был использован гомотопический инвариант – вращение векторного поля $\Phi = I - \lambda A$ (A – вполне непрерывный оператор, а I – тождественный оператор) – обобщающий характеристику Кронекера на бесконечномерный случай и интерпретируемый как алгебраическое число нулей векторного поля внутри области в банаховом пространстве, на границе которой поле нулей не имеет.

Представляет интерес развитие указанных идей при исследовании устойчивости решений (1), определении характера неподвиж-

ных точек (1), обосновании линеаризации в точках бифуркации и изучении некоторых других вопросов качественной теории НИУ.

Л.И. Брылевская

Санкт-Петербургский Горный университет

Т.Н. КЛАДО КАК ИСТОРИК МАТЕМАТИКИ И МЕХАНИКИ

Т.Н. Кладо – человек трагической судьбы. Она родилась в 1889 г. в семье морского офицера, будущего адмирала и профессора Морской академии Н.Л. Кладо. Татьяна Николаевна получила прекрасное образование – до революции она окончила Гатчинскую женскую гимназию и физико-математический факультет Бес-тужевских высших женских курсов, что позволило ей в 1913 г. сдать государственные экзамены при Санкт-Петербургском университете с дипломом первой степени. Свою научную деятельность она начала в Главной физической обсерватории в 1910 г., область исследований – метеорология. К 1935 г. она уже заведовала сектором аэроклиматологии, была автором большого числа научных работ, опубликованных в советских и зарубежных журналах. Но в конце 30-х годов ее успешная научная карьера резко оборвалась, Т.Н. Кладо была репрессирована.

Об этом трагическом периоде ее жизни мы почти ничего не знаем. Вернуться не в Ленинград, а в Лугу она смогла в 1947 г. Устроиться на работу по специальности ей не удалось. Знание иностранных языков позволило ей заняться переводами, в частности, переводами произведений классиков науки: Р. Декарта, А.П. Ампера, Э.Х. Ленца, М. Фарадея и др. Эта деятельность позволила ей в 1955 г. поступить на работу в Ленинградское отделение Института истории естествознания и техники. Глубокие знания в области математики и механики и превосходное владение иностранными языками позволили Кладо быстро включиться в работу с архивными документами. Она изучала научное наследие Л. Эйлера, П.Л. Чебышева, В.А. Стеклова и др. видных отечественных и зарубежных ученых. Однако ее труды в области истории науки, на наш взгляд, не были по достоинству оценены, и, к сожа-

лению, далеко не все из собранных и снабженных комментариями материалов вышли в свет. Обзор и анализ как опубликованных, так и оставшихся в рукописях работ Т.Н. Кладо – цель данного сообщения.

З.С. Галанова

*Петербургский государственный университет
путей сообщения*

ВОРОНОВСКАЯ Е.В. И ЕЕ ВКЛАД В КОНСТРУКТИВНУЮ ТЕОРИЮ ФУНКЦИЙ

Вороновская Елизавета Владимировна (1898–1972) – доктор физико-математических наук, профессор, специалист в конструктивной теории функций, известный в России и за границей, орденом Трудового Красного Знамени за заслуги в научно-педагогической деятельности.

Вороновская получила хорошее домашнее образование, в совершенстве владела тремя иностранными языками. В 1914 г. она окончила гимназию с золотой медалью и поступила на физико-математический факультет Бестужевских курсов. В 1919 г. Курсы были объединены с университетом, так что в 1920 г. она окончила университет с дипломом первой степени и была оставлена на кафедре чистой математики университета. Педагогической работой начала заниматься с 1921 г. Вороновская-педагог прошла путь от ассистента до профессора, заведующей кафедрами математики в нескольких вузах. В докладе приводится её педагогический послужной список из архивов вузов Ленинграда.

Наука была неотъемлемой частью ее жизни. Е.В. активно работала на семинарах, печатала статьи в неперiodическом сборнике «Математика в школе» под редакцией И.И. Грацианского (1924–1926). С 1930 г. занималась под руководством академика С.Н. Бернштейна и профессора В.И. Смирнова классическими задачами по приближению функций многочленами. В 1938 г. на основании опубликованных работ ей была присуждена ученая степень кандидата физико-математических наук без защиты диссертации.

Работы Вороновской после 1935 г. являются оригинальными самостоятельными исследованиями, посвященными теории моментов. Разработанный Вороновской и ее учениками метод функционалов – это аппарат для определения, качественного изучения и аналитического построения экстремальных полиномов. Научное наследие Вороновской Е.В. – это ее статьи, большая часть которых опубликована в «Докладах Академии наук, диссертация на соискание ученой степени доктора физико-математических наук: «Экстремальные полиномы конечных функционалов» 1955 г., монография «Метод функционалов и его приложения» 1963 г., работы ее учеников.

Вороновская Е.А. была человеком, память о котором остается в сердцах людей, ее знавших. Воспоминания о Елизавете Владимировне оставила её аспирантка Ярв Элеонора Александровна. Сотрудники кафедры высшей математики ЛЭИС, которой заведовала Вороновская с 1962 по 1971 г., тепло написали о ней в газете «Связист» (1988. № 34 (636)). Математика была для нее источником вдохновения, это ярко характеризует личность Вороновской Е.В.

Н.В. Локоть

Мурманский арктический государственный университет

К 130-ЛЕТИЮ «РУССКОЙ ФИЗИКО-МАТЕМАТИЧЕСКОЙ БИБЛИОГРАФИИ» В.В. БОБЫНИНА

Начало русской библиографии было положено еще в церковных рукописях XI в., но опыт основных функциональных ее видов (учетной, критической, рекомендательной) появился в России лишь к концу XVIII в. Развитие книгоиздания, возникновение периодической печати и библиографической журналистики в «век Просвещения» создали предпосылки для возникновения отраслевой библиографии, начатки которой проявлялись еще у А. Селлия (история), Н.И. Новикова (литература), А.Т. Болотова (сельское хозяйство). Во второй половине XIX столетия отраслевая библиография получила дальнейшее развитие, причем резко расширилась ее тематика.

Значительным событием для развития математики и ее отраслей явилось издание трехтомной «Русской физико-математической библиографии» В.В. Бобынина, первый том которой вышел в 1886 г., второй – в 1887, третий – в 1900. Параллельно этот поистине замечательный труд печатался частями в Приложениях к журналу «Физико-математические науки в их настоящем и прошедшем», издателем и редактором которого был все тот же приват-доцент Бобынин. В своей уникальной библиографии автор сумел собрать самый полный указатель книг и журнальных статей по физико-математическим наукам, которые вышли в России «с начала книгопечатания до последнего времени».

Считается общепринятым, что библиография доведена Бобыниным до 1816 г., но, если учитывать, что в каждом из 13 выпусков вышеупомянутого журнала и второй его серии помещался библиографический указатель книг и журнальных статей по физико-математическим наукам (русских и иностранных) за текущий год, то можно говорить и о существующей (в разрозненном виде) библиографии русских изданий по указанной тематике с 1884 по 1901 г. Кроме того, необходимо отметить, что в лице Бобынина русская библиографическая наука приобрела новатора, обогатившего ее новыми замечательными чертами, отличными от лучших западных образцов того времени. Подтверждением является полемика с Eneström'ом по поводу полноты библиографических сведений, изложенных в статье последнего «Sur les bibliographies des sciences mathématiques», напечатанной в историко-математическом журнале «Bibliotheca Mathematica» (Stockholm, 1890. Nouvelle série 4. P. 37–42) и прореферированной Бобыниным в десятом томе «Физико-математических наук в их настоящем и прошедшем».

А.Л. Лопатухин

ООО «Ирисофт», Санкт-Петербург

Н.Н. Поляхов

Санкт-Петербургский политехнический университет

Петра Великого

Е.Н. Поляхова

Санкт-Петербургский государственный университет

ПАМЯТИ ИРИНЫ ЕВГЕНЬЕВНЫ ЛОПАТУХИНОЙ (1945–2016) – ИСТОРИКА МЕХАНИКИ

В марте 2016 г. скоропостижно скончалась Ирина Евгеньевна Лопатухина. Будучи многие годы постоянным лектором по истории механики на математико-механическом факультете Санкт-Петербургского университета, Ирина Евгеньевна вела постоянную научно-исследовательскую работу по этой тематике.

Ирина Евгеньевна активно участвовала в работе Национального Комитета по истории и философии науки и техники, выступая с докладами на проводимых в СПбФ ИИЕТ РАН годичных конференциях Комитета в Санкт-Петербурге, на семинарах по истории математики и механики на механико-математическом факультете МГУ им. М.В. Ломоносова и в ПОМИ им. В.М. Стеклова РАН, на заседаниях секций истории механики на Поляховских чтениях в СПбГУ и в Окуневских чтениях в Военмехе (Балтийский Университет).

Тематика нескольких десятков докладов и статей Ирины Евгеньевны по истории механики касалась истории кафедр механики в Петербургском университете, начиная с XIX в. по настоящее время, а также исследованию творчества и научного наследия таких ведущих российских ученых – математиков и механиков как Л. Эйлер, М.В. Остроградский, О.И. Сомов, Д.К. Бобылев, П.Л. Чебышев, С.В. Ковалевская, А.М. Ляпунов, И.В. Мещерский, А.Н. Крылов и другие.

Отдельное внимание Ирина Евгеньевна уделяла истории Петербургской Академии наук, в частности, она была членом Дашковского Общества, созданного при Московском гуманитарном институте им. княгини Е.Р. Дашковой – первой и единственной женщины-директора Петербургской АН. В рамках Дашковско-

го Общества она сделала около десятка докладов на ежегодных Дашковских Чтениях, проводимых этим Институтом в Москве.

В тематике докладов И.Е. Лопатухиной присутствовали оценки роли отечественных ученых, а так же ряда иностранцев, избранных почетными членами Петербургской АН по предложению Е.Р. Дашковой, роль Дашковой в развитии книгопечатания, библиотечного дела и гуманитарных наук в России и в создании Российской Академии. Ею исследовались научно-культурные связи Академии наук с иностранными Академиями и университетами, инициированные княгиней Е.Р. Дашковой в эпоху Просвещения.

За интересные и содержательные доклады и активное участие в работе Московского гуманитарного института им. Дашковой Ирина Евгеньевна в 2013 г. была награждена золотой медалью им. Е.Р. Дашковой «За служение Свободе и Просвещению».

Несколько десятков своих статей И.Е. Лопатухина планировала собрать в монографию, посвященную великим деятелям науки прошлого, но этому ее замыслу не суждено было осуществиться. В лице Ирины Евгеньевны мы потеряли разностороннего ученого, блестящего педагога и методиста, доброго, светлого, доброжелательного, бескорыстного человека, беззаветно преданного науке и отличавшегося кроме того необыкновенной женственностью.

В.П. Одинец

*Сыктывкарский государственный университет
им. Питирима Сорокина*

ПОЯВЛЕНИЕ НАЗВАНИЯ ДИСЦИПЛИНЫ «КОМПЬЮТЕРНЫЕ НАУКИ» (COMPUTER SCIENCES) – ВЕЛЕНИЕ ВРЕМЕНИ

В России исторически сложилось название дисциплины «Информатика». Особый вклад в её развитие, распространение и утверждение названия дисциплины, прежде всего, в школьном образовании, принадлежит академику Андрею Петровичу Ершову (1931–1988). На Западе, прежде всего в США, исторически сложилось название «Компьютерные науки» (Computer Sciences),

фактически идущее от работы Грейс Хоппер (Grace Murray Hopper, 1906–1992) «The Education of Computer» (1952).

В России уже достаточно давно есть еще одно название «Вычислительные науки». ВИНТИ стал даже издавать отдельно Реферативный журнал «Вычислительные науки». Это привело к тому, что из Реферативного журнала «Математика» исчез раздел, связанный с вычислительной математикой. К счастью, с января 2016 г. он де-юре вернулся (раздел Д). В России сохранилась еще одна дисциплина: «Кибернетика», имеющая большое пересечение и с «Вычислительными науками», и с «Информатикой».

Наконец, появление и распространение названия «Кибернетическая физика», идущего от глубокой книги А.Л. Фрадкова «Кибернетическая физика: принципы и примеры» (2003), в которой, по сути, речь идет об обратной связи, окончательно запутало ситуацию с названием дисциплины.

В условиях широчайшего развития в нашей стране компьютерных технологий, большого числа их создателей и пользователей, выросших на фундаменте двух поколений создателей и пользователей АСУ, назрела необходимость перейти к названию дисциплины «Компьютерные науки».

Г.М. Полотовский

*Нижегородский государственный университет
им. Н.И. Лобачевского*

НЕИЗВЕСТНАЯ ЛЕКЦИЯ А.П. ЮШКЕВИЧА (К 110-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ А.П. ЮШКЕВИЧА)

Речь идет о лекции «*Приоритет и ведущая роль русских математиков в важнейших научных открытиях*», прочитанной А.П. Юшкевичем в Нижегородском (тогда Горьковском) университете (ГТУ) 27 марта 1951 г., стенограмма которой была недавно обнаружена автором в Государственном архиве Нижегородской области (ГАО) (Ф. 377. Оп. 7. Д. 130. Л. 114–137). Все основные положения этой лекции (включая и те, которые не относятся непосредственно к теме, обозначенной в ее названии) сохраняют актуальность и в наши дни.

Кроме описания содержания лекции, обсуждается вопрос о возможных мотивах приезда А.П. Юшкевича в Нижний Новгород (тогда – Горький), где в то время, насколько мне известно, никто не вел (по крайней мере, не публиковал) исследований в области истории математики. По этому поводу высказывается авторская гипотеза, связывающая это событие с курсом истории математики, который в Горьковском университете читал выдающийся математик профессор А.Г. Майер. (Некоторые историко-математические воззрения Майера не совладали с каноническими, что послужило поводом для ожесточенной травли Майера советом механико-математического факультета ГГУ в 1950–1951 гг. Подробности этого «обсуждения идеологических ошибок профессора А.Г. Майера в курсе истории математики» описаны в статье «Нижегородский математик Артемий Григорьевич Майер и его курс истории математики» (С. 210–294 в кн: *Полотовский Г.М. Очерки истории российской математики*. Нижний Новгород: Изд-во Нижегородского ун-та, 2015. 320 с.)).

Ж. Сезиано
Швейцария

ОБ ОДНОЙ РУССКОЙ ЗАДАЧЕ XVII в.

Рассмотрена математическая задача из русской математической рукописи XVII в. (см.: Юшкевич А.П. История математики в России до 1917 года. М.: Наука, 1968. С. 36), имеющая богатую историю. Похожие задачи, тоже со степенями числа 7, встречаются как в египетской математике и позднее в древности, так и в средних веках. Итак, исследуются три вопроса: возможно ли, что эта задача пришла к нам из Древнего Египта? Почему эта или похожая задача имела такой успех? Если задачи формулировались независимо, почему в условии всегда использовались степени числа 7?

Г.И. Синкевич

*Санкт-Петербургский государственный
архитектурно-строительный университет*

РИХАРД ДЕДЕКИНД. К 100-ЛЕТИЮ СО ДНЯ СМЕРТИ

Юлиус Вильгельм Рихард Дедекинд (1831–1916) – немецкий математик, сделавший огромный вклад в алгебру и теорию действительного числа. Он был последним студентом К.Ф. Гаусса, сохранив его традицию научного исследования. Он был другом Б. Римана и И. Дирихле, посвятив много времени посмертному изданию их сочинений, принимал участие в издании трудов Гаусса.

С 1862 по 1894 г. Дедекинд преподавал в Collegium Carolinum в своем родном Брауншвейге.

В 1871 г. Дедекинд, обобщив теорию многочленов и алгебраических чисел, ввел в математику абстрактные алгебраические структуры: кольца, идеалы и модули. Совместно с Л. Кронекером он создал общую теорию делимости. Исследования Дедекинда были изданы в виде приложения к «Теории чисел» Дирихле 1863 г. Биограф Дедекинда Н.М. Edwards полагает, что эта книга, изданная после смерти Дирихле, в действительности написана Дедекиндом.

В период работы профессором в Политехнической школе Цюриха Дедекинд читал курс математического анализа, и, как он сам замечает, ощутил недостаток в научном обосновании арифметики. Геометрическая интерпретация приближения переменной величины к пределу не могла быть строго научной, хотя и удобна в преподавании. Дедекинд поставил себе целью дать чисто арифметическое определение непрерывности, которое будет достаточным основанием анализа бесконечно малых. Результатом этого размышления стала его знаменитая работа «Stetigkeit und Irrationalzahlen» 1872 г., где Дедекинд определяет вещественное число через континуум.

В начале 1870-х гг. Дедекинд знакомится с Георгом Кантором. Их совместные беседы и обсуждения теории множеств, создаваемой Кантором, привели Дедекинда к написанию его второй знаменитой работы «Was sind und was sollen die Zahlen?» 1888 г., в которой Дедекинд излагает свою концепцию теории множеств посредством

аксиоматизации арифметики. В отличие от концепций Кантора, К. Вейерштрасса, Ш. Мере и Г. Гейне, берущих свое начало из теории функций, концепция Дедекинда основана на аксиоматическом построении системы натуральных чисел и привела к созданию аксиом арифметики (Пeano, 1889 г.).

СЕКЦИЯ «ИСТОРИЯ АСТРОНОМИИ»

М.В. Воротков, Н.О. Миллер

*Главная (Пулковская) астрономическая обсерватория РАН,
Санкт-Петербург*

Н.А. КОЗЫРЕВ: ФИЛОСОФИЯ И ОТКРЫТИЕ ВУЛКАНИЗМА НА ЛУНЕ

Астроном Н.А. Козырев (1908–1983) – первооткрыватель лунной вулканической активности. В 1969 г. Международная академия астронавтики наградила его именной Золотой медалью. В его честь назван кратер Kozurev в южном полушарии обратной стороны Луны и астероид (2536). Создатель теории Времени, Н.А. Козырев обнаружил свечение вулканических газов кратера Альфонс на Луне во многом именно благодаря сформулированным им в этой теории представлениям.

В 1928 г. после окончания астрофизического отделения ЛГУ он был принят в аспирантуру ГАО и в 1931 г. защитил кандидатскую диссертацию. В 1936 г. арестован, находился в лагерях, где не прерывал научной деятельности. Условно освобожден в 1946 г. Полностью реабилитирован в 1958 г. Состоял научным сотрудником КРАО до 1957 г. Сразу после освобождения защитил докторскую диссертацию (1947), подготовленную в заключении (опубликована в «Известиях КРАО»). В этой работе Н.А. Козырев заложил основы своей мировоззренческой концепции, которая стала основанием его последующих исследований в разных направлениях – астрономическом, физическом, философском. В год реабилитации увидела свет его книга «Причинная или несимметричная механика в линейном приближении» (Пулково, 1958). Н.А. Козырев постулировал существование субстанционального творческого начала – Времени (с большой буквы), которое активно и проявляется в физических явлениях как организующий фактор. Лишь одно из свойств Времени известно современной науке – метрическое время. Свою концепцию Козырев пытался подтвердить лабораторными опытами и астрономическими наблюдениями. Эти исследования проводились им в Пулковской и Крымской обсерва-

ториях. Непосредственно из теории Времени он пришел к выводу о существовании вулканизма на Луне. Наблюдения кратера Альфонс с помощью собственной оригинальной методики окончательно убедили его в правоте этой идеи и способствовали настойчивым наблюдениям Луны классическими средствами. В 1958 г. Козырев получил спектрограмму, показавшую наличие эмиссионных линий вулканических газов в кратере Альфонс.

Опыты Козырева не могут не вызывать критики физиков, поскольку наблюдаемый им эффект всегда находился на уровне случайных шумов и помех. Тем не менее, к его опытам следует отнестись с должным вниманием и рассматривать их как неотъемлемую часть его философской концепции. Если предположить, что Время воздействует именно на особенности случайности («управляет случайностью»), то результаты опытов Н.А. Козырева становятся намного убедительней. Сама идея существования в Природе активного творческого начала позволяет иначе взглянуть на эволюцию биосферы и место Человека в ней, что открывает дополнительные возможности выхода из экологического кризиса.

И.И. Демидова

Санкт-Петербургский государственный университет

**ОСНОВАТЕЛЬ ПЕРВОЙ В СССР ЛАБОРАТОРИИ ФОТОУПРУГОСТИ
Л.Э. ПРОКОФЬЕВА-МИХАЙЛОВСКАЯ: К 120-ЛЕТИЮ
СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ**

Лидия Эдуардовна Прокофьева-Михайловская (урожд. Михайловская) – механик, специалист в области поляризационно-оптического метода исследования напряжений, основатель в 1929 г. на кафедре механики математического отделения физико-математического факультета ЛГУ первой в СССР лаборатории оптического метода исследования напряжений (лаборатория фотоупругости), ставшей после войны одним из признанных центров фотоупругости в стране. Родилась в 1896 г. в Иркутске. Училась в Петрограде в Институте инженеров путей сообщения, с 3-го курса перевелась на физико-математический факультет Петроградского универ-

ситета. По окончании его и аспирантуры – ассистент кафедры механики, затем доцент кафедры теории упругости ЛГУ. На рубеже XIX–XX вв. при проектировании и эксплуатации машин возникла необходимость определения концентрации напряжений в конструкциях. Предлагались аналитические, численные и экспериментальные методы решения задач теории упругости. Одним из эффективных экспериментальных способов был признан метод фотоупругости, когда модель из оптически чувствительного материала нагружается в соответствии с условиями задачи и просвечивается поляризованным светом, затем фиксируется и расшифровывается интерференционная картина. После появления монографии А.К. Зайцева (1929) Лидия Эдуардовна при содействии мужа В.К. Прокофьева, научного сотрудника ГОИ, собрала собственную поляризационную установку и методом полос выполнила по заданию НИИ судостроения (НИСС) первую работу – исследование сварных соединений. Позднее сотрудниками лаборатории созданы приборы для измерения оптической разности хода, с появлением экспериментальных мастерских НИИММ ЛГУ налажен выпуск приборов для лабораторий страны. В лаборатории на моделях решались задачи оборонного характера. В 1930 г. в ЛГУ проведена первая конференция по оптическому методу, в 1937 и 1941 гг. – еще две, были опубликованы статьи по исследованию напряжений в моделях. Л.Э. Прокофьева-Михайловская много содействовала росту интереса к оптическому методу и созданию лабораторий фотоупругости в ряде научных учреждений и вузов. В феврале 1942 г. она умерла от голода в блокадном Ленинграде в коридоре Главного здания ЛГУ, похоронена на Волковском кладбище в братской могиле. После войны ее ученики продолжили развитие метода для решения разнообразных задач теории упругости и термовязкоупругости.

В.Ю. Жуков*Санкт-Петербургский государственный
архитектурно-строительный университет***ЗРИМЫЙ ОБЛИК: МЕМОРИАЛЫ И КОММЕМОРАТИВЫ
М.В. ЛОМОНОСОВА**

Первым Ломоносовским юбилеем стала столетняя годовщина со дня смерти великого русского ученого (1865). В 1911 г. праздновалось 200-летие со дня его рождения. Широко отмечались 250-летний юбилей ученого в 1961 и его 300-летие в 2011 г. В апреле 2015 г. исполнилось 250 лет со дня его смерти. Именем М.В. Ломоносова в России и странах бывшего СССР названы 14 учреждений науки, образования и культуры; 2 судна; 1 предприятие (ЛФЗ, 1925–2005); 23 географических и космических объекта, в том числе астероид, 2 кратера (на Луне и Марсе) и 1 искусственный спутник Земли МГУ («Михайло Ломоносов», запущен с космодрома «Восточный» 28.04.2016 г.); 1 астрономический эффект; 1 биологический вид (ракообразных); 1 геологическая порода (Ломоносовит); 52 топонима: 2 населенных пункта (город и село), площади в 2 городах, проспекты в 3 городах, улицы в 44 городах; станция метро в Петербурге; Большая золотая медаль им. М.В. Ломоносова – высшая награда РАН; Премия им. М.В. Ломоносова (присуждается МГУ своим сотрудникам).

Установлены 25 памятников Ломоносову под открытым небом – 2 мемориальных сооружения (одно не сохранилось), 10 стоячих (из них 1 – идущая) и 5 сидячих (из них 1 – барельеф) фигур и 8 бюстов – в 18 городах и 2 селах 3 стран (Россия, Украина, Германия) – в Архангельске (3 памятника), Брянске, Великом Новгороде (фрагмент барельефа на памятнике «1000-летие России»), Ижевске, Краснодаре, в г. Ленинске-Кузнецком, г. Ломоносове, с. Ломоносове, Москве (3 памятника), Орле, Ростове-на-Дону, Санкт-Петербурге (3 памятника), Саратове, Северодвинске, Сочи, с. Холмогоры (не сохранился), Сочи (Россия), Днепропетровске и Харькове (Украина), Марбурге и Фрейберге (ФРГ). Известны не менее 24 скульптурных портретов (бюстов) и 3 фигуры М.В. Ломоносова в закрытых помещениях: бюсты в Волгограде, Москве, Петербурге (21 бюст, в их числе 3 бюста работы скульптора

Ф.И. Шубина), г. Пушкине и фигуры – 2 в Петербурге (стоячая и сидячая, барельеф) и 1 в Архангельске (сидячая). Установлены 6 мемориальных досок в честь М.В. Ломоносова в Киеве (Украина), г. Мирном Архангельской обл., Москве (2 доски), Петербурге и Фрейберге (ФРГ).

С 1855 по 2005 г. в нашей стране выбиты минимум 10 медалей, в том числе 4 настольные памятные медали МГУ с изображением великого ученого и 6 собственно юбилейных медалей и жетонов Ломоносова. С 1986 по 2011 г. в оборот выпущены 4 юбилейные монеты разного достоинства (от 1 до 100 руб.) с его изображением (1 из медно-никелевого сплава, 1 золотая и 2 серебряные). В период с 1925 по 2011 г. 12 раз выпускались марки с изображением Ломоносова.

М.С. Петрова

Институт всеобщей истории РАН, Москва

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О ПРИРОДЕ МИРА, МЕСТЕ И РОЛИ ЛУНЫ В СРЕДНЕМ ПЛАТОНИЗМЕ (ПЛУТАРХ. О ЛИКЕ...)

В докладе на основании анализа трактата «О лике, видимом на диске Луны» реконструируются представления Плутарха (ок. 46 – после 119) об устройстве мира, природе Луны, ее свойствах, роли и месте в картине мироздания. Отмечено, что по Плутарху мир взаимосвязан с отдельной человеческой душой. Трем уровням вселенской иерархии (Солнце – Луна – Земля) соответствуют три уровня человеческого существа (ум – душа – тело). Вселенная в целом непричастна к движению в пространстве, но состоит из несущегося вверх и вниз вещества (943f; ссылки по: Stephanus, 1572). Солнце занимает в ней главенствующее положение, как и ум, оно самостоятельно и неподвластно ничему другому. Оно берет только то, что само дало (ум). Солнце у Плутарха выполняет функции Бога. Луна (как и душа) по своей природе подвержена смещению, поскольку находится между Солнцем и Землей. Она состоит из звездного и земного вещества, проникнута эфиром во всю свою толщу и является существом одушевленным и произ-

водящим (943e). Луна стремится соединиться с Солнцем (944e). От него она получает ум; в свою очередь, давая человеку душу, она слагает и разлагает (945c). Луна соразмерна по легкости и тяжести (943f), велика и пребывает в движении (944a); на ней имеются подобные земным большие и малые провалы и выемки (944c). У нее две части: верхняя (Елисейские поля) обращена к небу, нижняя – к Земле (944c). Земля занимает последнее место. Она бездушна, пассивна и находится в подчинении. Она не дает ничего, возвращая по смерти лишь то, что взяла для порождения (т.е. душу и ум) (945c). По природе Земля мягка, ибо состоит из воздуха и влаги (943e). Природа Луны схожа с той большей и необитаемой частью Земли, которая представляет собой пустыню, или «великое море» (938d). Польза Луны состоит в том, что она отражает разливающийся около нее солнечный свет, является местом соединения всех звездных лучей, что позволяет ей перерабатывать земные испарения и умерять жар Солнца. Движение Луны упорядочено и поступательно (939a): она движется по неким кругам, обращающимся около других кругов. Положение этих кругов друг к другу или по отношению к Земле, а также их обращение объясняет видимое с Земли движение Луны, ее высокое или низкое положение и изменения Луны по широте и долготе (939b). По составу Луна – тело не огненное и сухое, а мягкое и влажное (939f). Она обладает естественными свойствами, противоположными Солнцу, поскольку смягчает и увлажняет то, что Солнце делает твердым и иссушает. Она насыщает влагой и охлаждает его теплоту, поступающую к ней и смешивающуюся с нею (940b). Таковы представления Плутарха о природе мира, Луне, ее месте и роли в картине мироздания.

Г.И. Пинигин

*Главная (Пулковская) астрономическая обсерватория РАН,
Санкт-Петербург*

**ПУЛКОВО – НИКОЛАЕВ – ШПИЦБЕРГЕН:
ПОЛЯРНАЯ АСТРОНОМИЧЕСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ 1974–1977 ГОДОВ**

Идея высокоширотных астрономических наблюдений в условиях полярной ночи была предложена сотрудником Николаевского отделения ГАО (НО ГАО, ныне Николаевская астрономическая обсерватория Украины – НАО) Г.М. Петровым в 1972 г. и вскоре поддержана АН СССР. Программа наблюдений и определений прямых восхождений звезд посредством пассажного инструмента АПМ 10 ($D = 100$, $F = 1000$ мм) с фотоэлектрической регистрацией была рассчитана на три полярные ночи с 1974 по 1977 г. и включала 552 звезды из фундаментального каталога FK4 в зоне склонений от $+10$ до $+80^\circ$. Предусматривались продолжительные (круглосуточные) наблюдения со сменой состава наблюдателей и инженеров на каждую полярную ночь. Двухлетняя подготовка экспедиции включала выбор места (пос. Баренцбург, $78^\circ 05' 36''$ сев. широты, $14^\circ 12' 36''$ вост. долготы, высота 44 м), подготовку пассажного инструмента и вспомогательного оборудования, строительство павильонов и жилого помещения, установку телескопа и длиннофокусных мир (выполнено в июле–сентябре 1974 г.). В этой работе в обсерваториях и в летнее время на Шпицбергене участвовали сотрудники ГАО и ее Николаевского отделения: А.Г. Артамонов, А.П. Гресь, В.М. Ивакин, М.И. Илькив, Н.С. Калихевич, Г.М. Петров и др.

В сентябре–октябре 1974 г. состав первой смены экспедиции был утвержден и прибыл в Баренцбург на Шпицбергене. Всего в трех экспедициях приняли участие 14 сотрудников Пулковской и Николаевской обсерваторий, обеспечившие успешное выполнение программы. *Первая смена*: астрономы-наблюдатели Г.М. Петров (науч. руководитель и начальник 1-й экспедиции), Н.С. Калихевич, А.П. Челомбитько и техники А.А. Аристархов и Т.Г. Тинькова. *Вторая смена*: радиоинженер Э.М. Тильк (руководитель экспедиции), его заместитель механик Л.Н. Плешивцев, астрономы-наблюдатели В.И. Кияев (АО ЛГУ) и В.Н. Пышненко.

Третья смена: Г.И. Пинигин (руководитель 3-й экспедиции), астрономы-наблюдатели А.С. Павлов, В.Н. Пышненко, радиоинженер Ф.И. Бушуев, ст. лаборант Н.С. Орешенко и дежурный (работник из Баренцбурга). Тяжелые условия полярной ночи, большая удаленность и изолированность от материка (отсутствие почтовой и телефонной связи), сложные метеоусловия порождали психологические перегрузки, депрессию, ностальгию и ощущение одиночества. Спасала работа, требовавшая от полярников (в первую очередь, астрономов-наблюдателей) мужества и полной самоотдачи. Впервые за три полярные ночи было выполнено более 15 тыс. наблюдений звезд. Большинство из них вошло в 25 рядов длительностью от 18 до 155 часов. Почти четверть всех звезд выполнена в двух кульминациях при одинаковых условиях наблюдений. После обработки наиболее точных 13,5 тыс. наблюдений был получен абсолютный каталог прямых восхождений звезд Nik(Spz)75 с высокой точностью в случайном отношении (ошибка среднего положения звезды в каталоге $\pm 0.04''$), практически свободный от систематических ошибок (не более $0.01''$). Полученный каталог был использован при создании нового Международного фундаментального каталога положений звезд FK5. Работа экспедиции на Шпицбергене была признана Астрономическим советом АН СССР лучшей работой в области астрономии в СССР за 1977 г.

С.С. Смирнов

*Главная (Пулковская) астрономическая обсерватория РАН,
Санкт-Петербург*

АСТРОНОМИЯ В ЗЕРКАЛЕ ФИЛАТЕЛИИ

В XX в. коллекционирование почтовых марок стало одним из самых массовых увлечений, а астрономическая тематика — одной из основных в филателии. Во многих случаях почтовые миниатюры оказывались единственным красочным и доступным иллюстративным материалом для научно-популярных лекций и школьных уроков. Немало выпусков марок, блоков, конвертов и специальных почтовых штемпелей посвятили памятным датам

астрономии почты нашей страны и других государств. Художник А. Завьялов выполнил почтовые миниатюры к открытию в 1954 г. восстановленной Пулковской обсерватории, 250-летию со дня рождения Эйлера и годовщинам падения Сихотэ-Алинского и Тунгусского метеоритов. 125 лет со дня рождения Ф.А. Бредихина отмечено маркой художника Ю. Гржешкевича. Художник С. Соколов создал марки к 100-летию со дня смерти В.Я. Струве, 100-летию со дня рождения П.К. Штернберга и одного из организаторов Московского кружка любителей астрономии – художника А.М. Васнецова, изобразившего на нескольких картинах солнечные затмения 1887 и 1914 гг.

Особенно богаты и разнообразны почтовые Коперникиана и Ньютониана. Отдельные экспонаты на филателистических выставках составляют и коллекции, посвященные великим ученым-энциклопедистам М.В. Ломоносову и Д.И. Менделееву.

Марки и конверты неоднократно посвящались юбилеям или открытию обсерваторий и планетариев, а также крупным научным съездам и проектам, например X съезду Международного астрономического союза в Москве, Международному геофизическому году и Году спокойного Солнца, исследованию кометы Галлея, 400-летию изобретения телескопа. Художник А. Аксамит изобразил на марке, посвященной XIII Международному конгрессу по истории науки (Москва, 1971), радиотелескоп и формулу закона всемирного тяготения. Несколько стран отметили выпуском марок и блоков 150-летие Геодезической дуги Струве.

В.К. Абалакин, Г.Н. Каттерфельд и другие астрономы неоднократно обращали внимание на обидные опечатки, а то и грубые ошибки в рисунках, датах, именах и названиях на марках астрономической тематики. Автор особенно признателен пулковскому астроному М.С. Звереву за консультации, обсуждение и предоставление редких марок для экспозиции «Ошибки на марках о космосе», получившей несколько серебряных и позолоченных медалей на национальных и международных выставках.

Т.В. Соболева

*Главная (Пулковская) астрономическая обсерватория РАН,
Санкт-Петербург*

К ИСТОРИИ ЭКСПЕДИЦИЙ ПО НАБЛЮДЕНИЮ ПОЛНОГО СОЛНЕЧНОГО ЗАТМЕНИЯ 19 ИЮНЯ 1936 ГОДА

80 лет назад астрономы всего мира наблюдали полное солнечное затмение, вошедшее в историю науки как «большое советское затмение». Полоса затмения проходила по параллели через весь СССР и в наиболее благоприятное с точки зрения погоды время.

Летом 1933 г. была образована специальная Комиссия по подготовке к затмению (председатель – академик Г.М. Кржижановский, заместитель – директор ГАО Б.П. Герасимович). Практически же подготовка поручалась ГАО. Впервые было решено провести исследования Солнца по единой программе и с помощью приборов отечественного производства. Летом 1934 г. были проведены 5 предварительных экспедиций по выбору мест для наблюдений. По проекту конструктора Н.Г. Пономарева изготовили 5 целостатов и 6 стандартных коронографов (в АИ и на ГОМЗ), под руководством Д.Д. МаксUTOва (в ГОИ) – несколько объективов, зеркала и др. оптику. В феврале 1936 г. Б.П. Герасимович доложил об основных целях наблюдений: определение формы короны и ее цветовой температуры, изучение хромосферы и протуберанцев, спектра вспышки, ионизации короны.

Во время затмения работали 28 советских и 12 иностранных экспедиций. Вот места некоторых из них. Экспедиции ГАО: пос. Акбулак (рук. Б.П. Герасимович) и с. Сара (рук. Г.А. Тихов) Оренбургской обл., Омск (рук. И.А. Балановский); АИ: пос. Калёный на Урале (рук. Б.В. Нумеров); ТАО: с. Бартат Красноярского края (рук. А.В. Марков); ЛГУ: под Красноярском (рук. В.В. Шаронов); ГАИШ: Кустанай в Казахстане (рук. В.Г. Фесенков) и Куйбышев на Дальнем Востоке (рук. А.А. Михайлов); ВАГО: Хабаровск (рук. В.Т. Тер-Оганезов). Между экспедициями была налажена радиосвязь. Проводились наблюдения с аэростатов и самолетов. 5 июля 1936 г. Б.П. Герасимович доложил в АН СССР о первых результатах. Программа была выполнена успешно, получен ценный материал. Не удалось провести наблюдения в Кустанае,

Красноярске и Хабаровске из-за облаков и дождя. В остальных пунктах погода благоприятствовала. Работу экспедиций отметили благодарностями и премиями. Комиссия намеревалась издавать результаты в нескольких томах с 1937 г. (к 20-й годовщине Октября), но Труды экспедиций вышли только в 1938–1939 гг. в 2-х томах. Это затмение известно и тем, что после экспедиций многие астрономы подверглись репрессиям: в 1936 г. – Б.В. Нумеров, И.А. Балановский, В.Ф. Газе, А.В. Марков, Н.И. Днепровский; в 1937 г. – Е.Я. Перепёлкин, Б.П. Герасимович, И.Н. Леман-Балановская. Их труды не публиковались. В Архиве ГАО сохранились материалы наблюдений Е.Я. Перепёлкина, статья и отчет А.В. Маркова, а также имеется очерк чехословацкого журналиста Ю. Фучика «Астрономы в степи. Акбулак – город Солнца» (написан в мае 1936 г., опубликован в 1960 г. в Ташкенте). В день полного солнечного затмения стало известно о смерти М. Горького накануне, 18 июня.

СЕКЦИЯ «ИСТОРИЯ ГЕОГРАФИИ»

А.А. Вигасин

Институт стран Азии и Африки МГУ

ЮЖНАЯ ИНДИЯ НА КАРТЕ КЛАВДИЯ ПТОЛЕМЕЯ

В докладе делается попытка идентификации ряда топонимов, фигурирующих в географическом трактате Клавдия Птолемея. На территории современного штата Тамилнад географ помещает племя кареев (по Коромандельскому берегу от Комариа = Каньякумари до мыса Кори = Рамешварам и р. Солен = Вайгай). Севернее находится царство пандионов (= Пандья) со столицей в г. Модуре (= Мадураи) и племя батов – до устья реки Хаберис (= Кавери). За Кавери начинается царство сорингов со стольным городом Ортура, где правит Сорнат. Историкам известно, что эта территория принадлежала одной из ветвей Чолов. По всей видимости, следует принять вариант, присутствующий в рукописях Птолемея, – Сорнагос (то есть Чоланага). В тамильской поэзии упоминается их город Ураттур, или Урайюр. Еще севернее располагается царство аруарнов со столицей в г. Маланга, где находится резиденция Барсаронага. Этноним соответствует тамильскому арувала, а столица этого народа, отождествляемая с г. Канчи, носила название Мавиланга. В рукописях Птолемея имеются разные варианты чтений имени царя, и представляется, что Барсоранага может быть интерпретирован как Валачоланага (вновь племенное название – северных Чоланагов). Самым южным портовым городом этого государства является Подуке, отождествляемый с современным Пондишери (Путтучери). По территории этой страны протекает Тинна, которую обычно считают рекой Пеннару. Аргументом является то, что это единственная крупная река между Кавери и Кришной (а последнюю отождествляют с упоминаемым далее у Птолемея Майсолом). Однако по поводу этих идентификаций могут быть сомнения, ибо, если Майсол = Кришна, то на карте Птолемея оказывается вовсе пропущена Годавари. Кроме того, между Пеннару и Кришной совершенно нет удобных гаваней, а географ упоминает эмпорий Меланга между Подуке и р. Тинна... Не мо-

жет ли под названием Тинна фигурировать Кистна (т.е. Кришна), а устье Майсола тогда будет соответствовать Годавари? Вдали от морского побережья Птолемей называет еще одну группу чолов, а именно «номады соры», которые обитают между гор. Столицей их царя Сора (= Чола) является г. Аркату (Арккаду в тамильских памятниках). Для индолога эти сведения представляют немалую ценность. Они показывают, что уже в античное время страна Чолов имела такое же тройственное деление, какое известно в Средние века: Чоламандалам (соринги с царем Сорнагом в районе дельты Кавери), Тондаймандалам (аруарны с царем Барсоранагом) и Конгумандалам (соры-номады с царем Сора). Источники, использованные Птолемеем, основаны на очень хорошем практическом знании местности. И связано это, конечно, с расцветом римско-индийской торговли в I–II вв.

И.Г. Коновалова

Институт всеобщей истории РАН, Москва

ЭВОЛЮЦИЯ ТЕОРИИ КЛИМАТОВ В СРЕДНЕВЕКОВОЙ ИСЛАМСКОЙ ГЕОГРАФИИ

Общим способом организации пространства у мусульманских географов была унаследованная ими от античной науки система деления земной поверхности на широтные зоны – климаты. Формально-астрономическое деление на климаты, лишенное каких-либо историко-политических и культурных коннотаций, облегчало взаимодействие теории климатов с другими идеями разного свойства, в результате чего в исламской географии система климатов приобрела различные конфигурации.

Прежде всего, было проблематизировано происхождение климатов. Умозрительность границ, устанавливаемых делением земли на климаты, сомнению не подвергалась, но была сделана попытка уйти от их естественнонаучного объяснения. Желание осмыслить границы климатов в контексте «гуманитарной» географии побудило исламских ученых обратить внимание на труды Гиппократ и Галена, в частности, на их наблюдения над различными типами

человеческого темперамента. В результате жителям того или иного климата исламские авторы стали приписывать определенные телесные качества и черты характера, что привело к переосмыслению характера границ между климатами, которые стали рассматриваться как инструмент деления ойкумены на зоны варварства и цивилизации. Благодаря тому, что понятие «климат» получило ценностные коннотации, была выстроена иерархия климатов.

Выходу теории климатов за рамки астрономической географии способствовало и знакомство с иранской традицией деления Земли на семь зон-кишваров, т.е. историко-географических областей. Поскольку кишвары являлись таксономической категорией того же ранга, что и греко-арабские «климаты», в арабоязычной географии они тоже стали называться «климатами». Это терминологическое тождество открывало возможность для переноса теории климатов в описательную географию и формирования на этой базе нового типа географического описания – зонально-климатического по форме и культурно-исторического по содержанию. Выдающимся образцом такого типа описания стало сочинение географа XII в. ал-Идриси, у которого группировка сведений по климатам создавала иллюзию целостного взгляда на мир, но в действительности за внешней климатической оболочкой скрывались принципы описания, подчинявшиеся исключительно собственной логике.

М.В. Лоскутова

НИУ-Высшая школа экономики, Санкт-Петербург

КАРТИРОВАНИЕ И ИЗУЧЕНИЕ ЛЕСОВ БАССЕЙНА ФИНСКОГО ЗАЛИВА, ЛАДОЖСКОГО И ОНЕЖСКОГО ОЗЕР В НАЧАЛЕ XIX в.

Рубеж XVIII–XIX вв. в Российской империи ознаменовался целой серией реформ управления лесным хозяйством: последнее, переданное в начале 1780-х гг. в ведение казенных палат в губерниях, вернулось в сферу компетенции высших и центральных органов – Экспедиции государственного хозяйства Сената и Адмиралтейств-коллегии, а затем, с 1802 г. – Министерства финансов.

В губерниях были воссозданы должности обер-форстмейстеров и форстмейстеров. В 1804 г. был принят Лесной устав – первая попытка систематизации лесного законодательства и нормативных актов в этой сфере в Российской империи. Наконец, в этот период мы видим последовательные попытки правительства установить твердые правила продажи и безвозмездного отпуска казенного леса, провести размежевание частновладельческих и государственных лесов, а в последних – отделить участки, отведенные в крестьянское пользование, от особо охраняемых дач, предназначенных обеспечивать нужды флота и военной промышленности.

Эти реформы получили некоторое, хотя и неполное, освещение в существующей литературе по истории лесопользования и лесного кадастра в России. Однако вопрос о том, что послужило стимулом для их проведения до сих пор не поднимался. В настоящем докладе мы попытаемся представить некоторые доказательства в пользу того, что наполеоновские войны в Европе вызвали серьезный кризис в обеспечении топливом и строительным материалом для флота в отдельных, стратегически значимых регионах Российской империи. Для этого мы детально рассмотрим положение дел в одном таком регионе – бассейне Финского залива, Ладожского и Онежского озер – в этот период. Будут подробно рассмотрены география лесных участков, подвергшихся картированию и детальному изучению силами специально командированных офицеров флота, проанализированные выполненные в этот период лесные карты региона, выявлены те районы, где в этот период уже ощущался недостаток этого возобновляемого природного ресурса.

А.А. Сеницын

*Русская христианская гуманитарная академия,
Санкт-Петербургский государственный университет*

НЕСКОЛЬКО ЗАМЕЧАНИЙ О РОЛИ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ МАРКЕРОВ В «ИСТОРИИ» ФУКИДИДА

История и география, равно как и этнография, связаны исконно, и корнями своими они уходят в архаическую эпическую поэзию и эллинскую мифологию (подробнее: Сеницын 2015 + литература).

В отличие от своего старшего современника Геродота Фукидид, насколько можно судить, не был заядлым путешественником, не был страстным собирателем географической информации и всякого рода уникальных сведений о заморских краях. «Отца истории» мы запросто можем назвать и «отцом географии», а вот интерес афинского историка, как обычно считают, отнюдь не столь «географичен». Но в исследовательской литературе уже неоднократно указывалось на то, что в «Истории Пелопоннесской войны» Фукидида определенное место занимают географические маркеры: расстояния в стадиях, топография, ландшафт и проч. (литература: Pearson 1939; Sieveking 1957; 1964; Furley 1990; Strassler 1996; Карпюк 2005; 2006; 2008; 2010; Funke, Haake 2006; Zahrnt 2006; Сеницын 2009; Hornblower 2011; Nicolai 2013; Golden 2015).

При изучении географических представлений Фукидида предпринимались попытки выявить у него некую систему перечисления топографических названий. Имеются специальные исследования, посвященные экскурсам у Фукидида в топографию Амфиполя, Мегариды, Платей, Сиракуз, Халкидики и др. полисов и областей Греции. Чаще всего в качестве примера антиковеды ссылаются на информированность историка о топографии юго-западного Пелопоннеса – район Пилоса и Сфактерии при изображении Пилосской кампании 425 г. до н. э. (Thuc. IV.2–41; см.: Gomme 1956. Vol. 3; Pritchett 1965; 1994; Wilson, Beardsworth 1970; Westlake 1974; 1989; Bauslaugh 1979; Cartledge 1979; Wilson 1979; Babut 1986; Strassler 1988; 1990; 1996; Hornblower 1996; Rubincam 2001; Funke, Haake 2006; Foster 2012). Хотя уже отмечалось, что Фукидид неверно называет размеры острова Сфактерия, допускает неточности в указании величины входов в Пилосскую

гавань (ныне – Наваринская бухта) и расстояний от Пилоса до Спарты (Thuc. IV.3.2; IV.8.6; к дискуссии об этих показателях: Wilson 1979; Bauslaugh 1979; Strassler 1988; 1990; Pritchett 1994; Hornblower 1996).

Судя по всему, Фукидид владел достаточными знаниями в области современной ему географии. Его описание событий на разных фронтах Пелопоннесской войны – а это охватывает значительную часть Эллады и многие земли за ее пределами – предполагало и наличие элементарных географических знаний у аудитории (слушателей или читателей этого военно-исторического труда). Вряд ли «История» Фукидида, как и сочинения большинства других древнегреческих историописателей – Геродота, Ксенофонта, Эфора, Полибия и проч., – имела какое-то наглядное картографическое «приложение».

Ф. Зивекинг в диссертации, специально посвященной исследованию географических проблем в «Истории Пелопоннесской войны» («Die Funktion geographischer Mitteilungen im Geschichtswerk des Thukydides», 1957), сформулировал суждение о том, что «в произведении Фукидида топография, география и этнография занимают одинаково равное незначительное место». В недавней работе П. Функе и М. Хааке «Theaters of War: Thucydidean Topography» представлен обстоятельный анализ географических реалий, встречающихся в Фукидидовом труде. По их мнению, топографические маркеры у Фукидида представляют собой лишь «декорации» и «сценическую площадку», где разворачиваются главные события – историческая драма великой войны (Funke, Naake 2006). В новом сборнике трудов, подготовленном в честь известного специалиста по античной географии Р. Тальберта, в статье Ш. Голден «География Фукидида» обсуждаются эпизоды из «Истории Пелопоннесской войны» с географическими данными в «Археологии» (Thuc. I. 1–23) и в «Сицилийском логосе» (VI. 1–52; 7. 72–87). Голден считает, что в основе географических знаний Фукидида лежал личный практический опыт историописателя в сборе материала (Golden 2015).

Топографические маркеры и разного рода географические замечания обычно встречаются у Фукидида при описании мест сражений и маршрутов передвижения войск (см. с примерами: Funke, Naake 2006; Синицын 2009; Sinitsyn 2015). Историк не вдается специально в проблемы географии и ограничивается незначительными сведениями о местах событий, которые ему самому

представлялись имеющими отношение к существу дела – к той теме, на которой сосредоточено все его внимание, т. е. сугубо к военно-политической истории. Фукидид осознает важность географического материала для достижения своей цели: в детальном исследовании причин и процессов той войны, свидетелем и участником которой он был.

И в этом можно усмотреть еще одну параллель к образцовым для всей античности гомеровским поэмам, ибо главное содержание «Илиады» – война, а «Одиссеи» – мифо-поэтическая «география» эллинов, переданная аэдом через описание странствий Лаэртида-героя (о географических представлениях в гомеровскую и архаическую эпохи: Knight 1995; Dickie 1995; Warnecke 2008; Мачинский, Мусбахова 2009; Wolf 2009; Подосинов 2012; 2015; Синицын 2015). Используя в своем сочинении географические маркеры при воссоздании единого колоссального полотна многолетней афино-спартанской распри, Фукидид тем самым подражал Гомеру (осмысленно или неосознанно, «трафаретно», следуя известной эпической модели), историк подражал Поэту, которого ученый географ Страбон называл «архегетом географических знаний» (Strabo I. 1. 2).

В.А. Снытко

*Институт истории естествознания и техники
им. С.И. Вавилова РАН, Москва*

ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНЫЕ ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В XX ВЕКЕ

Постановка эксперимента в природе играет важную роль в научных исследованиях. Экспериментальное направление в географических работах связывают с именем В.В. Докучаева (1846–1903). Именно Г.Н. Высоцким под его руководством впервые проведены экспериментальные работы ландшафтной направленности.

Организованные различными географическими учреждениями нашей страны в 1950–1970-х гг. экспериментальные работы на стационарах преследовали цели углубленного изучения компонентов и природных режимов ландшафтов, познание их функционирования,

динамики. Они способствовали развитию и формированию новых научных направлений – учения о геосистемах, геохимии ландшафтов, геофизики ландшафтов. Получило новый импульс развитие ландшафтоведения. Стационарные исследования были направлены на познание окружающей среды, состоящей из функционально-целостных природных и антропогенно-преобразованных единств.

Создание географических стационаров в Сибири в начале 1960-х гг. было вызвано общими тенденциями развития географической науки. В.Б. Сочава (1905–1978) обозначил главные проблемы экспериментальной географии. Путем объединения специалистов разных отраслей комплексной физической географии на стационарах представилась возможность изучения природной среды как целого. Выполнение большого объема работ по исследованию структуры и режимов геосистем на сибирских географических стационарах позволило определить и раскрыть пространственные различия функционирования геосистем с учетом временной динамики биотических и абиотических факторов в степях Юго-Восточного Забайкалья и Южно-Минусинской котловины, тайге предгорий Западного Саяна, Красноярского Приангарья, Южного Прииртышья и Кондо-Сосьвинского Приобья.

А.И. Солопов

*Московский государственный университет
имени М.В. Ломоносова*

АЗИАТСКАЯ ЧАСТЬ СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ В СВЕТЕ ТОПОНИМИКИ КЛАССИЧЕСКИХ ЯЗЫКОВ

Северное Причерноморье с точки зрения греко-латинской географической номенклатуры [Солопов 2009] занимает промежуточное положение между Римской империей и её варварским окружением. Эта территория никогда не входила в Империю полностью, а случаи непосредственного контроля со стороны греков и римлян, как правило, были весьма ограничены хронологически. Особенно мало освоенной частью Северного Причерноморья предстаёт ее Азиатская часть – к востоку от Керченского пролива.

Вместе с тем, несмотря на удаленность от центров античной культуры, топонимия этого края обнаруживает некоторые свойства, характерные для греко-латинской географической номенклатуры как целого. Это касается, например, правил употребления прилагательных: наиболее частотными оказываются прилагательные со значением «новый» и «старый».

Обращает на себя внимание необычность пользования этой парой: именно в Азиатской части Северного Причерноморья мы находим два примера редчайшего словоупотребления, когда топоним получает эпитет «старый» без соответствующей «новой» пары (как если бы у нас существовал только «Старый Оскол» без «Нового Оскола»): речь идёт о топонимах *Palaia Lazike* и *Palaia Achaia* (при отсутствии упоминаний **Nea Lazike* и **Nea Achaia*). Как уже отмечалось [Солопов 2015], за пределами рассматриваемого региона удалось обнаружить всего 5 аналогичных примеров, один из которых локализуется в Дакии, два – в Малой Азии, один в Германии и один в Паннонии.

В докладе будут высказаны соображения о том, почему могла возникнуть подобная особенность, как и о том, что это дает другим областям изучения классической древности.

А.А. Федотова

*Санкт-Петербургский филиал Института истории
естествознания и техники
им. С.И. Вавилова РАН*

ПРОТИВОСАРАНЧОВЫЕ СЛУЖБЫ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

В 1910-х гг.

И РАННЯЯ КАРЬЕРА БОРИСА УВАРОВА

Начало карьеры Бориса Уварова, пришлось на 1910-е гг. – многообещающий период для развития прикладной энтомологии и антисаранчовых служб в России. К 1911 г., когда Уваров получил место энтомолога в Ставрополье, здесь сошлись несколько факторов, благоприятных для применения его талантов и построения карьеры: 1) с 1908 г. регион переживал вспышку саранчовых; 2) хотя

опыты истребления саранчи препаратами мышьяка ставились в Российской империи с конца XIX в., именно в 1910 г., за год до приезда Уварова, в некоторых местностях Ставропольской губернии саранча была эффективно истреблена этим новым методом; 3) горячим сторонником нового химического метода был глава Департамента земледелия. По сравнению с традиционными (механическими) методами, химический требовал много нововведений: закупать импортные препараты и инструменты, нанимать и обучать рабочих, иметь постоянный штат инструкторов и т.д. Перемены, связанные с введением нового метода требовали активной поддержки со стороны администрации, однако к 1910 г. стало ясно, что химический метод, во-первых, убивает около 90% личинок саранчи (традиционные методы позволяли истребить максимум 50%), а во-вторых, организация таких работ обходилась местным властям в 2–3 раза дешевле «традиционных». Ставропольский губернатор, впечатленный успехами химического истребления саранчи, был готов оказывать (и оказывал) только что назначенному в губернию специалисту (Уварову) всю возможную поддержку. В 1910-х гг. Уваров и его коллеги разработали схему организации антисаранчовых служб, успешно действовавшую в засушливых регионах Империи.

Основными принципами этой организации были: 1) использование инсектицидов вместо механических способов. 2) Наем и обучение работников вместо принудительного направления жителей на обязательные работы. 3) Наличие в каждой губернии постоянно действующей энтомологической организации, осуществлявшей общее руководство работами, обучение инструкторов, изучение вредителей и мониторинг их численности. 4) Регулярные совещания сотрудников энтомологических служб смежных регионов. 5) Тесное взаимодействие с местными властями.

В докладе будет продемонстрировано, как общая логика развития служб защиты растений в Российской империи способствовала карьерному и научному росту Б.П. Уварова, и как его таланты способствовали успешному формированию антисаранчовых служб. Будет обсуждаться вопрос о том, как взаимодействие российских энтомологов и властей позволило в короткий срок разработать эту успешную схему организации и какие ее принципы применяются и сегодня.

Исследование выполнено при поддержке Программы фундаментальных исследований Президиума РАН № 0002–2015–0029.

СЕКЦИЯ «ИСТОРИЯ ГЕОЛОГИИ»

В.Б. Арчegov

Санкт-Петербургский Горный университет

ЧОЧИА НИКОЛАЙ ГРИГОРЬЕВИЧ – ГЕОЛОГ-НЕФТЯНИК И УЧИТЕЛЬ

Чочиа Николай Григорьевич – горный инженер-геолог, доктор геолого-минералогических наук, профессор. Родился 2 декабря 1918 г. в дер. Медведево в Ленинградской области в семье учителей. В 1936 г. поступил в Ленинградский горный институт и в июне 1941 г. был выпущен по специальности «Геологическая съемка и поиски».

Первые полевые исследования он начал в 1939 г. в Западном Приуралье еще будучи студентом, работая коллектором в Нефтяном геологоразведочном институте (Всероссийском нефтяном научно-исследовательском геологоразведочном институте – ВНИГРИ). С этим институтом Н.Г. Чочиа был связан много лет, занимая там последовательно должности геолога, начальника партии, руководителя геологического отдела и заместителя директора по научной работе. В Санкт-Петербургском Горном университете Н.Г. Чочиа начал работать по совместительству с 1949 г., а с 1970 г. – постоянно в должности профессора кафедры исторической геологии. Еще в июне 1944 г. Николай Григорьевич в Свердловском Горном институте защитил кандидатскую диссертацию «Стратиграфия и тектоника Уфимского плато – нового разведочного нефтяного района». В 1955 г. он защитил во ВНИГРИ докторскую диссертацию на тему: «Геологическое строение Колво-Вишерского края и перспективы нефтеносности».

Н.Г. Чочиа – человек яркого, мужественного и темпераментного характера. Большинство полевых исследований он проводил в северных труднодоступных регионах России. Он был романтик-полевик, мог увлечь и сплотить большие коллективы геологов для изучения новых нефтегазоносных бассейнов. Его идеалом был норвежский исследователь Ф. Нансен, который служил ему примером мужества, силы, смелости и научного предвидения. В личном

общении Н.Г. Чочиа отличался исключительной скромностью и неприхотливостью. Он был требовательным руководителем, но вместе с тем всегда оставался добрым, отзывчивым и внимательным человеком.

В Горном университете Н.Г. Чочиа читал лекции по курсам «Историческая геология», «Геология СССР», «Основы геологии нефти и газа», «Нефтяные и газовые месторождения СССР», вел курс «Геоморфология и четвертичная геология». Кроме того, он читал лекции в Торуньском университете в Польше и в университете Сант-Яго на Кубе. Им было подготовлено 30 кандидатов наук и 4 доктора наук.

Научные работы Н.Г. Чочиа связаны с исследованиями геологии и нефтегазоносности европейской и азиатской частей России: создана новая методика геолого-геоморфологических съемок для закрытых территорий, выявлены обширные своды и мегавалы на севере Западной Сибири, на полуостровах Ямал, Гыдан, Тазовский, на которых уже в 1970–1980-х гг. были открыты огромные по запасам месторождения природного газа и нефти. Н.Г. Чочиа награжден медалями «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» (1946), «За трудовое отличие» (1955), «Ветеран труда» (1995), орденом «Трудового Красного Знамени» (1967), знаками «Отличник нефтяной промышленности», «Отличник разведки недр», «Почетный работник высшего образования России». Он являлся членом нескольких Ученых и Редакционных советов. Н.Г. Чочиа – автор и соавтор 233 работ, из которых 145 опубликовано. Скончался Николай Григорьевич 26 августа 2000 г. на 82-м году жизни.

Д.В. Безгодова

Санкт-Петербургский Горный университет

К ИСТОРИИ ПРАЗДНОВАНИЯ 150-ЛЕТНЕГО ЮБИЛЕЯ ГОРНОГО ИНСТИТУТА

150-летний юбилей Горного института в Санкт-Петербурге отмечался в мае 1926 г., на три года позже положенного срока, что

было связано с непростой ситуацией в России в начале 1920-х гг. Юбилей Института достаточно широко освящен в литературе: по случаю торжеств был написан ряд статей, выпущен специальный номер Горного журнала. Цель этой заметки – рассказать о культурной составляющей этого события и таким образом вспомнить о том, чем жили горные инженеры в начале XX в.

Кроме торжественных заседаний, посвященных юбилею института, в рамках празднования прошли два музыкальных вечера: один – для профессоров и сотрудников – был устроен вечером 4 мая 1926 г. в Большом зале Санкт-Петербургской филармонии, а другой, студенческий, в ночь с 6 на 7 мая в Центральном доме работников просвещения (бывшем дворце Юсупова). Кроме того, на торжественном заседании, прошедшем 3 мая, выступил хор Академической капеллы (бывшей Императорской Придворной певческой капеллы) с произведениями А.П. Бородина и М.А. Балакирева.

Программа концерта в Филармонии включала ряд шедевров классической музыки. Исполнялись отрывки из опер Р. Вагнера и М.И. Глинки, романсы П.И. Чайковского, И. Брамса и Н.А. Римского-Корсакова. Тематика «подземного царства» была подчеркнута исполнением «Спуска в Нибельхейм» из оперы Р. Вагнера «Золото Рейна» и закрывавшей программу симфонической пьесой «В пещере Горного Духа» из сюиты «Пер Гюнт» Э. Грига. Кроме того был исполнен специально написанный А. Германом романс на стихи выпускника Горного корпуса 1823 г. Ф. Бальдауфа.

Необходимо особо подчеркнуть и состав исполнителей. Прежде всего, отметим, что в концерте прозвучал второй фортепианный концерт А. Глазунова в исполнении оркестра Филармонии под управлением самого автора, для которого это выступление стало одним из последних на родине. Прочие номера концерта были исполнены под управлением известного дирижера, пианиста и музыковеда В.А. Дранишникова.

Студенческий вечер в бывшем дворце Юсупова также включал в свою программу концерт, составленный из произведений широко известных и подобранных с прекрасным вкусом. Здесь звучали отрывки из произведений П.И. Чайковского (который, как известно, был сыном горного инженера, выпускника Горного корпуса), Ш. Гуно, Дж. Россини, И. Брамса. Выступали такие

известные певцы как Н.К. Печковский и М.А. Ростовцев, танцоры А.В. Лопухов и Е.В. Лопухова. После окончания концерта студентов ждал бал до 7 часов утра с выступлением артистов в гостиных и румынского оркестра в буфете.

И.В. Бодылевская

Сотрудник ВСЕГЕИ на пенсии

ДВА НЕИЗВЕСТНЫХ ДОКУМЕНТА К ИСТОРИИ ГОРНОГО ИНСТИТУТА

Автор этих строк окончила Горный институт в 1958 г., мои родители – в двадцатые годы двадцатого века, в 1896 г. – мой дед А.А. Борисяк, а немного раньше (в 1839–1843 гг.) мой прапрадед Н.Д. Борисяк слушал там некоторые курсы. Таким образом, в семье создан целый геологический архив, материалы которого постепенно передаются в Архив РАН. Одним из наиболее старых документов является поздравление, написанное Н.Д. Борисяком в Горный институт в связи с его столетним юбилеем. «В Конференцию Горного института в С. Петербурге. В сороковых годах я изучал курсы Минералогии и Геологии с соприкосновенными к ним отраслями наук в бывшем Горном Корпусе, ныне институте и дорожу честью считать себя в ряду слушателей столь для России и науки благотворного учреждения... Считая себя не чуждым Горного Института, памятуя нравственно-научное добро им мне предоставленное, приемлю смелость принести мое почтительнейшее поздравление с совершившимся столетием его славной полезной и обильной деятельности, при искреннейшем пожелании дальнейшего преуспеяния на многая и многая лета! Слушатель Горного Корпуса, заслуженный профессор Геологии и Минералогии при Харьковском Университете, член различных ученых обществ Н. Борисяк. 16 октября 1873 года, Харьков» (СПб филиал Архива РАН. Ф. 59. Оп. 1. Ед. хр. 427. Л. 76).

И еще об одном юбилее, о котором наверно знают теперь немногие, сохранилось несколько строчек в письме В.И. Бодылевского из г. Черемхово, где Горный институт был в эвакуации (1942–1945).

«8 ноября 1943 г., Черемхово... Недавно отпраздновали 170-летие института: было торжественное заседание в городском театре. Открывал заседание старейший горный инженер Николай Пудыч Асеев. Читались довольно многочисленные телеграммы».

Т.М. Князева, К.В. Туманова

Санкт-Петербургский Горный университет, Горный музей

**К 210-ЛЕТНЕМУ ЮБИЛЕЮ ВЕЛИКОЙ КНЯГИНИ
ЕЛЕНЫ ПАВЛОВНЫ
(ИЗ СОБРАНИЯ ГОРНОГО МУЗЕЯ)**

В этом году исполняется 210 лет со дня рождения Великой Княгини Елены Павловны (1806–1873), супруги Великого Князя Михаила Павловича.

В Музее Горного университета хранится коллекция «Вулканические породы окрестностей Неаполя», подаренная Великой Княгиней в 1829 г. В коллекции представлены все виды вулканических продуктов, но предпочтение отдано минералам, образовавшимся в результате вулканической и поствулканической деятельности вулканов окрестностей Неаполя. Коллекция (294 образца) с подлинным каталогом на французском языке поступила в музей в ноябре 1829 г., о чем свидетельствует «Дело о записке в приход минералов по Музеуму Горного Кадетского Корпуса 1828–1829 годов».

Проследить весь цикл вулканической деятельности долгоживущих вулканов достаточно сложно, так как каждое последующее извержение стирает следы предыдущего. Поэтому ценность данной коллекции, собранной до начала регулярных наблюдений за этим вулканом, чрезвычайно велика, а её изучение важно для выяснения геодинамики активных областей Земли.

Изучение коллекции пород Везувия 1829 г. дало возможность идентифицировать образцы, внести дополнения и изменения в авторские описания образцов; заменить устаревшие названия минералов и пород на современные, что значительно повысило музейную и учебную ценность коллекции.

При изучении коллекции образцы были систематизированы. Среди них выделены: вулканические породы (лавы, туфы, шлаки), вмещающие породы (известняки с фауной, доломиты) и продукты поствулканической деятельности.

Наряду с образцами собственно вулканической деятельности в коллекции 1829 г. присутствуют образцы, свидетельствующие и о разрушительной деятельности вулкана. Эти образцы были отобраны на месте погребенного под потоками лавы городка Торредель-Греко при катастрофическом извержении Везувия в 1794 г.

Это собрание имеет не только историческое значение, такое, как связь с известными персонами, но оно важно и с научной точки зрения. Изучение продуктов извержения дает возможность понять физико-химические процессы, которые приводят к вулканической деятельности.

Л.Р. Колбанцев

ЦНИГР музей ФГБУ «ВСЕГЕИ», Санкт-Петербург

СВЕТ И ТЕНИ ЮБИЛЕЙНЫХ ФОТОГРАФИЙ. ИЗ ИСТОРИИ ГЕОЛОГИЧЕСКОГО КОМИТЕТА

Юбилейные коллективные фотографии, как правило, часто публикуются, хорошо известны и даже примелькались широкому кругу читателей и зрителей. Обычно они снабжены списком фамилий изображенных лиц, среди которых присутствуют как всем известные деятели, так и люди, чьи лица и имена мало о чем говорят обычному зрителю. Однако внимательное изучение фотографии, изображенных людей, одежды, выражений лиц может поведать много интересного, осветить темные углы истории или поставить вопросы, решение которых связано с долгими и трудоемкими поисками и неожиданными находками.

Геологический комитет был учрежден в 1882 г. для организации работ по изучению геологического строения территории России и составлению подробной геологической карты. Имея крайне немногочисленный состав, привлекая к сотрудничеству лучших геологов и горных инженеров страны, комитет организовал и вел работы

по составлению полистной геологической карты Европейской, а позже и Азиатской России в десятиверстном масштабе, а также геологическое изучение различных районов страны. В настоящее время известны несколько юбилейных фотографий сотрудников Геологического комитета, все они ранее публиковались, но внимательный взгляд позволяет осветить новые грани.

В 1897 г. Геолкому 15 лет. В этом году случилось два важных события: были резко увеличены штат и ассигнования Геолкома; и в Санкт-Петербурге прошла 7 сессия МГК, в организации и проведении которой Геолком играл основную роль. На юбилейном фото представлены 30 человек, среди которых «основатели» – члены Геолкома с 1882 г., и более молодые, действующие и будущие сотрудники.

В 1907 г. Геолкому 25 лет. Фотография очень похожа на фото 1897 г., как по стилю исполнения, так и по размещению и составу участников, но на ней представлено 43 человека. Здесь также представлены как основатели Геолкома, так и более молодые сотрудники. Присутствуют геологи, к которым известность пришла уже в советское время: П.И. Преображенский, А.Н. Рябинин, П.И. Степанов, Н.Н. Тихонович, Н.Н. Яковлев и др.

В 1912 г., в тридцатилетний юбилей Геолкома, на фотографии представлена часть сотрудников, занятых исследованием геологии Сибири и Дальнего Востока.

Наиболее интересен и загадочен фотоснимок 1922 г., сделанный к 40-летию Геолкома. Здесь присутствуют 55–57 человек, некоторые загадочно исчезают и появляются в различных вариантах снимка. Все они хорошо известны своей геологической деятельностью, а их судьбы отражают драматичную историю страны.

А.В. Кургузова
Санкт-Петербургский Горный университет

**ПРАЗДНОВАНИЕ 50-ЛЕТИЯ ИМПЕРАТОРСКОГО
МИНЕРАЛОГИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА
В 1867 ГОДУ**

В 2017 г. Российское минералогическое общество отметит свой 200-летний юбилей. В преддверии этой даты хочется вспомнить о праздновании первого юбилея Императорского Минералогического общества в 1867 г. в Петербурге. Днем основания Общества считается 19 (7-е по старому стилю) января 1817 г., когда на квартире Лоренца Панснера в Михайловском замке состоялось учредительное собрание. На собрании тридцать три «любителя неорганической природы» по «склонности к наукам и по истинной любви к Отечеству» приняли решение учредить в Санкт-Петербурге Минералогическое общество.

Описание празднования 50-летнего юбилея сохранилось благодаря публикации директора Общества Н.И. Кокшарова в Записках Императорского Минералогического общества. Приготовление началось в конце 1865 г. и было поручено комиссии во главе с президентом Общества герцогом Н.М. Лейхтенбергским, состоявшей из дирекции (Н.И. Кокшаров, П.А. Пузыревский) и трех почетных членов Общества (Г.П. Гельмерсен, А.А. Воскресенский, А.В. Гадолин). К юбилейной дате был выпущен Сборник, посвященный полувековой истории Общества, второй том второй серии периодического журнала «Записки Императорского Минералогического общества», указатель статей к периодическим изданиям Общества, каталог библиотеки и коллекций, список членов Общества за 50-летний период, а также биографии некоторых членов из дирекции.

День празднования 7 января 1867 г. начался с молитвы, далее следовало торжественное заседание и праздничный обед. Во время заседания были зачитаны поздравительные письма, прочитана краткая история Общества и отчет о деятельности, оглашены имена новых членов Общества.

Первый юбилей Минералогического общества прошел достаточно скромно, с одной стороны ввиду отсутствия средств, с другой –

из-за непродолжительной, к тому времени, истории Общества. Празднования 100 и 150-летия были обширнее, длились несколько дней и отмечались выпуском медалей.

Д.А. Петров

Санкт-Петербургский Горный университет

ЮБИЛЕЙНЫЕ МЕРОПРИЯТИЯ РОССИЙСКОГО МИНЕРАЛОГИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА В XX ВЕКЕ

Большинство юбилейных дат основанного в 1817 г. Российского минералогического общества в XX в. пришлось на годы, переломные как для нашей страны, так и для самой организации. С весны 1915 г. под руководством директора Общества А.П. Карпинского и секретаря А.П. Герасимова началась подготовка к празднованию столетнего юбилея. В связи с трудностями военного времени и стесненностью в средствах решено было не устраивать пышных торжеств. Тем не менее, 7 (20) января 1917 г. Общество получило поздравления от многих организаций и учреждений, а в число его почетных членов был избран ряд выдающихся ученых-геологов, как российских, так и иностранных. Спустя несколько недель в России началась революция, и деятельность Общества в полном объеме восстановилась лишь 7 лет спустя. В еще более тяжелой обстановке Общество встретило свое 125-летие. 19 января 1942 г. немногие оставшиеся в блокадном Ленинграде члены Общества собрались на торжественное заседание в здании Горного института. Ученый секретарь Д.П. Григорьев сделал доклад об основании Минералогического общества в Петербурге в 1817 г.

150-летний юбилей Минералогического общества (к тому моменту – Всесоюзного) готовился в 1965–1967 г. под руководством его президента П.М. Татаринова. Юбилейная научная сессия проходила с 30 мая по 3 июня при поддержке АН СССР и Горного института. К торжественной дате на Монетном дворе была выпущена памятная медаль и издана книга по истории Общества. Перед многочисленными делегатами от отделений Общества, учеными из СССР и зарубежья с докладом на тему «Всесоюзное

минералогическое общество за 150 лет» выступил вице-президент С.П. Соловьев.

Юбилейный съезд 9–12 июня 1992 г. (175-летие Общества) проходил в непростой обстановке после распада СССР. Тем не менее, были изданы дополненная «История Всероссийского минералогического общества», книга «Репрессированные геологи» и сборник тезисов представленных докладов, была изготовлена юбилейная медаль. Впервые за много лет в работе съезда участвовали представители Международной минералогической ассоциации и минералогических обществ Швейцарии, Франции, Китая, Польши, Италии, Болгарии и бывших союзных республик. Съезд завершился подписанием договора о создании Союза минералогических обществ в СНГ.

В настоящее время Российское минералогическое общество, несмотря на все финансовые и организационные трудности, готовится достойно отметить свой очередной, двухсотлетний, юбилей.

М.Н. Рахманина

Санкт-Петербургский Горный университет, Горный музей

НЕОБЫЧНЫЙ ОБЕД ПАЛЕОНТОЛОГОВ (К ИСТОРИИ ИЗУЧЕНИЯ ДИНОЗАВРОВ)

В 1853 г. в Лондоне прошел необычный обед. Стол был накрыт внутри скульптуры игуанодона – ящера гигантского размера. Устроил обед скульптор сэр Бенджамин Хокинс – автор изваяния. Фигуры мегалозавра, игуанодона и открытого к тому времени хилеозавра в натуральный рост впервые в истории были представлены публике в парке развлечений в лондонском предместье Сиднем-Хилл. Скульптуры стали частью парка, но поводом к их созданию послужило сенсационное открытие и научное признание в 1824 г. существования ужасных ящеров-динозавров в далеком прошлом Земли.

В числе гостей были известные ученые, художники и литераторы, директор парка, члены администрации, а также пресса. Участвовал в мероприятии и Ричард Оуэн, английский палеонто-

лог, выделивший в 1842 г. отдельный отряд животных, который назвал *Dinosauria* – динозавры, т.е. «ужасные ящеры».

В скульптуре разместились 20 человек. Статуя игуанодона 9-метровой длины конструировалась из гипсовых частей и со снятыми фрагментами спины напоминала широкий башмак, где поставили стол. В высоту игуанодон составлял не менее 4 метров, поэтому вокруг построили помост с лесенками и шатер. Шатер украшала люстра и картуши с именами ученых, стоявших у истоков палеонтологии. Кроме самого Оуэна упоминались Жорж Кювье – зоолог, основатель сравнительной анатомии и палеонтологии; Уильям Бакленд – геолог, автор первого научного описания ископаемых рептилий в «Заметке о мегалозавре или гигантской ископаемой ящерице Стоунфилда» (1824) и Гидеон Мантелл – английский врач, автор статьи «Заметки об игуанодоне, новой ископаемой рептилии, открытой в песчаниках Тилгейтского леса в Сассексе». Игуанодон – второй официально описанный вид ящеров.

Отчёт об обеде опубликовали почти все лондонские газеты. Вот одна из цитат: «Мир научной гастрономии с интересом узнает, что профессора Оуэн и Форбс и группа джентльменов отлично пообедали на днях внутри скульптуры игуанодона, в Сайденхэме. Мы поздравляем всю компанию с тем, что они живут в наши дни, так как если бы они были современниками игуанодона, то могли бы оказаться внутри него безо всякого обеда».

Открытие гигантов прошедших веков впечатлило современников, и они отметили это научное событие таким причудливым образом.

В Санкт-Петербурге в Горном музее хранятся уменьшенные копии известных скульптур Б. Хокинса «Игуанодон» и «Мегалозавр», выполненных по рисункам Р. Оуэна. Скульптуры были приобретены вскоре после описываемых событий в 1857 г.

В.А. Степанов*Санкт-Петербургский Горный университет*

**УЧЕНЫЕ И ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ДЕЯТЕЛИ –
ПЕРВЫЕ ПОЧЕТНЫЕ ЧЛЕНЫ РУССКОГО
МИНЕРАЛОГИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА
(К 200-ЛЕТНЕМУ ЮБИЛЕЮ ОБЩЕСТВА: 1817–2017 гг.)**

На Учредительном собрании Минералогического общества, которое состоялось 19 (7 по старому стилю) января 1817 г., группа «любителей неорганической природы» приняла Постановление (Устав) Санкт-Петербургского Минералогического общества, утвержденный 12 июня 1817 г. исправляющим должность министра народного просвещения А. Голицыным. Этот самый первый Устав представлял собой очень содержательный документ из 24 параграфов (разделов). В нем обстоятельно были определены права и обязанности действительных членов Общества (§§ 9–15) – отдельно по месту их пребывания: «имеющих пребывание в Петербурге» (§§ 11,12), «иностранцев» (§ 13), находящихся в России (§ 14), или за ее пределами (§ 15).

Далее следовал § 16 – о Почетных членах: «В почетные члены Общество будет стараться избирать таких особ, которые оказали себя отличными покровителями естественных наук, а особливо в предметах, кои обрабатывать Общество поставило себе целью, или кои находятся в таком кругу, что могут своими отношениями быть полезными Обществу; так же знаменитых здешних и иностранных ученых и имеющих коллекции, соответствующие целям Общества. Посещение собраний почетными членами Общество всегда вменит себе за отличную честь...».

Этот пункт Устава – избрание почетных членов – выполнялся Обществом очень энергично: в первые же два года его деятельности их было избрано 33. В том числе: членов Петербургской Академии наук и профессоров – 12, министров и членов Государственного совета – 12, генералов и адмиралов – 4, иностранных ученых и государственных деятелей – 5 (четверо немцев, один англичанин). Среди иностранных почетных членов Обществом в этот начальный период был избран и Иоганн Вольфганг Гёте, как выдающийся мыслитель и естествоиспытатель.

Особое внимание привлекают три человека, избранные почетными членами Петербургского Минералогического общества в самый первый год его деятельности: сенатор, в прошлом директор Горного департамента Гавриил Семенович Качка (1739–1818), выдающийся архитектор-строитель, инженер-генерал и государственный деятель России Франц Павлович де Волланд (1752–1818), и рядовой в общем-то вельможа, Иван Васильевич Тутолмин (1760–1839) – член Государственного Совета по Департаменту государственной экономии. Эти трое имели разное отношение к минералогии «во всем пространстве сего слова», но сама эта наука была в начале XIX в. очень модной, многие представители столичной знати увлекались сбором коллекций минералов и окаменелостей.

Л.С. Стокрацкая

Санкт-Петербургский Горный университет

ТРАНСФЕР НАУЧНЫХ ЗНАНИЙ В ОБЛАСТИ МИНЕРАЛОГИИ И ГЕОЛОГИИ В XIX в. НА ПРИМЕРЕ ПЕРЕПИСКИ И.В. ФОН ГЁТЕ И Л. ФОН ПАНСНЕРА

Основными путями реализации трансфера научных знаний и международной научной коммуникации в области минералогии и геологии в XVIII и XIX вв. являлись научно-просветительская, экспедиционная и преподавательская деятельность отдельных ученых, активная переписка между учеными, научными обществами и университетами, включавшая в себя обмен информацией, литературой и образцами, формирование геологических и минералогических учебных и научно-исследовательских коллекций, а также издательская деятельность.

Несколько лет назад в архивах Германии была найдена переписка, осуществлявшаяся между Л. фон Панснером, основателем и первым директором Санкт-Петербургского минералогического общества, и ученым, поэтом и политиком И.В. фон Гёте, который в 1803–1832 гг. являлся президентом Минералогического общества в г. Йене (директором Общества был друг и учитель Панснера профессор И.Г. Ленц). Переписка охватывала период 1813–1820 гг.

До нас дошли три письма Гёте, адресованные Панснеру, и шесть писем Панснера в Веймар, адресованных Гёте. В первом письме, отправленном в ноябре 1813 г., Панснер пересылает Гёте экземпляр своей книги «Результаты исследований о твердости и специфическом весе минералов» и свои уверения в том, что на далеком суровом севере (в России) также «активно занимаются минералогией». Ответ Гёте не сохранился, но в 1818 г. Панснер пишет следующее письмо в Веймар с сообщением о том, что Гёте избран в почетные члены Минералогического общества в Петербурге, и выражает надежду на то, что тот «сочтёт возможным принимать активное участие в делах и на пользу одного Общества». К письму прилагается диплом и устав общества. В ответном письме Гёте сердечно благодарит Панснера, заверяет его в своей преданности, высылает свою книгу по изучению Богемских гор («Zur Kenntniss der böhmischen Gebirge»), а также предлагает выслать в дар Обществу уникальную коллекцию карлсбадских минералов, ценность которой, по словам Панснера, состоит в ее исключительной полноте, редкости минералов, а также в представившейся благодаря ей ученым Петербурга возможности сравнить эти минералы с аналогичными английскими образцами. В последующей затем переписке Гёте и Панснер обмениваются книгами и сочинениями, консультируют друг друга по вопросам проведения химических анализов и определения минералов, пересылают друг другу посылки с образцами и делятся сведениями по геологии и минералогии Чехии, Германии и России. Причины, по которым переписка была прервана, остаются невыясненными. Однако Панснер продолжал поддерживать самые тесные контакты с директором Йенского минералогического общества профессором И.Г. Ленцем вплоть до его смерти в 1832 г.

А.Я. Тутакова*Санкт-Петербургский Горный университет***АРХИТЕКТУРНЫЕ ОБЪЕКТЫ ИЗ ГРАНИТОВ КАРЕЛЬСКОГО
ПЕРЕШЕЙКА, СОЗДАННЫЕ К 300-ЛЕТНЕМУ ЮБИЛЕЮ
САНКТ-ПЕТЕРБУРГА**

Санкт-Петербург – город, где природный камень использовался с первых лет его основания: набережные, дворцы, соборы, памятники, общественные и жилые здания. Гуляя по Петербургу, с удовольствием обращаешь внимание не только на уже хорошо знакомые и всеми любимые такие архитектурные шедевры, как колонны Исаакиевского и Казанского соборов, Александровскую колонну на Дворцовой площади, постамент Медного всадника, но и на новые памятники, архитектурные комплексы, пешеходные зоны, станции метро, созданные или отреставрированные с использованием природного камня, в том числе и из месторождений Карельского перешейка.

Подготовка к 300-летию юбилею Санкт-Петербурга способствовала активному изучению минерально-сырьевой базы облицовочного камня Карельского перешейка. А это, в свою очередь, позволило в большей степени использовать этот интереснейший строительный материал в архитектуре города. Из розовато-серых гранитов рапакиви месторождения «Возрождение» Выборгского массива была создана стела «Жителям блокадного Ленинграда» на набережной реки Фонтанки в 2003 г.; эти граниты рапакиви использованы и при создании памятного знака «Послание через века» на Университетской набережной в 2002 г., архитектурного комплекса «Маяк» в парке 300-летия Петербурга в 2003 г., при реконструкции тротуаров Невского проспекта с 2001 по 2004 гг. Из розовых гранитов рапакиви месторождения «Ала-Носкуа» Выборгского массива выполнен пьедестал памятника Александру Невскому в 2002 г. на одноимённой площади. Розовые крупнозернистые граниты месторождения «Ладожское» (Кузнеченский массив) использовались во внутренней облицовке Ладожского вокзала, открытого в 2003 г., а также при создании памятного знака «300-летию города, порта и таможни» в 2003 г. на стрелке Васильевского острова. Из розовато-коричневых граносиенитов Оя-

ярвинского массива выполнены мемориальная доска «Блокадному репродуктору» на доме 54 на Невском проспекте (2002), пьедестал памятника князю А.Д. Меншикову (2002) перед Меншиковским дворцом, аллея памяти погибшим ленинградцам в парке Победы на Московском проспекте (2001–2004). Вместе с гранитами рапакиви месторождения «Возрождение» эти граносиениты использованы при создании архитектурного комплекса «Маяк» и при реконструкции тротуаров Невского проспекта. Серые со слабым розовым оттенком мелкозернистые граниты Каменногорского месторождения одноимённого гранитного массива использованы при реконструкции автобусного вокзала на набережной Обводного канала в 2002 г.

Приятно наблюдать, что в современной архитектуре Петербурга возрождается мода на природный камень.

М.Г. Цинкобурова

Санкт-Петербургский Горный университет

КАРТА, КОТОРАЯ ИЗМЕНИЛА МИР (К 200-ЛЕТИЮ СУЩЕСТВОВАНИЯ БИОСТРАТИГРАФИИ)

Именно так озаглавлена книга Симона Винчестера (2001), посвященная официально признанному родоначальнику современной геологии, геологического картирования и стратиграфии, Вильяму Смиту. В 2015 г. исполнилось 200 лет с того момента, как английский землемер, геолог-любитель Уильям «Страта» Смит (как в шутку называли его современники) издал первую в историю геологии настоящую геологическую карту, охватывавшую территорию Англии, Уэльса и части Шотландии. На карте с помощью цветовой легенды были показаны разновозрастные отложения, развитые в пределах указанной области. Опробованный в ходе создания карты В. Смитом метод стратификации осадочных отложений, а также сформулированный им принцип биостратиграфического расчленения и корреляции (принцип Смита) явились предпосылкой для рекордно быстрого создания основного каркаса стратиграфической шкалы (1822–1841 гг.).

Колоссальный рывок геологии в XIX в. был предопределен геологическими исследованиями предыдущего, XVIII в. Еще в 1719 г. английский геолог Джон Стрейчи при описании разрезов шахтных полей обратил внимание на стратиграфическую приуроченность окаменелостей. В знаменитой работе М.В. Ломоносова «О слоях земных» приводятся для конкретных разрезов примеры первичной стратификации отложений. Противоборствующие друг другу «нептунисты» (Иоганн Готлоб Леманн, Георг Христиан Фюксель, Джованни Ардуино) и «плутонисты» (Джеймс Хаттон (Геттон)) также негласно использовали в своих исследованиях основы практической стратиграфии.

Методология диагностики ископаемых организмов была на начальном уровне разработана уже к концу первого десятилетия XIX в., благодаря работам родоначальников палеонтологии, французских биологов – Жана Батиста Ламарка и Жоржа Кювье. Великий Кювье, независимо от В. Смита, пришел к выводу о возможности использования палеонтологических остатков при решении геологических (стратиграфических) задач. Тем не менее, хотя все вышеперечисленные исследования, несомненно, способствовали активному развитию фундаментальной и прикладной геологии в XVIII–XIX вв., именно работы В. Смита, а точнее независимые друг от друга исследования Смита и Кювье положили начало современной геологии. Не случайно английский геолог Роберт Якоби так высказался о знаменитой карте Смита: «Если бы геология была религией, то эту карту можно было бы назвать Библией» (по Робину Ллойд, 2005).

СЕКЦИЯ «ИСТОРИЯ БИОЛОГИИ»

Т.В. Андриюшкевич

ФГБНУ «Институт экспериментальной медицины»

Санкт-Петербург

АРХИВ БИОЛОГИЧЕСКИХ НАУК (АБН): ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ИЗДАТЕЛЬСКОЙ ПОЛИТИКИ ИНСТИТУТА ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЙ МЕДИЦИНЫ (ИЭМ)

Одним из нововведений Императорского ИЭМ было создание собственного научного журнала, отличительной чертой которого, впервые в российской практике, стал параллельный русскому текст на французском языке – дань особого уважения Луи Пастеру и французским ученым. Первый номер (выпуск) АБН вышел 29 апреля 1892 г. в количестве 407 экземпляров, разосланных российским и зарубежным научным учреждениям. Уже в первых номерах АБН были поименованы будущие архитектурные памятники, опубликована план-схема ИЭМ. Редакционная политика журнала с первых выпусков канализировала и закрепляла определенный тип взаимоотношений в научном коллективе, особый статус и социально-экономический примат научного работника. Общественно-социальная память как одна из основ развития ИЭМ начала формироваться с особого приложения к 9-му тому, выпущенного сверх основного тиража и посвященного 25-летию научной деятельности И.П. Павлова. Четыре года спустя в рамках журнала был опубликован сборник, посвященный 25-летию научной деятельности С.М. Лукьянова.

Благодаря многообразию взаимодействия личностей, определявших научный потенциал ИЭМ, с новым типом политического и идеологического устройства российского государства Институт в советское время получил мощный импульс развития. Большинство его традиций, заложенных до революций 1917 г., успешно воспроизводились. И когда в январе 1941 г. праздновался юбилей Всесоюзного института экспериментальной медицины им. А.М. Горького (официальное название ИЭМ с 1932 г.), даже в высших инстанциях сомнений не было – отсчет следует вести от

создания и развития Императорского ИЭМ. Редколлегия строила планы журнала на 50-й год издания. Великая Отечественная война их разрушила, и в послевоенные годы к изданию журнала вернуться не удалось. В известной мере преемником АБН стали «Ежегодники», издававшиеся ИЭМ в составе АМН СССР, где неизменно большое внимание уделялось формированию различных сторон коммеморативных практик и их трансформации под идеологические реалии советского времени.

При подведении итогов научной деятельности ИЭМ за 50 лет оказалось, что на страницах АБН было опубликовано 8600 научных работ, из которых более половины принадлежит его сотрудникам – журнал полностью выполнил задуманное отцами-основателями предназначение. Но, может быть, главным явилось то, что АБН сформировал тот тип социальной памяти, который вплоть до наших дней остается одной из основ развития научного коллектива ИЭМ.

Н.Е. Берегой

*Санкт-Петербургский филиал Института истории
естествознания и техники
им. С.И. Вавилова РАН*

В ПОИСКАХ НАУЧНОГО СПОСОБА БОРЬБЫ С ЧУМОЙ РОГАТОГО СКОТА В РОССИИ В XIX в.

Борьба с чумой рогатого скота стала центральным фактором в реорганизации устройства всей ветеринарной службы России в первой половине XIX в., а в дальнейшем и одним из важных факторов в развитии научной ветеринарии. Этот сюжет дает нам исторический пример того, как научная идея (научность ее оценивается адекватно ее эпохе) проходит тернистый путь, на протяжении которого поступательное движение в сторону современного, научно доказанного, знания периодически прерывается под влиянием различных сил, таких как авторитет признанных в академической среде лиц, бюрократическая волокита, отсутствие необходимого финансирования, противодействие оппозиционных идей и др.

В 1830 г. труд приглашенного в Россию из-за границы ветеринара П. Йессена «О полнейшем искоренении чумы рогатого скота в России» попал в Медицинский Совет МВД, где получил критику со стороны некоторых членов Совета. В 1845 г. императором Николаем I был назначен Комитет из глав правительственных департаментов, с целью «реорганизации ветеринарной части России», и первой задачей, поставленной перед Комитетом, был поиск решения проблемы эпидемий чумы рогатого скота, унесшей в предшествующие 3 года (1842–1845) более ста тысяч голов. В 1858 г. был учрежден Комитет наблюдения за мерами искусственного прививания чумы рогатому скоту, позже реорганизованный в Комитет по улучшению ветеринарной части. Он был закрыт в 1867 г. Рядом неудачных экспериментов, проведенных в этот период, актуальность темы была сведена на нет. Затем последовало принятие в 1879 г. закона об обязательном убивании любого больного и подозреваемого в заражении чумой скота. Однако точка в дискуссии о чумопрививании рогатого скота не была поставлена в первой половине XIX в., и поиски возбудителя заболевания продолжались.

В марте 1893 г. действительный член Императорского Института экспериментальной медицины и заведующий эпизоотическим отделом Е.М. Земмер обратился к директору института Э.Ф. Шперку с просьбой об устройстве в Полтавской и Екатеринославской губерниях особого филиала Института для практических занятий чумой рогатого скота. Согласие владельца имения В.П. Магденко было им заранее получено. Станция была открыта приказом А.П. Ольденбургского от 24 марта 1893 г. В отчете о работе экспедиции помимо микроскопических исследований главное внимание было обращено на решение вопроса: в каких именно частях тела и секретах организма животного содержится чумной контагий в наиболее чистом виде, а также каким образом и как долго он может храниться. На станции начали также проводить опыты митигации чумного контагия и произведены прививки рогатому скоту и овцам. Из основных полученных результатов можно выделить следующие: 1) изолировать микроорганизм чумы пока не удалось; все культивированные из органов и продуктов животных, страдавших чумой, микробы при прививании восприимчивым животным чумы не вызвали; 2) в целом было сделано значительное число опытов,

причем над одними и теми же (крупными) животными проделано по несколько опытов; 3) из проведенных исследований следует с большой вероятностью заключить, что возможно митигировать чумной контагий и прививанием митигированного материала вызвать более или менее слабое заболевание и иммунитет.

Однако продолжить изыскания не удалось. В январе 1894 г. через Ветеринарный Комитет МВД к принцу А.П. Ольденбургскому пришло обращение Полтавского губернатора, который опасался, что производство опытов чумопрививания Е.М. Земмером в Полтавской губернии может повлечь за собой занесение заразы на местный скот. Он обратился в МВД с ходатайством об оказании содействия по полному прекращению опытов. Попечитель ИЭМ дал согласие на упразднение полтавской станции и перенос исследований в Кубанскую область. Уже получено было согласие со стороны начальства Кубанской области и гарантировано содействие со стороны местных ветеринаров. Станция в Кубанской области начала работу в июне 1895 г. без участия Е.М. Земмера.

Вирусная природа заболевания была доказана в самом конце XIX в., как и ее преимущественное распространение в степных областях Западной Сибири, Юго-Восточной Азии и Северной Африки.

Я.М. Галл

*Санкт-Петербургский филиал Института истории
естествознания и техники
им. С.И. Вавилова РАН*

О КНИГЕ Г. ДЕ БИРА «АТЛАС ЭВОЛЮЦИИ»

Гавин де Бир (Gavin De Beer, 1899–1972) хорошо известен в нашей стране как соавтор вышедшей на русском языке в 1936 г. книги «Основы экспериментальной эмбриологии». По словам известного специалиста по экспериментальной эмбриологии и молекулярной биологии развития Л.И. Корочкина, труд Хаксли (Huxley долгое время передавали как Гексли) – де Бира всегда находился под рукой на его столе как лучшая книга в этой области исследований.

Де Бир внес огромный вклад в сравнительную эмбриологию, в изучение гипофиза, гомологичности органов и мозаичной эволюции. Он широко развивал идею о важной роли неотении в эволюции животного мира. Де Бир – историк науки, так как стал инициатором и редактором издания всех записных книжек Ч. Дарвина во время путешествия на «Бигле». Он переиздал рукописи Дарвина 1840-х гг., опубликовал статьи по эволюции А. Уоллеса, наконец, написал монографию и серию статей о Дарвине. Безусловно, мощный рост дарвиновской историографии в 70–90 гг. XX столетия по многим позициям был обеспечен де Биром.

Среди создателей и пропагандистов эволюционного синтеза имя де Бира никогда не фигурирует, хотя еще в 1930 г. он издал книгу «Эмбриология и эволюция», включив в нее генетику развития, и тем самым выстроил триаду: генетика – онтогенез – эволюция.

Книга де Бира «Атлас эволюции», изданная в 1964 г., принципиально отличается от монографий по теории эволюции, изданных в период господства эволюционного синтеза. Главная ее особенность состоит в том, что автор показал роль онтогенетических перестроек в эволюции (гетерохронии, пedomорфоз или неотения). В отличие от ботаников и зоологов, он искал генетические основы неотении. Де Бир широко использовал концепцию скоростей действия генов (Гольдшмидт – Хаксли – Форд) для объяснения гетерохроний. На базе этой замечательной идеи он продолжал осуществлять синтез генетики и эволюционной эмбриологии. Сама идея мозаичной эволюции органов была развита де Биром при изучении археоптерикса. Идея была подхвачена и широко развита Н.Н. Воронцовым.

Наконец, в своей книге де Бир проявил себя как грамотный популяционный биолог. Он впервые проанализировал для широкого читателя процесс видообразования у дарвиновых вьюрков и гавайских цветочниц. Более того, де Бир выступил как глубокий генетик, так как специальные главы посвятил роли полиплоидии и гибридизации в эволюции.

Его книга заканчивается главой о происхождении человека. В ней де Бир широко использовал идею о роли неотении в происхождении человека (голая обезьяна). Но де Бир пошел дальше зоологов и стремился доказать, что все общественные институты возникли как игра. Они продукт сохранения детских качеств во взрослом состоянии.

Мстислав Всеволодович Келдыш с дарственной надписью подарил книгу де Бира Библиотеке АН СССР. Келдыш получил книгу от Эндрю Хаксли, который как президент Лондонского Королевского общества был его гостем зимой 1965 г.

Исследование выполнено при поддержке Программы фундаментальных исследований Президиума РАН № 0002-2015-0030.

А.И. Ермолаев

*Санкт-Петербургский филиал Института истории
естествознания и техники
им. С.И. Вавилова РАН*

ТЕМАТИКА ГЕНЕТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ В ИНСТИТУТЕ МОЛЕКУЛЯРНОЙ БИОЛОГИИ В НАЧАЛЕ 1980-Х ГОДОВ

Институт молекулярной биологии (ИМБ) является примерным ровесником Института молекулярной генетики. Первый из них был создан по решению Президиума АН СССР от 26.04.1957 как Институт радиационной и физико-химической биологии (ИРиФХБ), а второй – в 1958 г. как Радиобиологический отдел Института атомной энергии. Разница лишь в том, что одно из учреждений всегда находилось в системе Академии наук, а второе поначалу было ведомственным и лишь в 1973 г. перешло в подчинение АН.

На фоне перемен, связанных с окончанием периода лысенковщины, 18 июня 1965 г. по постановлению Президиума АН № 328 ИРиФХБ был переименован в Институт молекулярной биологии и вошёл в состав Отделения биохимии, биофизики и химии физиологически активных соединений (ОББХФАС) АН СССР. 12 мая 1988 г. ИМБ было присвоено имя В.А. Энгельгардта. Академик Энгельгардт (1894–1984) руководил ИМБ с 1965 по 1984 г. Позже директором ИМБ был академик А.Д. Мирзабеков (1937–2003).

Молекулярно-генетические исследования всегда входили в круг интересов ИМБ, но особенно сильно их развитие ускорили постановления ЦК КПСС и СМ СССР «О мерах по ускорению развития

молекулярной биологии и молекулярной генетики и внедрению их достижений в народное хозяйство» (1974) и «О дальнейшем развитии физико-химической биологии и биотехнологии и использовании их достижений в медицине, сельском хозяйстве и промышленности» (1981). Согласно документам из Архива РАН (Ф. 1979. Оп. 1. Д. 559) в середине 1980-х гг. положение было следующим.

В лаборатории функциональной морфологии хромосом (зав. – А.В. Зеленин) велись исследования по изучению организации интерфазных и метафазных хромосом и клеточной инженерии. В лаборатории молекулярной организации хромосом (зав. – А.Д. Мирзабеков) изучались структура хроматина, ДНК-белковые взаимодействия, негистоновые белки и нуклеосомы. Были клонированы различные рибосомные гены, а также получен банк активно экспрессирующихся генов дрозофилы. В лаборатории биосинтеза нуклеиновых кислот (зав. – Г.П. Георгиев) велось изучение ядерных РНК, ядерного матрикса и процессов транскрипции. Лаборатория подвижности генома (зав. – Ю.В. Ильин) была организована в мае 1984 г., в ней совместно с Институтом биологии гена (созданным в конце 1990 г., в том числе и на базе некоторых подразделений ИМБ) изучались мобильные генетические элементы. В лаборатории молекулярных основ онкогенеза (зав. – Л.Л. Киселёв) исследовались последовательности, родственные онкогену *mos*, они были обнаружены в геномах человека, крысы и мыши, клонированы и частично секвенированы.

С.И. Зенкевич

*Библиотека Российской Академии наук (БАН),
Санкт-Петербургский филиал Института истории
естествознания и техники
им. С.И. Вавилова РАН*

**ИЗ КОММЕНТАРИЯ К СТАТЬЕ Н.С. ЛЕСКОВА
«О ЮБИЛЕЕ Л.Н. ТОЛСТОГО» (1895)**

Писатель и публицист Н.С. Лесков (1831–1895) не раз высказывал интересные соображения о праздновании юбилеев. Статья «О юбилее Л.Н. Толстого» написана в конце января 1895 г. (это одно из последних его произведений). При жизни писателя она не опубликована и напечатана только в журнале «Огонёк» в 1956 г. Черновой автограф хранится в Российском государственном архиве литературы и искусства (Москва). Эта статья является откликом Лескова на серию «Критических очерков» В.П. Буренина в газете «Новое время», особенно на его выступление 20 января 1895 г. Критик «Нового времени» раздосадован избытком мелких литературных юбилеев, в то время как, с его точки зрения, обойдены вниманием Ф.М. Достоевский и Л.Н. Толстой, о приближающемся 45-летию литературной деятельности которого он стремится напомнить.

Лесков с высказанными Бурениным доводами в целом не согласен, хоть и обращает на них внимание. Его, с одной стороны, не могла не смутить неумеренность критика в выражении восхищения Толстым – очень близким Лескову в последние годы его жизни писателем и человеком, явно чуждым такого пафоса. С другой стороны, Буренин обидно задел Лескова в предыдущей статье серии «Критические очерки» (6 января 1895 г.), назвав его имя среди весьма посредственных современных ему литераторов.

Вместе с тем, Лескову очень близко нежелание Толстого отмечать юбилеи, что совпадало с его представлениями: он не раз отказывался от «обедов» по поводу собственных круглых дат. Известны, например, два его письма в редакции газет: «Об обеде Н.С. Лескову» (Новости и Биржевая газета. 1884. 16 октября) и «Дружеская просьба» (Новое время. 1890. 16 апреля), где он

просит коллег-писателей не отмечать юбилеи его литературной деятельности – 25- и 30-летие соответственно.

В то же время статья Лескова перекликается и с его неопубликованной статьей 1893 г. «О юбилейном посилье». В той статье писатель высказался о нецелесообразности рутинного «застольного» празднования юбилеев с богатыми подношениями. Он рассудил, что лучше взять пример с ветхозаветных евреев – самых первых учредителей юбилеев. Поскольку в юбилейный год, согласно древней традиции, земля отдыхала, а раба отпускали на волю, то и нынешним литераторам-юбилярам, постоянно озабоченным поисками заработка и к юбилею подчас даже не имеющим особых сбережений, с его точки зрения, надо просто дать возможность отдохнуть – предоставить для этого средства.

Работа подготовлена при финансовой поддержке РГНФ (проект № 15-04-00192).

М.Б. Конашев

*Санкт-Петербургский филиал Института истории
естествознания и техники
им. С.И. Вавилова РАН*

ЕВГЕНИКА И ЭВОЛЮЦИОННАЯ ТЕОРИЯ В 1920–1930 гг.

В начале XXI в. евгеника вновь стала привлекать внимание исследователей, от историков науки до биологов и политологов, а также публицистов. Как и раньше, евгеника рассматривается с различных, часто противоположных, точек зрения, но ее взаимосвязь с эволюционной теорией затрагивается редко и лишь попутно. Конечно, многими авторами отмечалась то, что Ф. Гальтон был вдохновлен эволюционной теорией Ч. Дарвина, а некоторые сторонники, так же как противники евгеники либо сами были эволюционистами, либо были убеждены в том, что эволюционная теория является полноценной и полезной для евгеники научной теорией. Чаще всего упоминается увлечение евгеников правой политической ориентации социал-дарвинизмом и использование некоторых положений и понятий эволюционной теории, прежде

всего, таких как «борьба за существование» и «естественный отбор» в качестве «научного» обоснования своих взглядов и выводов.

Но так как эволюционная теория вовсе не являлась социал-дарвинизмом, и помимо дарвиновской теории эволюции имелось множество других эволюционных концепций, от ламаркизма и неоламаркизма до автогенеза и неodarвинизма, евгеника была представлена разными версиями в разных странах. Если в США и Германии евгенике не только уделялось значительное внимание со стороны политических и государственных деятелей, но и были приняты специальные законы о принудительной стерилизации, то в СССР евгеника так и не стала частью государственной политики.

Однако в работах советских евгеников этого периода большое внимание уделялось генетике и дарвиновской эволюционной теории. В отличие от зарубежных евгеников, их советские коллеги, включая Н.К. Кольцова и Ю.А. Филипченко, проводили четкое различие между биологической и социальной эволюцией человека, хотя и настаивали на том, что биологическая эволюция человека продолжается и взаимодействует с его социальной эволюцией. В частности, М.В. Волоцкой в книге под характерным названием «Система евгеники как биосоциальной дисциплины» (1928. С. 13–14) подчеркивал, что человек как «объект евгеники занимает исключительное положение в мире живых существ» и что эта исключительность человека «обуславливается, прежде всего, той необычайно сложной социальной средой, которую человек создал вокруг себя и с которой настолько органически сросся, что его эволюционное развитие неразрывно связано с эволюцией этой искусственной среды, прежде всего эволюцией производственных взаимоотношений».

Исследование выполнено при поддержке Программы фундаментальных исследований Президиума РАН № 0002-2015-0030.

К.В. Манойленко

*Санкт-Петербургский филиал Института истории
естествознания и техники
им. С.И. Вавилова РАН*

РАСТИТЕЛЬНЫЕ РЕСУРСЫ КРЫМА В СФЕРЕ ИНТЕРЕСОВ БОТАНИКОВ-ФИЗИОЛОГОВ (КОНЕЦ XIX – НАЧАЛО XX в.)

В истории изучения растений Крыма, их видового состава, функциональной активности, практического использования видное место занимают ботаники-физиологи – Н.И. Железнов (1816–1877) и В.Н. Любименко (1873–1937).

Разобщенные по времени своей научной деятельности, они были связаны общностью идей и взглядов на проблему развития экономики Крыма, исследования его природных и культурных растительных ресурсов. Оба считали, что благосостояние Крыму даст плодовое садоводство, которое, по их мнению, должно стать ведущей отраслью в экономике этого края.

В статье Н.И. Железнова «Поездка в Крым в 1870 г.» (1871) содержатся рекомендации по стратегии цивилизационного развития Крыма, предложения в отношении совершенствования Никитского сада, его уникального собрания растений со всех стран света.

Его предложения перекликаются с работой В.Н. Любименко в Никитском саду. Именно там он выполнил свои знаменитые исследования по изучению влияния климата на пигменты растений, определил содержание хлорофилла у значительного количества крымских растений, установил значение географического фактора. Он, можно сказать, выполнил завет Железнова по налаживанию научно-акклиматизационных работ в Никитском саду, определил смысловую сущность акклиматизации, ее методы и приемы.

Крымский период деятельности Любименко включил в себя также серию исследований по культуре лекарственных и эфиромасличных растений.

Организованная им первая в Никитском саду физиологическая лаборатория, спустя почти сто лет после основания Сада Х. Стевенем (1812), стала знаковым событием, определившим возможности эколого-физиологического изучения растений Южного берега Крыма.

В.Н. Любименко был участником торжеств в честь 100-летнего юбилея Никитского сада. В ознаменование этого события он составил и опубликовал первый путеводитель по нижнему парку, содействовал созданию знаменитой пальмовой аллеи. В статье «Императорский Никитский сад и акклиматизация растений» (1913), своего рода программной, он выразил надежду, что «светильник знания», зажженный на южном берегу Крыма, будет «еще ярче гореть в будущем».

Эта надежда сохраняет свою актуальность и ныне, по прошествии 200-летней годовщины деятельности сада, которая состоялась в 2012 г.

А.Л. Рижинашвили

*Санкт-Петербургский филиал Института истории
естествознания и техники
им. С.И. Вавилова РАН*

ЭКСПЕДИЦИЯ ВНИОРХ 1932 г. ПО РЫБОХОЗЯЙСТВЕННОМУ ОБСЛЕДОВАНИЮ ОЗЕР ЛЕНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ

Инвентаризация озерного фонда какого-либо крупного региона представляет собой важную теоретическую и прикладную задачу, имеющую, в том числе, природоохранную значимость. В настоящем докладе анализируются методологическая установка и итоги работы экспедиции, проведенной в 1932 г. Всесоюзным научно-исследовательским институтом озерного и речного рыбного хозяйства (ВНИОРХ), по материалам «Отчета о результатах сплошного рыбохозяйственного обследования озер Ленинградской области» (Л., 1933) (далее – Отчет). Несмотря на то что этот Отчет и сама экспедиция неоднократно упоминаются в современной научной гидробиологической и лимнологической литературе, значение итогов работы экспедиции еще не получило должной оценки. В результате экспедиции было обследовано 1218 озер общей площадью почти 180 000 га в административных границах Ленинградской области того времени. При составлении рыбохозяйственной характеристики водоемов учитывались группы признаков, позволяющие

охарактеризовать не только сам водоем, но и характер окружающего ландшафта, а также подверженность заморам, «цветению», наличие и степень загрязнения. При обосновании отбора признаков для исследования авторы все время отмечают значимость той или иной переменной для оценки общей продуктивности водоема, а отнюдь не только для рыбохозяйственной практики.

Итогом работы стал своеобразный рыбохозяйственный кадастр, в котором по отдельным районам области приведено распределение озер различных типов, выделенных по группам признаков. Авторы сделали и ряд важных экологических выводов. Так, они указывают, что наиболее уязвимы с точки зрения зарастания и заболачивания малые мелководные озера, каких большинство в области. Эти же озера в наибольшей степени подвержены заморам.

Таким образом, в эпоху полномасштабного освоения и преобразования природы в СССР и, очевидно, острой нужды в продовольствии была организована грандиозная по охвату территории рыбохозяйственная экспедиция, которая всего за один полевой сезон при скудных материальных возможностях смогла доставить лимнологический материал для типологии озер. При планировании работы (отборе характеристик и признаков озер для учета), по нашему мнению, четко прослеживается экосистемный и ландшафтный подход.

А.В. Самокиш

*Санкт-Петербургский филиал Института истории
естествознания и техники
им. С.И. Вавилова РАН*

**ВОЗВРАЩЕНИЕ НАУЧНОГО ЕСТЕСТВОЗНАНИЯ
В СРЕДНЮЮ ШКОЛУ
И УЧЕБНИК «ОБЩАЯ БИОЛОГИЯ» ПОД РЕДАКЦИЕЙ
Ю.И. ПОЛЯНСКОГО**

Оспорить важность школьной ступени в формировании научного мировоззрения невозможно. Грамотное преподавание естествознания важно не только для будущих биологов или медиков, но и

для тех, кто выберет иную карьеру, так как при отсутствии адекватных биологических знаний вряд ли возможно формирование правильной общей картины мира.

В 1960-е гг. преподаватели естественных наук оказались в сложном положении, так как старые программы стали полностью непригодны, особенно программа по общей биологии, ранее базировавшаяся на принципах лысенкоизма и агробиологии. В 1965 г. были введены новые программы по биологии. Новый курс общей биологии должен был включать эволюционное учение, молекулярную биологию, цитологию, онтогенетику, генетику и селекцию, аутоэкологию, биоценологию и учение о биосфере. Многие из указанных разделов ранее не освещались в учебниках вообще. Ю.И. Полянский взял на себя сложнейшую задачу не просто разработать курс для средней школы, но полностью изменить преподавание предмета на новых, научных основаниях. Созданный им и авторским коллективом (А.Д. Браун, Н.Н. Верзилин, В.М. Корсунская и др.) учебник оказался долгожителем и оставался основным в течение 20 лет, и до настоящего времени он используется в качестве дополнительного пособия, несмотря на то что за прошедшее время многие данные устарели.

Сохранилась переписка Ю.И. Полянского с издательством «Просвещение», которая показывает сложности, в том числе технического плана, возникшие перед редактором пособия. Данные документы находятся в личном архиве Ю.И. Полянского и впервые вводятся в научный оборот. Они показывают, что данное пособие прошло непростой путь изменений, как в сторону усовершенствования, так и в сторону сокращений, снижавших качество преподаваемого материала. Авторский коллектив, состоявший как из ученых различных специальностей, так и из педагогов-методистов, сумел создать книгу, доступную учащимся и достаточно удобную для преподавателей.

А.С. Чунаев

*Санкт-Петербургский государственный университет,
ГБОУ СОШ № 91 Петроградского района
Санкт-Петербурга*

**ФАКТОРЫ, ПОВЛИЯВШИЕ НА ВОСПРИЯТИЕ НАУЧНЫХ РАБОТ
ГРЕГОРА МЕНДЕЛЯ О ГИБРИДАХ РАСТЕНИЙ:
КОМПОЗИЦИЯ СТАТЬИ «ОПЫТЫ
НАД РАСТИТЕЛЬНЫМИ ГИБРИДАМИ» И ТРУДНОСТИ ПЕРЕВОДА**

8 февраля и 8 марта 1865 г. Грегор Мендель выступал с лекциями о гибридизации растений на заседаниях Брюннского общества естествоиспытателей, а в следующем, 1866 году была опубликована его статья «Опыты над растительными гибридами» с изложением конспектов этих лекций. Сравнение содержания заметок о каждой из двух лекций Менделя в газете «Neuigkeiten/Brünner Tagesbote» с текстом этой его статьи выявляет ее необычную композицию, созданную путем вставки основной части текста второй лекции в текст первой. Внимание читателей приковывает введение ко второй лекции, оказавшееся в середине статьи, которое основано на выводах из первой лекции, подытоженных в последнем разделе статьи. Вместе с тем, важное предположение о роли гибридизации в изменчивости растений, сделанное во второй лекции, расположенное в последнем экспериментальном разделе статьи перед общим обсуждением результатов, оказалось малозаметным, несмотря на напоминание о нем в конце статьи. Особенности цитирования фрагментов двухчастной статьи Грегора Менделя авторами полемических публикаций свидетельствуют о том, что композиция этой его статьи является фактором, который следует учитывать при объяснении противоречивости в оценках ее содержания.

Другой фактор, влияние которого на восприятие исторической статьи Менделя можно иллюстрировать теми же примерами, – это трудности перевода отдельных слов и предложений рукописи Менделя. Так, от особенностей перевода термина «Entwicklung», буквального (как «развитие») или расширительного (как «развитие органического мира» без подразделения на филогенез и онтогенез), зависит понимание цели исследования Менделя. Нюансы перевода многозначного немецкого слова «pfl» позволяют лучше понять

собственную менделевскую формулировку «закона независимого наследования признаков». Поиски первыми генетиками термина для обозначения единицы наследственности в тексте первой статьи Менделя о гибридизации привели их к разным результатам, по-видимому, из-за особенностей восприятия либо исходного немецкого текста (Карлом Корренсом), либо – первого перевода этой статьи на английский язык (Уильямом Бэтсоном).

Исследование выполнено в рамках гранта Президента РФ по поддержке ведущих научных школ на 2016–2017 годы, номер НШ-9513.2016.4.

С.В. Шалимов

*Санкт-Петербургский филиал Института истории
естествознания и техники
им. С.И. Вавилова РАН*

**МЕЖДУНАРОДНЫЕ СВЯЗИ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ ГЕНЕТИКОВ
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1960-х гг.
(НА МАТЕРИАЛАХ ИНСТИТУТА ОБЩЕЙ ГЕНЕТИКИ АН СССР)**

Интеграция советских ученых-генетиков в международное научное сообщество являлась одним из ключевых элементов возрождения отечественной биологии во второй половине 1960-х гг. В данном контексте особый интерес представляет развитие международных связей в Институте общей генетики АН СССР (ИОГен АН СССР). Созданный в 1966 г. институт изначально рассматривался его организаторами как будущий главный генетический центр страны.

Тем не менее, ИОГен АН СССР не избежал трудностей в сфере международного сотрудничества, характерных для советских научно-исследовательских учреждений. Так, уже в первом отчете о научно-организационной деятельности института за 1966 г. сообщалось: «Число зарубежных командировок в 1966 г. было незначительным». Также подчеркивалась низкая эффективность подобных поездок в связи с их кратковременным характером. Основным недостатком называлось отсутствие командировок по эквивалентному обмену и тематических поездок. Согласно отчету

за 1967 г., подобная ситуация сохранялась и в следующем году. В частности, по-прежнему говорилось о незначительном числе зарубежных командировок и о том, что международные контакты в основном осуществлялись «путем обмена научной литературой и приема зарубежных ученых».

В то же время ИОГен АН СССР регулярно посещали зарубежные специалисты. Например, в 1969 г. институт принял 10 ученых из капиталистических и 10 из социалистических стран. Среди них известный специалист в области изучения хромосом профессор Г.Х. Кэллан (Великобритания), который провел обучение по методике работы с хромосомами. В свою очередь, профессор Д.М. Прескотт (США) прочитал ряд лекций для сотрудников института. Наряду с этим, развивалось сотрудничество по линии международных научных обществ. Так, в 1967 г. ИОГен АН СССР был принят в Европейское общество по изучению групп крови. В том же году директор института академик АН СССР Н.П. Дубинин был избран почетным членом Национальной академии наук США. Одним из главных достижений в рассматриваемом периоде было участие советской делегации в XII Международном генетическом конгрессе, проходившем в августе 1968 г. в Японии. Среди 56 ученых из СССР, 5 представляли ИОГен АН СССР. Сотрудники института сделали 9 докладов, в числе которых выступление Н.П. Дубинина на тему «Классификация потенциальных изменений» на заключительном пленарном заседании конгресса.

Несмотря на определенные успехи, контакты с зарубежными коллегами все же были весьма ограниченными главным образом в силу сложностей с выездом советских ученых за границу. В этой связи Н.П. Дубинин неоднократно отмечал в своих отчетах о заграничных командировках и о работе института необходимость длительных стажировок молодых ученых в ведущих лабораториях США и Европы. Однако обозначенная проблема так и не была решена, не только в рассматриваемые годы, но и в последующие десятилетия советской эпохи.

Работа подготовлена при финансовой поддержке РГНФ (проект № 15-33-01225).

СЕКЦИЯ «ИСТОРИЯ МЕДИЦИНЫ»

Р.Ш. Бахтияров

*Санкт-Петербургский государственный педиатрический
медицинский университет Минздрава России*

ПОЧЕТНЫЙ ЧЛЕН РАН БАРОН ИОСИФ ЯКОБ ФОН МОРЕНГЕЙМ (1756–1797)

Даже среди почетных членов РАН немало персон, биографии которых мы практически не знаем. И вклад их в дело отечественной науки оценить в полной мере не можем.

В числе подобных инкогнито или частичных анонимов лейб-акушер и офтальмолог императрицы Екатерины II, всемирно знаменитый анатом И.Я. Моренгейм – его именем названа подключичная область человеческого тела – ямка Моренгейма. В Петербурге этот энциклопедически образованный врач явился первым директором (1797) ныне широко известного НИИ акушерства, гинекологии и репродуктологии имени Д.О. Отта.

Однако в нашей медицинской историографии даже не найти точной даты его рождения и смерти. Российская Академия наук приблизительно отметила в 2009 г. 250-летний юбилей врача, но почему-то так и не удосужилась опубликовать его послужной список. Научная деятельность Моренгейма вся прошла в России, а в Европе его называют связующим звеном между европейской и русской врачебной наукой. Спустя более 240 лет его книги переизданы в Германии, а прижизненные издания трудов в XXI веке выставляют на антикварных аукционах за бешеные деньги.

Более того, личность этого врача неотделима от государственной политики в области здравоохранения и благотворительности, развернутой сначала Екатериной II, а затем Павлом I и его супругой Марией Федоровной. Эта политика представляет собой широчайшую общественную программу, не потерявшую актуальности до сих пор.

Германский историк Х. Мюллер-Дитц, работая с европейскими источниками, в 1975 г., опубликовал дату рождения ученого – 15 марта 1756 г. Таким образом, нынешний 2016 год – юбилейный

для барона И.Я. фон Моренгейма. И этот факт явился стимулом, чтобы погрузиться в человеческую и научную биографию почетного члена РАН (1791). Вниманию читателей будет представлена книга об этом человеке, об истоках родовспоможения в нашей стране, а также о других представителях семейства Моренгейм, которые внесли значительный вклад в культуру России.

А.А. Будко, Г.А. Грибовская
*ФГБУКИ «Военно-медицинский музей» МО РФ,
Санкт-Петербург*

**50-ЛЕТИЕ ВРАЧЕБНОЙ, НАУЧНОЙ, ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ
И ОБЩЕСТВЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
НИКОЛАЯ ИВАНОВИЧА ПИРОГОВА**

7 апреля 1881 г. на заседании Московского хирургического общества профессор Н.В. Склифосовский сообщил, что в 1881 г. русская интеллигенция будет праздновать юбилей Н.И. Пирогова и от имени Московского хирургического общества по приезду в имение «Вишня» зачитал приглашение Н.И. Пирогову на его юбилей в Москву.

Н.И. Пирогов принял приглашение, но попросил, чтобы празднование юбилея проходило в университете совместно с хирургическим обществом.

На заседании совета Московского университета был избран распорядительный комитет по организации празднования юбилея Н.И. Пирогова. 3 мая 1881 г. царское правительство разрешило проведение торжеств в Московском университете.

20 мая 1881 г. Н.И. Пирогов с супругой выехал в Москву. Провожающие преподнесли юбиляру адреса и подарки. Вагон, занимаемый Пироговым, был украшен гирляндами и цветами. В городах на пути следования ему устраивали торжественные встречи представители городов и местных врачебных обществ, а также отдельные врачи.

В Москве среди встречающих Н.И. Пирогова были ректор Московского университета, попечитель учебного округа, профессора,

делегаты медицинских обществ, врачи, в том числе и военные, много студентов-медиков и др. И.Е. Репин, будучи еще совсем молодым художником, находился среди встречавших Н.И. Пирогова и с большим мастерством в картине «Приезд Н.И. Пирогова в Москву» запечатлел исключительно теплую встречу юбиляра на вокзале.

Основные торжества проходили в актовом зале Московского университета. Торжественное собрание открылось речью ректора университета. Московская городская дума преподнесла Н.И. Пирогову грамоту почетного гражданина Москвы. Он получил много поздравительных телеграмм. Русские и иностранные университеты и общества прислали юбиляру дипломы на звание почетного члена общества и почетного доктора. Научные и медицинские учреждения, как русские, так и заграничные, преподнесли Н.И. Пирогову многочисленные адреса.

В лице Н.И. Пирогова наука и общественность чтили не только гениального творца военно-полевой хирургии и создателя прикладной анатомии, но и отечественную медицину, в частности хирургию, которая в тяжелой борьбе на протяжении XIX столетия отстаивала не только право на самостоятельность, но и заняла ведущее положение во всем мире.

Т.В. Давыдова
*ГБОУ ВПО «Первый Санкт-Петербургский
государственный медицинский университет
им. И.П. Павлова» Минздрава России*

ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ МЕДИКО-БИОЛОГИЧЕСКОГО НАПРАВЛЕНИЯ СОВЕТСКОЙ МЕДИЦИНЫ В УСЛОВИЯХ КУЛЬТА ЛИЧНОСТИ И.В. СТАЛИНА

К медико-биологическому направлению советской науки в конце 1940-х – начале 1950-х гг. как никогда было приковано внимание власти. Среди естественных наук беспрецедентным гонениям подвергли отечественную биологию и генетику. В истории преследований и гонений, выпавших на долю отечественных биологов и генетиков, выделяют 3 этапа. III этап – завершающий,

когда была репрессирована целая наука. В 1947 г. состоялся «суд чести» над генетиком А.Р. Жебраком. В Киеве критике подверглись генетики С.М. Гершензон, Л.Н. Делоне, Н.Н. Гришко, И.М. Поляков. В августе 1948 г. состоялась сессия ВАСХНИЛ, которая завершила многолетнюю научную дискуссию по вопросам биологии, что привело к утверждению материалистического учения мичуринской биологии Т.Д. Лысенко и «клеточной» теории О.Б. Лепешинской. После сессии 24 августа 1948 г. вышел совместный приказ Министров высшего образования и здравоохранения СССР «О состоянии учебной и научной работы по биологическим наукам в медицинских учебных и научных учреждениях». В соответствии с приказом, фонд научной и учебной литературы, где упоминались имена немецкого зоолога А. Вейсмана, американского биолога Т.Х. Моргана и австрийского ботаника Г. Менделя, уничтожался. Наряду с этим указывали на изменение изучения физиологических и патологических процессов в организме, на проведение борьбы с неправильными представлениями о роли наследственности при болезни, о взаимосвязи организма и среды. 9–10 сентября 1948 г. состоялось расширенное заседание президиума АМН СССР с повесткой дня «Проблемы медицины в свете решений сессии ВАСХНИЛ». В результате было принято постановление президиума: официальный запрет медицинской генетики; пересмотр структуры и направлений научной деятельности Институтов экспериментальной биологии и экспериментальной физиологии и др. Окончательным потрясением для советской медицины стала V «Павловская» объединённая сессия АН СССР и АМН СССР, посвященная юбилею И.П. Павлова. Решением от 4 июля 1950 г. сессия поручила президиумам обеих академий разработать научные и организационные мероприятия по развитию творческих основ и внедрению учения Павлова в практику медицины, педагогики, физического воспитания и животноводства. Рассматриваемый период можно назвать едва ли не самым трагичным в истории отечественной медицины. Изучение развития медико-биологического направления советской медицины в первые послевоенные годы показывает, что социально-политические процессы в стране, идеологический заказ государства в науке привели к фактическому уничтожению, «разгрому» крупнейшей отечественной научной школы генетиков и биологов.

А.А. Журавлёв
*ГБОУ ВПО «Первый Санкт-Петербургский
государственный медицинский университет
им. И.П. Павлова» Минздрава России*

ЮБИЛЕЙНЫЕ ТОРЖЕСТВА ПЕРВОГО САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО МЕДИЦИНСКОГО УНИВЕРСИТЕТА ИМЕНИ АКАДЕМИКА И.П. ПАВЛОВА (ИСТОРИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

Любое учебное заведение славится своими традициями, они отражают становление и развитие не только вуза, но и возникновение научных школ и профессорско-преподавательских кадров. В конце XIX в. в столице появилось первое высшее медицинское учебное заведение для женщин. В 2017 г. учебное заведение отметит своё 120-летие, мы хотим остановиться на нескольких юбилейных торжествах, которые были проведены.

Первая попытка отметить юбилей была предпринята в 1907 г. Институт окончили несколько выпусков слушательниц, он из частного учебного заведения перешёл в государственное подчинение. Правление института решило отметить это событие написанием исторического очерка, который должен был охватить период с середины XIX до начала XX в., как история создания высшей медицинской школы для женщин. По различным причинам очерк по созданию и деятельности Женского медицинского института не был подготовлен. И только в отчёте института за 1908–1912 г. была дана краткая историческая справка.

В годы Первой мировой войны царское правительство приняло решение отмечать только круглые юбилейные даты, но многие юбилейные торжества не проводились по причине нехватки средств. В 1922 г. институт планировал отметить свою первую юбилейную дату, была создана специальная комиссия во главе с бывшим директором института Б.В. Верховским, но издать ничего не смогли. Только в 1927 г. появился первый юбилейный сборник института, в котором был изложен краткий исторический путь развития учебного заведения. К 1937 г. планировалось издать расширенный вариант очерков, но помешали репрессии. После окончания Великой Отечественной войны институт отметил свой 50-летний юбилей. Все кафедры собирали материал для издания,

но в итоге многие материалы не вошли в состав монографии, а составили основу отчёта работы института за 50 лет. Эти материалы многие годы находились в библиотеке института, а ныне хранятся в музее.

В конце XX в. отмечался 100-летний юбилей, к которому были изданы очерки и монография, посвящённая традиции присвоения почётного звания – доктора Санкт-Петербургского государственного медицинского университета. В силу разных причин, очерки были созданы как отчёты кафедр и клиник, а в работе, посвящённой почётным докторам университета, были допущены ошибки и неточности. По инициативе кафедры истории Отечества была написана монография, о развитии женского медицинского образования и создании Петербургского Женского медицинского института к 115-летию юбилею. Планируется в дальнейшем продолжить историческое исследование изданием монографии, посвящённой 1920-м годам.

Д.А. Журавлев
ФГБУКИ «Военно-медицинский музей» МО РФ,
Санкт-Петербург

**«ДА ПРОЦВЕТАЕТ ВОЕННО-МЕДИЦИНСКАЯ АКАДЕМИЯ
И ДА ЖИВЕТ ВЕЧНО СЛАВА ЕЕ УЧЕНИКОВ»
(К ПРАЗДНОВАНИЮ 100-ЛЕТНЕГО ЮБИЛЕЯ)**

Прошло чуть более полутора десятилетий со времени 200-летнего юбилея Военно-медицинской академии им. С.М. Кирова – уникального явления не только для отечественной науки и практики. Не менее важна и ее история, которая тесно переплетается с историей Санкт-Петербурга, России.

В преддверии 1898 г. в Императорской Военно-медицинской академии царил предпраздничный ажиотаж. Приближался столетний юбилей, в честь которого был издан фундаментальный труд, освещавший историю академии, подготовлено и защищено более двух десятков диссертаций по истории отдельных кафедр.

Пройдя испытание временем, чутко откликаясь на успехи мировой медицинской науки и практики, академия с честью подошла к рубежу столетий как высшее учебное и научное учреждение России, отмеченное многими достижениями и открытиями в области науки, здравоохранения и подготовки медицинских кадров, подавляющая часть которых зарекомендовала себя с самой лучшей стороны в сфере военной медицины как в мирное время, так и в годы ратного труда.

Юбилейные торжества продолжались с 17 по 23 декабря 1898 г. В актовом зале академии был оглашен годовой акт, на который прибыли высокие гости: великий князь Константин Константинович и принцесса Евгения Максимилиановна Ольденбургская. Кроме того, своим присутствием заседание почтили митрополит Московский Владимир, военный министр А.Н. Куропаткин, целый ряд почетных гостей из России и зарубежных стран. Основные мероприятия юбилейных торжеств пришлось на 18 декабря. В 9 часов утра в Петропавловском соборе была отслужена панихида «по Бозе почивающим Монархам», начиная с императора Павла I, в 14.00 в Дворянском собрании началось торжественное заседание, на котором был оглашен юбилейный акт. Вечером того же дня именинниками торжества ощутили себя врачи-воспитанники академии, собравшиеся на традиционный годовой товарищеский обед, а также все собравшиеся на торжество – юбилейный день завершился студенческим балом, в котором приняли участие более 4 тыс. человек. 19 декабря состоялся утренний парадный спектакль в Мариинском театре.

По словам академика А.Я. Данилевского «Празднование столетнего юбилея академии оказалось праздником не только ее одной, но и русской медицинской науки в ее целом».

Н.Г. Чигарева
ФГБУКИ «Военно-медицинский музей» МО РФ,
Санкт-Петербург

**ПИОНЕР ОТЕЧЕСТВЕННОЙ БИОХИМИИ
ГЕОРГИЙ ЕФИМОВИЧ ВЛАДИМИРОВ**

25 (12) января 2016 г. исполнилось 105 лет со дня рождения академика АМН СССР, профессора Военно-медицинской академии им. С.М. Кирова и Ленинградского государственного университета им. А.А. Жданова, выдающегося отечественного биохимика Георгия Ефимовича Владимиров. В Военно-медицинском музее хранится его персональный фонд, включающий личные документы, публикации, фотоматериалы и т.п.

Деятельность Г.Е. Владимиров тесно связана со становлением и развитием в нашей стране новой науки – биохимии. Он был пионером среди отечественных биохимиков, создавая и развивая прогрессивные ее направления. Научные интересы Г.Е. Владимиров касались решения разнообразных вопросов химии, биологии, медицины: биоэнергетики, консервирования крови, функциональной биохимии мышц и головного мозга, пролонгированного действия антибиотиков, создания флуоресцентных антител для индикации патогенных микроорганизмов и т.д. В 1938 г. для изучения обмена веществ он первым из отечественных ученых применил метод изотопной индикации.

Особое значение для практической медицины имели его работы в области физиологической химии труда, исследования водно-солевого обмена в условиях жаркого климата, а также изучение функциональных сдвигов обмена веществ в организме человека при пониженном атмосферном давлении и кислородном голодании. В течение семи лет он провел большую серию исследований по вопросам гипоксемии, возглавляя биохимическую группу Эльбрусских экспедиций. Полученные им результаты легли в основу многих научных положений военной, авиационной и космической медицины. Они не потеряли своего значения и для современной науки.

В годы Великой Отечественной войны Г.Е. Владимиров разработал методы выделения витаминов из непищевого сырья, разра-

ботал ряд препаратов, способствующих ускоренному заживлению ран, и тем самым внес вклад в возвращение в строй раненых и больных воинов.

Г.Е. Владимиров стал признанным авторитетом не только среди отечественных, но и среди зарубежных ученых. Фактически под его руководством была создана отечественная оригинальная биохимическая школа, успешно работающая в таких областях, как биоэнергетика, гипоксия, функциональная биохимия мышц и мозга.

Нельзя не отметить его заслуги в педагогике и воспитании новых поколений врачей и специалистов-биохимиков. Будучи преподавателем в Военно-медицинской академии и в Ленинградском университете, он обладал даром удивительно ясно излагать самые сложные научные вопросы, а к чтению лекций подходил как к творческой работе.

С.Г. Щербак, А.М. Сарана, С.В. Макаренко, Ю.М. Докиш
СПб ГБУЗ «Городская больница № 40»

**СОРОКАЛЕТИЕ ПЕРВОГО В РОССИИ (СССР)
ЦЕНТРА ВОССТАНОВИТЕЛЬНОЙ МЕДИЦИНЫ
И РЕАБИЛИТАЦИИ НА БАЗЕ
СПб ГБУЗ «ГОРОДСКАЯ БОЛЬНИЦА № 40»:
ДАНЬ ТРАДИЦИЯМ, ВЗГЛЯД В БУДУЩЕЕ**

Городская больница № 40 имеет богатую историю, уходящую корнями в Петровское время. Ещё в прошлом веке она приобрела широкую известность, а ее деятельность была во многом новаторской. В 2014 году больница отметила 40-летний юбилей первого в России (СССР) центра восстановительной медицины и реабилитации, воплотившего лучшие традиции и достижения в области медицинской науки и практики.

11 мая 1974 г. на базе больницы в соответствии с планом Министерства здравоохранения РСФСР был открыт первый в СССР стационарный реабилитационный центр проектной мощностью 520 коек. Штаты центра были утверждены Министерством здравоохранения.

ранения СССР индивидуально, согласно теоретическим расчетам. Всего в центре в первые годы работало 54 врача, 255 сотрудников со средним медицинским образованием, 114 человек младшего медицинского персонала.

Интерес к работе центра был велик и со стороны отечественных специалистов и пациентов, ежегодно его посещало до 50 медицинских иностранных делегаций, а в спинальном отделении лечились пациенты из США, Италии, Канады, Турции, Сирии.

Постепенно шло развертывание и других отделений центра. В больнице в 1975–1976 гг. насчитывалось 630 коек восстановительного лечения, а ее мощность достигла 1200 коек. Как школа передового опыта по медицинской реабилитации больница была представлена на международной выставке «Здравоохранение-80» в Москве, награждена дипломами выставки и представлена на ВДНХ СССР в павильоне «Здравоохранение». Ряд сотрудников больницы в 1981 г. были награждены медалями ВДНХ СССР.

Высокая эффективность реабилитации больных в эти годы достигалась за счет довольно длительного курса лечения с использованием эффективных методик, разработанных совместно с рядом медицинских научно-исследовательских институтов Ленинграда, достаточным штатом и укомплектованностью инструкторами лечебной физкультуры для групповых и индивидуальных занятий, медсестрами физиотерапии и медсестрами по массажу, их кропотливой ежедневной работой с больными.

Сегодня лучшие традиции в области медицинской реабилитации и восстановительного лечения сохраняются и развиваются в больнице № 40, работа проходит на современном высокотехнологическом уровне. Летопись истории больницы пополняется новыми славными страницами.

СЕКЦИЯ «ИСТОРИЯ ФИЗИКИ»

Р.Ф. Витман

*Физико-технический институт им. А.Ф. Иоффе,
Санкт-Петербург*

В ЛЕДОВЫХ ТОРОСАХ АРКТИКИ (ИЗ ИСТОРИИ ЛАБОРАТОРИИ ПРОЧНОСТИ ЛЕНИНГРАДСКОГО ФИЗТЕХА)

В истории научных исследований Физтеха существуют некоторые белые пятна, например, ледовая эпопея 1935 г. на ледоколе «Ф. Литке», о которой в архиве Физтеха не обнаружено никаких сведений. Однако изучение личного архива сотрудника ЛФТИ Ф.Ф. Витмана дает возможность ознакомиться с этими событиями спустя годы.

В 1925 г. по инициативе академика А.Ф. Иоффе в институте была создана лаборатория прочности материалов под руководством Н.Н. Давиденкова. Кроме металлов и сплавов исследовались и механические свойства пльвуна и льда. Сотрудник лаборатории Ф.Ф. Витман, работавший по совместительству в Ледо-Технической группе Всесоюзного Арктического института (ВАИ), в 1935 г. участвовал в рейсе ледореза «Ф. Литке» из Архангельска в Карское море. По Постановлению Правительства СССР об интенсификации освоения Арктики и создания в стране мощного ледокольного флота в 1935 г. при ВАИ было создано кораблеисследовательское бюро, первым руководителем которого становится инженер-кораблестроитель Н.П. Шандриков. В 1935 г. они на борту ледореза «Ф. Литке», построенного в Великобритании в 1909 г., проводили исследования прочности корпуса и мощности, развиваемой ледоколом. Экспедиция состоялась с 21 июля по 2 октября 1935 г. под руководством академика О.Ю. Шмидта.

Для изучения деформации корпуса судна использовался оригинальный струнный динамометр, созданный Н.Н. Давиденковым. Силу натяжения (напряжения) струны Витман, имея абсолютный слух, оценивал по звучанию. В различных местах корпуса выявлялись отличные друг от друга деформации. В опытах по проч-

ности льда, проводимых впервые, определялись: структура льда, преобладающая ориентация кристаллов, скорость нагружения или деформирования льда, температура, форма и размеры образцов, соленость воды (до 34–35%). Экспедиция продолжалась 42 дня. Было установлено, что наибольшей прочностью обладают средние или верхние малопористые слои морского льда. Наибольшая прочность на сжатие в период таяния льда в отдельных случаях может превосходить 60 кг/см². Изменение температуры сопровождается вытеканием по капиллярам рассола и, следовательно, опреснением льда, что меняет картину опыта.

В архиве Ф.Ф. Витмана хранится статья «Некоторые исследования механической прочности льда», напечатанная в трудах Арктического института в 1938 г. в объеме 17 страниц с рисунками. В архиве также имеется более 60 фотографий о жизни и работе на ледорезе «Литке» в навигацию 1935 года.

Е.Н. Груздева

Санкт-Петербургский филиал Архива РАН

ИЗ ИСТОРИИ ПЕРВЫХ ОПЫТОВ ПРОИЗВОДСТВА ОТЕЧЕСТВЕННОГО ОПТИЧЕСКОГО СТЕКЛА (1914–1918)

Уже к концу 1914 г., всего через несколько месяцев после начала Первой мировой войны, русская армия начала ощущать недостаток в одном из важнейших видов вооружения – оптическом. Боевые потери оптических приборов (бинокли, подзорные трубы, перископы, прицелы и т. д.) оказались трудновосполнимыми, так как при их производстве использовалось высококачественное оптическое стекло, которое поставлялось из Европы, главным образом из Германии, а в России не только не имелось собственного производства, но даже его технология не была разработана.

Главное артиллерийское управление еще в самые первые дни войны, 30 июля 1914 г. поручило профессору Михайловской артиллерийской академии генерал-лейтенанту А.Л. Королькову «войти в рассмотрение вопроса о возможности заменить, хотя бы временно, заграничное оптическое стекло». Под его руководством была об-

разована Комиссия по изысканию способов изготовления оптического стекла (академик В.Е. Тищенко, физик-оптик А.Л. Гершун, горный инженер Н.Н. Качалов, инженер-металлург А.Д. Лебедев и техник-стекольщик Э.А. Крангалс). А.Л. Корольков организовал изучение стекол, употреблявшихся на рижских заводах Цейса и Герца (реквизированных и работавших на русскую артиллерию), исследование их оптических и физических свойств и сравнение полученных результатов с каталогами немецких заводов. Установленный состав стекол и их образцы были переданы В.Е. Тищенко для оценки в химической лаборатории. Затем в одном из цехов Императорского фарфорового и стекольного завода начались опыты по оптическому стекловарению. Полученные образцы исследовались А.Л. Гершуном на Оптическом заводе и А.Л. Корольковым в учебной лаборатории Женского педагогического института. Опробовались разные образцы отечественной глины для заводских печей, сравнивались с зарубежными аналогами, была сконструирована новая специальная печь. Результаты, достигнутые за год работы, все же не соответствовали запросам военного ведомства. Осенью 1915 г. были выделены дополнительные ассигнования; к опытам на Императорском фарфоровом заводе привлечены химик И. В. Гребенщиков и «коллегия из четырех консультантов, высококомпетентных в вопросах теоретической и практической химии и физики» (академики Н.С. Курнакова, Д.С. Рождественского, Г.Ю. Жуковского и Н.А. Пушина). Однако качество получаемого стекла оставалось низким. Пришлось обратиться за помощью к английской компании братьев Ченс, согласившейся оказать технологическую помощь за 600 тыс. руб. золотом. Летом 1916 г. российские специалисты несколько месяцев провели на английском заводе, вникая в тонкости стекольного производства. В то же время на территории Императорского фарфорового завода был построен особый цех, в котором и опробовали новые технологии. К концу 1916 г. в Петрограде было освоено производство некоторых сортов и марок оптического стекла, пригодных для изготовления приборов.

Достичь необходимого качества продукта на первом этапе не удалось. В условиях революции и последующего выхода России из войны развертывание стекольного производства оказалось дорогостоящим. Оптический цех в 1920 г. был законсервирован и

вновь открыт лишь в 1923 г. Наладить изготовление качественного оптостекла в промышленном масштабе в России стало возможным лишь во второй половине 1920-х гг.

Исследование выполнено при поддержке РФФ (грант № 14-18-00010).

Б.Б. Дьяков

*Физико-технический институт им. А.Ф. Иоффе,
Санкт-Петербург*

1918 ИЛИ 1919? КОГДА БЫЛ ОСНОВАН ФИЗИКО-ТЕХНИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ ИМ. А.Ф. ИОФФЕ?

Традиционно ФТИ им. А.Ф. Иоффе – старейший научно-исследовательский физический институт России – считается основанным в сентябре 1918 г., а отмечает свой юбилей по традиции одновременно с днем рождения основателя и первого директора (29 (17) октября 1880 г.), и в 2018 г. по этому исчислению ему исполнится 100 лет. Но так считалось не всегда. Первоначально это был физико-технический отдел, в 1918–1950 гг. бессменно руководимый А.Ф. Иоффе, Государственного рентгенологического и радиологического института (ГРРИ или ГРиРИ), куда, наряду с физико-техническим, входили медико-биологический, радиевый и оптический отделы, причем инициатором создания института был М.И. Неменов, известный врач-рентгенолог, безуспешно пытавшийся еще с 1915 г. доказать правительству необходимость такого учреждения. В ходе Первой мировой войны Россия потеряла как собственное производство рентгеновских аппаратов (с числом рабочих мест порядка 100), так и зарубежные источники (в основном, германского производства). В результате после покушения на председателя совнаркома В.И. Ленина в стране не нашлось ни одного действующего аппарата для установления полноценного диагноза. Возможно, это обстоятельство и активное участие профессора физики, ученика самого В.К. Рентгена, А.Ф. Иоффе хватило для поддержки теперь уже советским правительством инициативы ученых. Так или иначе, институт был создан. Цепочка событий воспроизводится по воспоминаниям М.И. Немено-

ва. Учреждающим документом стало решение Малой областной комиссии народного комиссариата просвещения от 23 сентября 1918 г., опубликованное в газете «Северная Коммуна» в № 91/291 от 6 мая 1919 г., которое приводится как Постановление научной секции Наркомпроса об учреждении ГРРИ.

До Великой Отечественной войны в официальных отчетах фигурировали эти два года (1918 и 1919). В первых отчетах о работе ГРРИ и затем ГФТРИ фигурирует то одна, то другая дата, в частности, там указывается «18 октября 1918 г. по предложению А.В. Луначарского был организован Физико-технический отдел». В очерке об институте (1928), написанном зам. директора А.А. Чернышевым, указывается 1918 г. На страницах научно-популярных изданий 30-х гг. по случаю 15-летнего юбилея фигурирует 1919 год, и т.д. Это привело к тому, что, когда в 1954 г. по распоряжению Президиума АН СССР институт должен был представить свою историю и учредительные документы, как и остальные академические институты, проф. В.М. Дукельский – один из авторитетнейших и старейших сотрудников ФТИ, которому было поручено написать эту историю, столкнувшись с указанным выше разнобоем в документах и воспоминаниях сотрудников, выбрал наиболее вероятную дату – 24 сентября 1918 г. Это и стало отправным моментом и точкой отсчета теперь почти столетней деятельности славного Физтеха.

Е.В. Куницына

*Физико-технический институт им. А.Ф. Иоффе,
Санкт-Петербург*

ДОКЛАД Г.Н. ФЛЁРОВА НА ЮБИЛЕЙНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ «50 ЛЕТ ОТКРЫТИЯ ДЕЛЕНИЯ ЯДРА»

В 1932 г. были открыты нейтрон и позитрон. К тому времени Э. Лоуренс в США запустил первый циклотрон, а Дж. Кокрофт и Э. Уолтон в Англии построили первый ускоритель протонов. Однако только через семь лет, в 1939 г., немецкими учеными О. Ганом и Ф. Штрассманом было обнаружено деление ядер ура-

на под действием медленных нейтронов. Физическое объяснение данного процесса дали О. Фриш и Л. Мейтнер, и именно они впервые употребили термин «деление» (англ. fission) (Lise Meitner, O.R. Frisch Disintegration of Uranium by Neutrons: a New Type of Nuclear Reaction. Nature. 1939. Т. 143. № 3615. С. 239–240). Открытие Гана и Штрассмана без преувеличения можно считать одним из основных шагов человечества на пути в «атомную эру».

В год 50-летия открытия деления ядра в Вашингтоне, Берлине и Ленинграде прошли Международные конференции, посвященные данному событию. Георгий Николаевич Флёров выступил с приглашенным докладом «Работы в Советском Союзе по делению ядер до 1942 года» на конференции, которая состоялась в Вашингтоне 26–28 апреля 1989 г. Описывая предысторию исследований по ядерной физике, он отметил, что теоретические работы в Советском Союзе проводились на высоком мировом уровне. Тем не менее, с экспериментами в 1920–1932 гг. ситуация была трудная: не было источников излучения, ускорителей и даже естественных радиоактивных изотопов, и многие исследователи сосредоточились на космических лучах.

После первых сообщений об открытии Гана и Штрассмана, перед ЛФТИ встал судьбоносный вопрос – будет ли молодой, недостаточно оснащенный коллектив института заниматься делением ядер. Ответ был однозначным – «да». Советская ядерная физика вступила в эру бурного развития. Я.И. Френкель создал теорию деления, во многом качественно предвосхитив фундаментальную работу Бора и Уиллера. В 1939 г. Ю.Б. Харитон и Я.Б. Зельдович рассчитали цепную реакцию деления тяжелых атомов, а в 1940 г. Г.Н. Флеров и К.А. Петржак открыли спонтанное деление ядер урана. Как сказал Флёров в докладе: «Уже тогда было ясно, что воздух пахнет “ядерным порохом”, и работы в других странах могут рано или поздно быть засекречены».

Следует отметить, что доклад Г.Н. Флёрова на конференции, посвященной 50-летию открытия деления ядра, дал возможность мировому научному сообществу узнать о проведенных в Советском Союзе исследованиях из первых уст и стал важным документом по истории ядерной физики в нашей стране.

Д.Н. Савельева
*Санкт-Петербургский филиал Института истории
естествознания и техники
им. С.И. Вавилова РАН*

ТЕХНОЛОГИИ ДВОЙНОГО НАЗНАЧЕНИЯ НА ПРИМЕРЕ НАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ И РАЗРАБОТОК ЛФТИ

Для рассмотрения вопроса о двойных технологиях необходим исторический подход к рассматриваемой проблеме, который требует не вырывать проблему из исторического контекста.

ЛФТИ занимался как фундаментальной физикой, так и прикладными проблемами технической физики, поэтому можно проследить изделие двойных технологий от зарождения идеи до практического воплощения. Наиболее плодотворными и успешными были те изделия и технологии, которые создавались вначале для мирных целей, а потом, по мере надобности, приспособленные для военных нужд. Ничто не запрещало поступать наоборот, начав разработку технологии как военной, но к какому результату это приведет?

РЛС у нас создавались на базе ЛФТИ в 1930-е гг. как оборонное задание. Результатом были первые в стране принятые на вооружение РЛС метрового диапазона для обнаружения объектов несколько метровых размеров на большой высоте. Объекты меньших размеров не обнаруживались, как и объекты на малой высоте, поэтому разработанные позже РЛС сантиметрового диапазона поставлялись союзниками (у нас созданы только после войны).

Вторым примером является история ядерной физики. Архивы свидетельствуют: эта тематика в ЛФТИ должна была исчезнуть, как не прикладная (сессия АН СССР 1936), но она была продолжена именно после вхождения ФТИ в АН СССР в 1939 г. Однако, это пример, когда война нарушает нормальный (естественный) ход событий и логику исследований. Путь к А-бомбе все равно лежит через создание ядерного реактора, для которого необходим замедлитель нейтронов (только тогда реакция станет управляемой). Выбор замедлителя – тяжелая вода или графит – был сделан во время войны в пользу графита как более доступного материала, но не лучшего и опасного (как оказалось, Три Мейл Айленд – США,

атомная подводная лодка на Северном флоте – СССР, Чернобыльская АЭС – СССР, Фукусима – Япония). Тяжеловодные реакторы используются только в Канаде.

Третий пример – история создания реактора для прямого преобразования ядерной энергии в электрическую. Вначале он разрабатывался для подводных лодок, потом – для космических аппаратов. Из-за запрета ООН использовать ядерную энергию в космосе (1963) эти работы были прерваны и возобновились для создания источника электроэнергии для межпланетных перелетов, но тоже не увенчались успехом из-за дороговизны проекта.

Эти примеры показывают, что путь от военной технологии в мирную – проблематичный, тогда как многочисленные обратные примеры использования технологий гораздо более логичны и удачны (например, колючая проволока, танк, и т.д.).

Е.А. Дорофеева

*Санкт-Петербургский государственный
технологический институт
(Технический университет)*

**ИССЛЕДОВАНИЕ МЕТОДОЛОГИИ СОЗДАНИЯ КАТАЛИТИЧЕСКИХ
СИСТЕМ ТЕХНОЛОГИИ ПОЛУЧЕНИЯ КОМПОНЕНТОВ
МОТОРНОГО ТОПЛИВА**

Процесс получения моторных топлив из газа (процесс GTL или gas to liquid) в настоящее время начинает привлекать все большее внимание как альтернатива использованию истощающихся запасов нефти. Еще в 1926 г. немецкими учеными Ф. Фишером и Г. Тропшем была открыта реакция восстановления монооксида углерода водородом при атмосферном давлении, при помощи которой, с участием различных катализаторов и определенным соотношением CO к H_2 , становится возможным проводить синтез различных жидких углеводородов.

За столь большой промежуток времени, прошедший с момента открытия данной реакции, не было создано относительно дешевых и эффективных катализаторов, пригодных для длительной эксплуатации в данном процессе, которые были бы способны выдерживать многократные циклы потери активности и регенерации. Наиболее перспективными катализаторами считаются кобальтовые системы, но основными проблемами их методов синтеза являются длительное время восстановления активного металлического кобальта, а также вероятность потери каталитической активности процесса, в связи с адсорбцией углерода на активных центрах.

Поэтому большую актуальность приобретает исследование каталитических систем, синтезированных различными методами. Именно методика проведения синтеза катализатора оказывает существенное влияние на его последующие физико-химические свойства, проявляемую активность и селективность по отношению к жидким углеводородам во время проведения процесса. К примеру, авторами были исследованы различные методы получения

кобальтовых систем, изучены их активности и селективности в отношении получения компонентов моторных топлив. Знание методологии создания кобальтовых катализаторов помогает исследователям правильно организовывать свою научную деятельность и осознавать всю актуальность и новизну своей работы. Такой «пункт» изменения методики создания каталитической системы, как введение в состав модификатора, создает новую методику приготовления. Следовательно, методология создания каталитических систем технологии получения компонентов моторного топлива находится в постоянном развитии и обновлении.

О.М. Нестерова

*Санкт-Петербургский государственный
технологический институт
(Технический университет)*

**ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ РАЗВИТИЯ ХИМИИ
ВЫСОКОЭНЕРГЕТИЧЕСКИХ СОЕДИНЕНИЙ РЯДА
1,2,5-ОКСАДИАЗОЛА**

История создания взрывчатых веществ началась с изобретения черного бездымного пороха, представляющего собой смесь калиевой селитры, серы и угля. Существует множество достаточно надежных свидетельств того, что родиной пороха был Китай (середина I в. н.э.), откуда секрет производства перекочевал в Индию, а затем в арабские страны. На момент создания порох стал самым мощным и смертоносным видом вооружения.

Однако с развитием технологий появилась потребность в более совершенных взрывчатых составах. По мере накопления человечеством знаний в области химии и химической технологии стал возможным целенаправленный синтез высокоэнергетических соединений с заведомо полезными свойствами. Первым успешным примером можно считать, пожалуй, нитробензол, выделенный Эйльхардом Митчерлихом в 1834 г. Далее последовал длительный период изучения «возможностей» различных энергоемких производных бензола и фенола (в основном нитро- и нитрамино-),

венцом которого стал гексанитробензол, который, не смотря на высокие энергетические характеристики, оказался неудобным в эксплуатации и коммерчески невыгодным для массового производства. Параллельно шли исследования в области применения нитроглицерина, впервые полученного итальянским химиком Асканьо Собrero в 1846 г., в качестве основного компонента различных взрывчатых составов.

К началу Второй мировой войны человечество подошло к своеобразному порогу, когда на смену опасным и ограниченным в применении веществам (вследствие их высокой чувствительности к внешним воздействиям, дороговизны и т.п.) приходит универсальный тротил (тринитротолуол). В начале 40-х гг. XX в. все более широкое применение находят высокомошные гексоген и октоген, являющиеся неароматическими гетероциклическими соединениями. Во второй половине прошлого столетия исследования в области химии энергонасыщенных веществ были во многом посвящены поиску способов получения новых полиазотистых гетероциклов и последующему изучению их свойств с тем, чтобы получить вещество, по своим характеристикам превосходящее октоген.

В этом отношении очень удобными оказались производные 1,2,5-оксадиазола или фуразана. Обладая высокой реакционной способностью фуразаны, получаемые из промышленно доступного сырья, становятся удобным синтоном для построения энергонасыщенных соединений высокой мощности. Уже в конце 1980-х гг. в США и России был получен ряд соединений, по мощности превосшедших октоген, который стал своего рода эталоном. На сегодняшний день производные ряда 1,2,5-оксадиазола являются одними из перспективных интермедиатов для формирования структур с практически полезными свойствами.

Н.С. Парицкая

*Санкт-Петербургский государственный
технологический институт
(Технический университет)*

ИСТОРИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПОВЫШЕНИЯ КОРРОЗИОННОЙ УСТОЙЧИВОСТИ ПОРТЛАНДЦЕМЕНТНЫХ БЕТОНОВ

С древнейших времен и по сей день огромное значение в жизни человека имеют строительные материалы. Без них невозможно было бы возведение домов, мостов, туннелей и других построек. Одно из первых мест среди строительных материалов занимает портландцементный бетон, применение которого началось после получения Джозефом Аспдином патента в 1824 г. К настоящему времени достигнуты значительные успехи в формировании высокой прочности, износостойкости и других физико-механических характеристик бетонов. При этом актуальной задачей строительного материаловедения остается повышение долговечности бетона и его устойчивости к воздействиям окружающей среды.

Первое крупное разрушение бетона из-за коррозионных воздействий произошло в Германии в 1890 г. в Магдебурге. Через несколько лет после постройки новый мост над Эльбой начал разрушаться. Причиной этому послужило разрушающее действие воды из источника с очень высоким содержанием сульфатов (около 2000 мг SO_4^{4-} – на 1 л) на свежий бетон. Бетонные пилоны поднялись на 8 см и даже раздвоились. Из-за разрушающего действия сульфатов этот процесс получил название: сульфатная коррозия.

Для повышения долговечности конструкций, эксплуатирующихся в таких агрессивных средах, были разработаны специальные виды сульфатостойких портландцементов. Но сульфатная коррозия – это не единственный фактор, влияющий на долговечность бетонов и растворов. Воздействие углекислого газа, циклы замораживания-оттаивания, щелоче-кремнеземные реакции, выщелачивание или коррозия арматуры в железобетоне – все это также влечет за собой преждевременное разрушение конструкций.

Экономически и технически нецелесообразно разрабатывать новые виды цементов для противодействия определенным видам коррозии. В связи с этим для повышения коррозионной устойчи-

вости в последние десятилетия актуально применение различных добавок, влияющих на свойства бетонов. Так, например, применение активных минеральных добавок способствует профилактике, щелочной коррозии, обусловленной протеканием в теле бетона реакции с участием щелочей и заполнителя, содержащего реакционноспособный SiO_2 . Кроме того введение минеральных добавок способствует повышению сульфатостойкости, но при этом они имеют ряд недостатков. Проблемы, связанные с применением добавок, заставляют вести поиск и разработку более эффективных комплексных модификаторов снижающих риск развития всей совокупности коррозионных процессов.

**СЕКЦИЯ «ИСТОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ
ТЕХНИЧЕСКИХ НАУК
И ИНЖЕНЕРНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И ПАМЯТНИКИ
НАУКИ И ТЕХНИКИ»**

В.И. Арбузов

*Санкт-Петербургский национальный исследовательский
университет информационных технологий,
механики и оптики*

**СТЕКЛА СПЕЦИАЛЬНОГО НАЗНАЧЕНИЯ В ПОЗНАНИИ ПРИРОДЫ
И ВЛАСТИ НАД НЕЙ**

*«Без оптического стекла нет ни
познания природы, ни власти над ней».*

Д.С. Рождественский

Сцинтиллирующие и лучезащитные стекла. Изучены закономерности образования и эволюции радиационных центров окраски и радиolumинесценции стекол с активаторами переменной валентности. В результате разработано сцинтиллирующее цериевое литий-6-содержащее стекло, существенно превосходящее зарубежные аналоги по функционально важным параметрам. Элементами из него оснащены детекторы тепловых нейтронов в ОИЯИ, ПИЯФ, РИ. Разработаны многосвинцовые ($n \approx 1.7$) фосфатные бесцветные радиационно-защитные стекла с повышенной радиационно-оптической устойчивостью (РОУ) при экспозиционных дозах до 10^7 Р и более, а также иммерсионно-защитная жидкость как для жидкостных бассейнов смотровых радиационно-защитных окон (СРЗО) «горячих» камер, которая эффективно ослабляет гамма-и нейтронное излучение, так и для заполнения ею зазоров между пластинами стекла в СРЗО с целью повышения пропускающей способности СРЗО из-за снижения френелевских потерь света. Замена новыми стеклами старых стекол, которые из-за исходной желтой окраски и недостаточно высокой РОУ используемых в них силикатных стекол практически утратили пропускающую способность, позволит на десятки сантиметров уменьшить толщину

стеклоблоков СРЗО и увеличить углы обзора объектов в «горячей» зоне камеры. Отработана технология термического обесцвечивания радиационно-окрашенных пластин (720*520*100 мм) свинцовых силикатных стекол из СРЗО старого поколения, с целью продления временного ресурса их надежного функционирования.

Лазерные стекла. Разработана новая технология получения неодимовых фосфатных стекол, переход к которой на десятки процентов улучшил их функциональные параметры в условиях резкого ужесточения предъявляемых к ним требований и позволил оснастить крупногабаритными (475*240*40 мм, световая апертура 200*200 мм) активными элементами (АЭ) импульсную 4-канальную установку «Луч» (РФЯЦ-ВНИИЭФ, г. Саров). На примере этой установки отрабатывались физические и технические принципы построения мощной усилительной 192-канальной установки УФЛ-2М с выходной энергией в 2.8 МДж, предназначенной для исследований в области управляемого лазерного термоядерного синтеза, к строительству которой на базе АЭ со световой апертурой 400*400мм приступил Росатом. Разработаны медь содержащие стекла для поглощающих оболочек АЭ обоих типов, которые наклеиваются на боковые грани АЭ с целью подавления паразитной генерации.

А.П. Балаченкова

*Высшая школа технологии и энергетики
Санкт-Петербургский Государственный университет
растительных полимеров*

**НАУЧНО-УЧЕБНЫЙ КАБИНЕТ ПО ПИСЧЕБУМАЖНОМУ
ПРОИЗВОДСТВУ
ПРИ САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОМ ТЕХНОЛОГИЧЕСКОМ ИНСТИТУТЕ:
105 ЛЕТ СО ДНЯ ОСНОВАНИЯ**

Доклад представляет собой практический пример коммеморации, призванной актуализировать прошлое одного из полузабытых исторических подразделений Петербургского Технологического института – Научно-учебного кабинета по писчебумажному про-

изводству (впоследствии писчебумажной лаборатории Технологического института).

Основанный в 1911 г. по инициативе «Союза писчебумажных фабрикантов в России» Научно-учебный кабинет предназначался для углубленной подготовки инженеров (как технологов, так и механиков), специализировавшихся по писчебумажному производству, и мыслился завершающим звеном в формировавшейся системе подготовки кадров для отрасли. Программа кабинета была разработана директором-распорядителем Союза Н.А. Резцовым и предполагала в его составе музей, испытательную станцию и лабораторию для студенческих занятий. Руководство кабинетом, его финансирование и снабжение осуществлялось Институтом и Союзом на паритетных началах. Несмотря на непродолжительный опыт функционирования (полноценная работа этого подразделения началась только в конце 1913 г.), потенциал кабинета был высоко оценен советским правительством: в ноябре 1918 г. кабинет национализируется в числе важнейших предприятий писчебумажной отрасли. В 1921 г. его передают Правбуму, затем, из-за отсутствия средств, снова возвращают в состав Института. Рубежом в его истории стал 1931 г.: после ликвидации писчебумажной специальности в Технологическом институте кабинет передается в Лесотехническую академию, где на его основе расширяется кафедра целлюлозно-бумажного производства и начинается подготовка к созданию самостоятельного целлюлозно-бумажного института в структуре ЛТА. В то же время кабинет становится базой для создания химического отдела Центрального научно-исследовательского института бумаги.

Таким образом, можно утверждать, что в замысле кабинета, созданного Союзом писчебумажных фабрикантов, в «свернутом» виде присутствовали идеи отраслевой специализации, реализованные затем как в системе советского инженерного образования, так и в системе отраслевых НИИ.

Е.Б. Гинак

*ФГУП «Всероссийский научно-исследовательский
институт метрологии им Д.И. Менделеева»,
Санкт-Петербург*

ПАМЯТНЫЕ И ЮБИЛЕЙНЫЕ ДАТЫ В ИСТОРИИ ГЛАВНОЙ ПАЛАТЫ МЕР И ВЕСОВ – ВНИИМ ИМ. Д.И. МЕНДЕЛЕЕВА

В июне 2017 г. ФГУП «ВНИИМ им. Д.И. Менделеева» – старейшее государственное метрологическое и поверочное учреждение мира – отметит свой 175-летний юбилей. За прошедшие годы в истории учреждения отмечалось значительное количество юбилейных и памятных дат. В различные времена менялись акценты, форматы, а в некоторых случаях и точки отсчета празднования.

Особо можно выделить юбилеи и памятные даты, связанные с жизнью и деятельностью великого русского ученого Д.И. Менделеева, который возглавлял Главную палату мер и весов около 15 лет. В первой половине XX в. широко отмечались как даты рождения ученого, так и годовщины его смерти. После смерти Д.И. Менделеева 20 января (2 февраля) 1907 г. в Главной палате продолжали работать его ученики, коллеги, последователи, в том числе сын Иван Дмитриевич Менделеев. Их задачей было увековечивание памяти Д.И. Менделеева. В результате на территории Главной палаты были открыты памятники ученому, мемориальные доски, создан музей его имени. 1925 г. – открыт бюст Д.И. Менделееву работы Шервуда, 1932 г. – памятник Д.И. Менделееву работы скульптора И.Я. Гинцбурга (установлен в сквере Главной палаты на месте беседки, где любил отдыхать ученый).

Многочисленные мероприятия по всей стране, в том числе во ВНИИМ, были проведены к 100-летию со дня рождения Менделеева в 1934 г. К этой дате планировалось открыть памятник-таблицу «Периодическая система химических элементов Д.И. Менделеева», бюст Д.И. Менделееву работы М.Г. Манизера (из-за технических проблем их открыли в 1935 г.).

В 1945 г. отмечалось столетие Государственной службы мер и весов: состоялось торжественное собрание в Колонном зале Дома союзов, а 2 июня это событие было отмечено в Большом зале Ленинградской государственной филармонии. Всесоюзному научно-

исследовательскому институту метрологии было присвоено имя Д.И. Менделеева (Постановление СНК СССР № 68 от 10 января 1945 г.) и учрежден нагрудный знак «Отличник измерительной техники» (Приказ Председателя Комитета по делам мер и измерительных приборов при СНК СССР № 106 от 30 апреля 1945 г.).

В 1984 г., в год празднования 150-летия со дня рождения Д.И. Менделеева, была открыта новая экспозиция Метрологического музея в последней квартире ученого с разделами: «Д.И. Менделеев – основоположник научной метрологии» и «Российская система мер», а также мемориальная доска на одном из корпусов Института с надписью: «В этом здании, построенном в 1902 г. по специальному проекту Димитрия Ивановича Менделеева, великий ученый проводил экспериментальные метрологические исследования» (Решение Ленинского районного Совета народных депутатов № 93 от 31.03.83. Постановление Бюро Ленинского РК КПСС от 10.06.83).

А.Г. Грабарь
ФБУ «Тест-С.-Петербург»

ОБ УЧАСТИИ РОССИИ В ОТКРЫТИИ И ИЗУЧЕНИИ АНТАРКТИДЫ

В исследованиях Арктики и Антарктики Россия всегда принимала самое деятельное участие. Еще в середине XVIII в. на географических картах было пять континентов, неизведанными оставались высокие широты обоих полушарий Земли.

Первым к Южному полюсу отправился известный английский мореплаватель Джеймс Кук, летом 1772 г., но ему около Полярного круга мощные льды преградили дальнейший путь. В своем донесении английскому адмиралтейству 30 января 1774 г. Д. Кук написал, что «достиг пределов, где человеческие возможности оказываются исчерпанными» Эту точку зрения через 45 лет опровергли русские мореплаватели, когда военно-морским ведомством была организована Южная антарктическая экспедиция.

Парусные шлюпы «Восток» и «Мирный» были переоборудованы для плавания во льдах. Начальником экспедиции и командиром

шлюпа «Восток» был назначен капитан 2-го ранга Ф.Ф. Беллинсгаузен, командиром шлюпа «Мирный» – лейтенант М.П. Лазарев. Экспедиция вышла из Кронштадта 4 июля 1819 г. и только 16 января 1820 г. корабли достигли берегов Антарктиды.

Экспедиция продолжалась более двух лет и 24 июля 1821 г. моряки вернулись в Кронштадт. Было пройдено свыше 50 тысяч морских миль. Корабли обогнули весь антарктический материк, шесть раз пересекали Южный полярный круг. В результате экспедиции впервые было доказано существование шестого материка на Земном шаре и открыто 29 новых островов.

Исследования, проведенные русской экспедицией, долгие годы были не востребованы, но со временем мировая общественность пришла к пониманию необходимости объединения усилий в освоении Антарктиды. В 1882 г. по предложению австрийского ученого Карла Вайпрехта было решено провести Международный полярный год, и только через 50 лет, в 1932–1933 гг., проводился II Международный полярный год. В нем активное участие приняла Советская Россия. В 1950 г. была составлена Программа очередного Полярного года, где предусматривались значительные исследования полярных сияний, геомагнитных явлений, гляциологии, гравиметрии, ионосферы, метеорологии, сейсмологии и другие исследования Арктики и Антарктиды. Позже круг исследований существенно расширился новыми работами в области картографии, геологии, океанографии и биологии.

В результате появился Проект с новым названием – Международный геофизический год (МГГ), который было решено провести с июля 1957 г. по 31 декабря 1958 г., где особое внимание уделялось Антарктиде как наименее исследованному континенту. В Риме в октябре 1957 г. состоялось заседание нового Международного объединения – Арктической группы Международного совета научных союзов, где глава советской делегации В.В. Белоусов сообщил о том, что кроме береговой станции в Антарктиде Советский Союз готов построить на Южном географическом полюсе научную станцию. Но в связи с тем, что наша делегация опоздала на это заседание на сутки, это право получили США. Однако руководитель делегации В.В. Белоусов заявил, что Советский Союз готов открыть свои исследовательские станции на Южном геомагнитном полюсе и полюсе относительной недоступности.

В 1955 г. была организована Комплексная антарктическая экспедиция и в том же году Академия наук СССР вступила в Международный совет научных союзов, став полноправным участником Программы МГГ. Таким образом, Академия наук стала отвечать за формирование и выполнение научной программы, а Главное управление Северного морского пути Минморфлота за техническое обеспечение экспедиции.

Б.И. Иванов

*Санкт-Петербургский филиал Института истории
естествознания и техники
им. С.И. Вавилова РАН*

**ЮБИЛЕЙНАЯ СЕССИЯ АКАДЕМИИ НАУК СССР 1942 г.,
ПОСВЯЩЕННАЯ 25-ЛЕТИЮ ВЕЛИКОЙ ОКТЯБРЬСКОЙ
СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ**

Юбилейная сессия Академии наук СССР 1942 г., посвященная 25-летию Великой Октябрьской социалистической революции, состоялась 15–18 ноября 1942 г. Вступительную речь на открытии Юбилейной сессии произнес президент Академии наук СССР академик В.Л. Комаров. После вступительного слова В.Л. Комарова Академия наук СССР обратилась с приветствиями к товарищу Сталину и товарищу Молотову. Затем на сессии с докладами выступили академик Е.М. Ярославский («Значение и место Великой Октябрьской социалистической революции в истории человечества»), профессор Г.Ф. Александров («25 лет Великой Октябрьской социалистической революции и Отечественная война советского народа»), академик А.Я. Вышинский («Советское государство нового типа»), академик М.Б. Митин («Философские науки в СССР за 25 лет»), академик А.А. Байков («Академия наук СССР за 25 лет»). На Юбилейной сессии было оглашено приветствие бойцам и командирам Красной Армии и Военно-Морского флота СССР, а также ответное приветствие сэру Генри Дейлу – президенту Лондонского Королевского общества от президента Академии наук СССР Владимира Комарова. В адрес юбилейной сессии

Академии наук СССР были получены приветствия от Уральского военного округа, от Смоленского обкома ВКП (б), от Академии наук Грузинской ССР, от ЦК ВКП(б) и Совета Народных Комиссаров Казахской ССР, от сэра Генри Дэйла, президента Лондонского Королевского общества, почетного члена Академии наук СССР, от бойцов и командиров Красной Армии, бывших сотрудников Академии наук СССР.

Специальное заседание на Юбилейной сессии Академии наук СССР было проведено Отделением технических наук АН СССР по теме «Советская техника за двадцать пять лет».

На Отделении технических наук АН СССР с докладами по важнейшим отраслям советской техники (машиностроение, энергетика, металлургия, горное и нефтяное дело, транспорт) выступили видные отечественные ученые, проанализировавшие развитие современной техники за 25 лет советской власти.

В 1945 г. на основании данных докладов Отделением технических наук АН СССР был подготовлен и опубликован сборник «Советская техника за двадцать пять лет», в котором дан обзор важнейших отраслей техники и роли в их развитии соответствующих наук.

М.Б. Игнатьев

*Санкт-Петербургский государственный университет
аэрокосмического приборостроения*

МИР КАК МОДЕЛЬ ВНУТРИ МИРОВОГО СУПЕРКОМПЬЮТЕРА

Как только в конце 40-х гг. прошлого века появилась электронная вычислительная машина, компьютер, так сразу же родилась аналогия между окружающим нас миром и компьютером, и эта аналогия продолжает развиваться и привлекаться для объяснения мироустройства. Во-первых, компьютеры – системы со структурированной неопределенностью, у них имеется память, которая может быть пустой и заполненной различными данными и программами. Во-вторых, описание мироустройства на естественном языке, который является универсальной знаковой системой,

с помощью лингво-комбинаторного моделирования, превращается в систему уравнений с произвольными коэффициентами, которые и есть структурированная неопределенность. В-третьих, архитектура компьютеров непрерывно развивается – эволюционируют элементная база, уровень знаний компьютера, развиваются операционная среда и интерфейсы общения, системы ввода-вывода информации, системы передачи информации и энергии. В-четвертых, компьютеры являются вместилищем различных виртуальных миров, которые отделены друг от друга системами защиты информации. В-пятых, компьютеры и сети являются основой самоорганизации социума. Все это позволяет выдвинуть гипотезу о том, что компьютер можно рассматривать как базовую модель самоорганизации Вселенной. При таком подходе становится понятным, почему нам до сих пор не удалось установить связь с инопланетянами. Ведь если наш мир не более чем модель внутри мирового суперкомпьютера, то для того, чтобы установить такую связь необходимо изучить структуру мирового суперкомпьютера, его аппаратного и программного обеспечения, изучить систему защиты между мирами, и вот тогда, может быть, удастся установить связь с обитателями других миров. Это колоссальная задача для современной науки.

Е.И. Красикова

*Санкт-Петербургский филиал Института истории
естествознания и техники
им. С.И. Вавилова РАН*

АКАДЕМИК АРХИТЕКТУРЫ А.Ф. КРАСОВСКИЙ

Александр Федорович Красовский родился в 1848 г. в Санкт-Петербурге. Его отец, Федор Иванович, был художником при Императорском фарфоровом заводе. Унаследовав от отца талант живописца, юноша в 1870 г. окончил с серебряной медалью Училище живописи, ваяния и зодчества, затем продолжил обучение в Петербургской Академии художеств. В 1872 г. ему было присвоено звание классного художника 2-й степени. Такое звание

давало возможность молодому архитектору самостоятельно проводить постройки. Спустя 10 лет он получил звание классного художника 1-й степени, а в 1885 г. стал академиком архитектуры. 34 архитектурных постройки Красовского в Петербурге многогранны. Им проведены реставрационные и ремонтные работы в императорских резиденциях. Занимая в 1893–1895 гг. должность архитектора Зимнего Дворца, Красовский проявил себя и как художник, и как инженер при реконструкции ряда помещений: работая над интерьерами Эрмитажного театра, он сконструировал несколько несущих конструкций. Среди работ архитектора: здание Высших женских (Бестужевских) курсов, Третье реальное училище на Греческом проспекте, Химическая лаборатория при Санкт-Петербургском университете, особняк П.П. фон Дервиза. И им же созданы постройки для совершенно иных социальных слоев населения: здание бань Петровых, здание Мужской больницы Свято-Троицкой общины сестер милосердия, часовня на Пряжке, флигель Калинкинской больницы, здания церковных общин, народные столовые Дервиза, Народный Дом на Среднем проспекте Васильевского острова. Красовский построил и целый ряд добротных доходных домов в стиле флорентийского ренессанса. Три из них, построенные с 1901 по 1906 г., принадлежали придворному Ведомству учреждений Императрицы Марии Федоровны. Эта одна из старейших российских благотворительных организаций ведет свое начало с 1797 г., когда московскому и петербургскому Воспитательным домам стала покровительствовать супруга Павла I императрица Мария Федоровна; просуществовала она до 1917 г. В основном финансирование Ведомства производилось из казны, однако в конце XIX столетия важной статьёй бюджета стала сдача домов в аренду. В Санкт-Петербурге ведомству принадлежало более 10 доходных домов. Один из них, построенный по проекту Красовского в 1901–1903 гг., располагается по адресу: Смольный проспект, д. 6. В этом доме в 1912 г. после свадьбы поселился Петр Кузьмич Козлов (1863–1935) – ученый-путешественник, исследователь Центральной Азии. Его супруга Е.В. Козлова-Пушкарева, крупный ученый-орнитолог, прожила в этом доме до самой кончины в 1975 г. В 1989 г. в квартире ученых был открыт Музей-квартира путешественника П.К. Козлова РАН. Как это здание, так и многие другие, построенные Красовским

для ученых и учащейся молодежи, – страница истории науки и образования нашего города. Архитектор, работавший сто с лишним лет назад, создал настолько удобные учебные корпуса, что они и по сей день не утратили своего значения. Здания Высших женских (Бестужевских) курсов сейчас служат студентам СПбГУ, по-прежнему функционирует Химическая лаборатория университета, в здании Третьего реального училища находится одна из петербургских гимназий.

Н.Г. Кузьмина

*Музей печати – Государственный музей истории
Санкт-Петербурга*

ПЕРВАЯ ШКОЛА ПЕЧАТНОГО ДЕЛА ПРИ ИМПЕРАТОРСКОМ РУССКОМ ТЕХНИЧЕСКОМ ОБЩЕСТВЕ

К юбилею первопечатника Ивана Федорова в 1883 г. возникла мысль увековечить его память созданием школы для работников типографий. Императорское русское техническое общество по инициативе Н.П. Столпянского, Е.Н. Андреева и А.Д. Путята в 1884 г. открыло школу печатного дела. В учреждении школы принимали активное участие владельцы и сотрудники петербургских типографий Э. Арнольд, А. Бенке, Р. Голике, Д. Демаков, С. Добродеев, В. Дрессен, В. Киршбаум, И. Леман, В. Вишняков и другие. Школа давала как общее, так и специальное образование для работы в типографиях. В школе изучали языки, математику, рисование, историю, географию, типографскую теоретическую и практическую технику. Ученики обучались два раза в неделю в понедельник и в среду. Ежегодно школу оканчивали около 70 человек из разных типографий. С 1903 г. при школе устроены вечерние курсы по русскому языку и рисованию для взрослых рабочих.

В качестве экспонента школа участвовала в выставках. Так учебные экспонаты были представлены на Первом съезде деятелей по техническому и профессиональному образованию в Париже (1894), на Первой Всероссийской выставке печатного дела в Петербурге (1895), на Московской и Нижегородской выставках,

а также на Казанской областной выставке (1908–1909). Из полученных наград особенно заслуживает внимание большая золотая медаль, присужденная школой на Парижской выставке в 1894 г. за созданные и проверенные опытом программы по специальным предметам и за самый тип школы.

Школа просуществовала до 1922 г. По инициативе работников школы печатного дела Русского технического общества был составлен проект организации среднего технического училища, но осуществить его не удалось.

И.Б. Муравьёва

Фундаментальная библиотека

*Санкт-Петербургского государственного технологического
института (Технического университета)*

ЮБИЛЕЙНЫЕ ИЗДАНИЯ САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА

Санкт-Петербургский технологический институт был образован указом Николая I от 28 ноября (по старому стилю) 1828 г. Первым юбилейным изданием была книга «Пятидесятилетний юбилей С.-Петербургского практического технологического институт» (СПб., 1878). Книга состояла из описания торжеств, состоявшихся 28 и 29 ноября (в том числе литургии и речи директора И.А. Вышнеградского), и приложений, в которые входили «Краткий исторический очерк...» об институте декана И.А. Евневича, «Обзор развития красильного искусства...» проф. Н.П. Ильина, программы преподаваемых предметов, «Правила по учебной части...», списки преподавателей и выпускников за истекшие 50 лет с краткими биографическими сведениями. Вторым юбилейным изданием явилась книга «Семидесятипятилетний юбилей С.-Петербургского практического технологического института, ныне Императора Николая I. 28-го Ноября 1903 г.» (СПб., 1903). Этот том содержит сведения об окончивших институт и профессуре. Составителем был инженер-технолог И.Ф. Фёдоров (Феодоров), ученик И.А. Евневича, использовавший материалы учителя. Третьим юбилейным изданием

была книга «Технологический институт имени Ленинградского Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов. Сто лет» (Л., 1928) в трех томах. Первый том содержал дореволюционную историю института проф. А.А. Воронова по материалам, подготовленным проф. Н.Ф. Лабзиным; историю института после Октябрьской революции (1917–1928) ректора ЛТИ Л.И. Веллера; революционную историю института от «народников» до большевиков технолога М.Л. Раппепорта. Из-за последней статьи издание попало в список запрещенной литературы, так как там цитировались воспоминания Л.Б. Троцкого. Там же есть заметка архитектора Л.П. Шишко о постройках института, статьи об эволюции учебных планов на механическом и химическом факультетах, об учебно-вспомогательных учреждениях (лабораториях, библиотеке, музее), о научно-техническом кружке и рабочем факультете. В конце дан перечень преподавателей и выпускников за 100 лет. Второй том посвящен технологам в промышленности и кратким сведениям об окончивших институт. Третий том (он же вып. 24 «Известий ТИ») содержит научные труды сотрудников, в том числе роспись журнала «Известия Технологического института», выполненную библиотекарем Б.П. Гущиным. Юбилейное издание к 150-летию института (1978) отразило идеологическое влияние времени. Книги, изданные к 170-летию и 175-летию ТИ (1998 и 2003) страдают от спешки, опечаток и отсутствия редактора.

Н.В. Никоноров

*Санкт-Петербургский национальный исследовательский
университет информационных технологий,
механики и оптики*

**К 125-ЛЕТНЕМУ ЮБИЛЕЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ АКАДЕМИКА
С.И. ВАВИЛОВА: ОТ ПРИРОДЫ ЛЮМИНИСЦЕНЦИИ ДО СОВРЕ-
МЕННЫХ ЛЮМИНЕСЦЕНТНЫХ ИСТОЧНИКОВ СВЕТА**

В 2016 г. исполняется 125 лет со дня рождения выдающегося советского ученого, основателя научной школы физической оптики, действительного члена (1932) и президента Академии наук

СССР, (1945–1951), лауреата четырех Сталинских премий (1943, 1946, 1951, 1952) Сергея Ивановича Вавилова. Основные работы С.И. Вавилова посвящены изучению природы фотолюминесценции, особенно люминесценции растворов. Для развития теории люминесценции весьма плодотворным оказалось введенное им понятие квантового выхода люминесценции. С.И. Вавилов вывел закон, обобщающий и исправляющий известный закон Стокса. В работах, посвященных определению абсолютной величины выхода люминесценции, С.И. Вавилов установил ошибочность ранее существовавшего взгляда, будто люминесценция является побочным, несущественным, с энергетической точки зрения, процессом, и что лишь ничтожная часть поглощаемой материалом лучистой энергии превращается в свет люминесценции. Он доказал, что в ряде случаев люминесценция является главным процессом, и что у ярко флюоресцирующих веществ в квантовый выход люминесценции составляет более 70%. С.И. Вавилов разработал теорию миграции энергии возбуждения в растворах, количественно объясняющую концентрационное тушение люминесценции. С.И. Вавилов успешно разработал вопросы, связанные со свечением кристаллических фосфоров, а также разнообразные практические применения явлений люминесценции. Он предложил новый экономический источник света, основанный на преобразовании невидимого ультрафиолетового излучения в видимый свет, путем покрытия ультрафиолетовых ламп люминофорами. Под его руководством разработана технология производства ламп с люминесцирующими составами, ламп так называемого «дневного» или «холодного» света.

В начале XXI в. идеи С.И. Вавилова успешно внедрены при создании высокоэффективных люминофоров для современной светодиодной техники и энергосберегающего освещения зданий, дорог, транспорта и т.д. На сегодняшний день эффективность твердотельных люминофоров, работающих со светоизлучающими диодами для получения «теплого» белого света, достигает 99%, а эффективность самих белых светодиодов с люминофорами достигает 170 лм/Вт при теоретическом пределе 300 лм/Вт.

Л.В. Петрухина

Главный редактор газеты «Технолог»

О.В. Щербинина

*Музей истории Санкт-Петербургского государственного
технологического института
(Технического университета)*

ОСТАЕТСЯ ДЛЯ ПОТОМКОВ...

(К ЮБИЛЕЮ СТАРЕЙШЕЙ ВУЗОВСКОЙ ГАЗЕТЫ «ТЕХНОЛОГ»)

«Технолог» – старейшая вузовская многотиражка, была создана 24 октября 1926 г. Происхождение – студенческие стенные газеты: «Новый студент», «Смена», «Комсомолец» (1922); с весны 1923 г. – «Творцы грядущего». 21 октября 1924 г. вышел первый номер газеты «Новый студент» тиражом в 50 экземпляров. Это была первая в Ленинграде литографированная газета. В 1925 г. на первомайской выставке мировой коммунистической печати в Нью-Йорке эта газета была единственным представителем ленинградской студенческой печати, а в феврале 1927 г. газета уже принимала участие в первой выставке газет вузов города.

Изменялись ее названия: до 1930 г. – «Ленинградский технолог», после реорганизации вуза – «За химизацию», а с сентября 1946 г. до сегодняшнего дня – «Технолог».

Фактически всё, чем живет институт, его проблемы, задачи, ход учебного процесса, студенческие дела, все события, так или иначе, находят отражение в газете. А когда-то «Технолог» первым рассказал о посещении института всемирно знаменитыми учеными и космонавтами, о легендарных выпусках «Устного журнала», которые организовывал и известный сейчас сатирик Семён Альтов (а тогда студент «Техноложки») и на которых выступали Аркадий Райкин и молодые, Роман Карцев и Виктор Ильченко! Сколько было рассказов о «картошке», строительных отрядах, о заседаниях клуба веселых и знающих химиков – КВЗХ, спортивных соревнованиях и т.п. Огромное количество публикаций посвящается богатейшей истории института (в т. ч. юбилейные даты вуза, кафедр), жизни и творчеству работавших и работающих ученых, великим открытиям и достижениям науки. Свои первые шаги в творчестве сделали в «Технологе» и будущие поэты, писатели,

журналисты, фотохудожники. Очень многим «путевку в жизнь» дала наша многотиражка.

Газета младше института почти на сто лет, но это никогда не мешало ей постоянно возвращаться к историческим событиям, дополнять с годами открываемые и даже по-новому переживаемые те или иные факты биографии родного вуза, рассказывать об этом нестандартно и увлекательно.

За 90 лет прожито немало: менялись строи и установки, политики, герои и руководители, взгляды и принципы, направления и задачи. Менялась сама жизнь, но все это осталось и остается на страницах газетных подшивок. Остается для потомков...

Р.Б. Станиславичюс, М.Ю. Логачев

*Военно-космическая Академия имени А.Ф.Можайского,
Санкт-Петербург*

ИЗГОТОВЛЕНИЕ ГЕОДЕЗИЧЕСКИХ ИНСТРУМЕНТОВ В РОССИИ (XVIII–XIX вв.)

В России изготовление геодезических инструментов началось лишь во времена Петра I, когда было положено начало систематическому изучению географии страны и картографированию. При учреждении в 1725 г. Российской Академии наук была организована мастерская, в которой изготавливались астрономические и геодезические инструменты. Работавший в этой мастерской механик Кулибин изготавливал телескопы с отражательными зеркалами, астролябии с трубой, мерные цепи. Инструменты изготавливались также в механической мастерской М.В. Ломоносова. Он сконструировал ряд оптических инструментов, в частности в 1761 г. горизонтальный телескоп с подвижным зеркалом, в 1762 г. однозеркальный рефлектор с наклонным зеркалом-прожектором. Ломоносовым были построены и принципиально новые инструменты: перископ, батоскоп для подводных наблюдений, телескоп-рефлектор («ночезрительную трубу»), при помощи которого наблюдал в 1761 г. прохождение Венеры по диску Солнца, что привело его к открытию атмосферы на этой планете. В начале XIX века произ-

водство геодезических инструментов все еще остается кустарным. Они изготовлялись силами высококвалифицированных механиков, зачастую лишь по эскизам, без точных чертежей. Нередко сам механик производил усовершенствование инструмента в процессе изготовления.

В этот период в России были две мастерские. В 1811 г. Военным министерством была открыта механическая мастерская по изготовлению геодезических, астрономических и топографических инструментов, переименованная в 1821 г. в Механическое заведение Главного штаба, изготовляла инструменты для корпуса военных топографов и других ведомств. В ней было создано много точных геодезических инструментов, и оно сыграло большую роль в создании новых типов инструментов и в развитии отечественного геодезического инструментостроения.

Другой мастерской, изготовлявшей точные геодезические инструменты, была мастерская при Пулковской астрономической обсерватории, организованная в 1839 г. Пулковскими астрономами, геодезистами и механиками создавались оригинальные инструменты, которые по своим качествам превосходили лучшие заграничные образцы. Мастерская Пулковской астрономической обсерватории выполняла ряд заграничных заказов на геодезические и астрономические инструменты для обсерваторий и учреждений Англии, Германии, Швеции и др.

Т.С. Юдовина

*Санкт-Петербургский национальный исследовательский
университет информационных технологий,
механики и оптики*

О РОССИЙСКОЙ ШКОЛЕ ВЫЧИСЛИТЕЛЬНОЙ ОПТИКИ

«Жизнь и деятельность передовых людей – очень важный фактор в развитии науки, а жизнеописание их является необходимой частью истории науки», – писал академик С.И. Вавилов. Владимир Сергеевич Игнатовский и Александр Илларионович Тудоровский, Евгений Григорьевич Яхонтов, Георгий Георгиевич Слюсарев,

Дмитрий Дмитриевич Максutow и Владимир Николаевич Чуриловский, Михаил Михайлович Русинов, Давид Самуилович Волосов и Давид Юделевич Гальперн – столпы вычислительной оптики, родоначальники отечественной научной школы, учителя поколений специалистов. Чуриловский, Русинов и Гальперн родились в нашем городе, Слюсарев – в Париже, Яхонтов в Варшаве, Игнатовский – в Тифлисе, Максutow в Одессе, Тудоровский – в селе Булакова Черниговской губернии, а Волосов в Невеле. Четверо закончили СПб Университет, трое – ЛИТМО, Волосов – Педагогический институт в Ленинграде, Максutow – Одесский кадетский корпус. Всех объединило одно общее ДЕЛО, которому каждый посвятил всю жизнь – оптика (Оптический институт, оптико-механическая промышленность и Институт точной механики и оптики). И Игнатовский, и Тудоровский, и Яхонтов, и Слюсарев, и Максutow, и Чуриловский, и Русинов, и Гальперн, и Волосов – великие труженики, прожили непростую жизнь: репрессии, тяготы Великой Отечественной войны. Они выстояли, не потеряв веру в себя, свое дело!

СЕКЦИЯ «ИСТОРИЯ ЭЛЕКТРОНИКИ, ИНФОРМАТИКИ И СВЯЗИ»

Л.А. Андреева

Тверской филиал ПАО «Ростелеком»

ЮБИЛЕИ ТВЕРСКОЙ СВЯЗИ

Основная цель доклада – рассказать о важных событиях в истории российской и тверской связи, повлиявших на экономику и культурную жизнь региона. Кратностью для юбилеев выбран 25-летний период.

7 августа 1922 г. – 25-летие Тверской телефонной сети общего пользования. В память об этой дате остался поздравительный адрес, подаренный начальнику (1906–1930 гг.) ГТС И.А. Судакову ее сотрудниками. Сегодня это ценный экспонат Музея Тверского филиала ПАО «Ростелеком».

7 августа 1997 г. – 100-летие Тверской городской телефонной сети. К этой дате был открыт Музей связи Тверской области, выпущен буклет «Мы соединяем».

31 декабря 1998 г. – 100-летие междугородного телефонного сообщения Санкт-Петербург – Москва. В Твери проведена научно-практическая конференция. На здании головного офиса ОАО «Электросвязь» установлена мемориальная доска, посвященная комплексу зданий, принадлежавших тверским учреждениям связи с 1798 года.

15 февраля 2001 г. – 100-летие Тверской междугородной телефонной станции. На здании бывшей тверской МТС установлена мемориальная доска. Выпущена книга «Хроника тверской связи».

1 ноября 2001 г. – 75 лет тверскому радиовещанию. Совместно с телерадиокомпанией ГТРК «Тверь» проведены торжественные мероприятия. На здании первой радиовещательной станции установлена мемориальная доска.

1 октября 2002 г. – 150 лет электросвязи на тверской земле. Событие отмечалось совместно с Центральным телеграфом (Москва).

3 мая 2003 г. – 100 лет со дня рождения О.В. Лосева. Проведена научно-практическая конференция с участием представителей

администрации, науки, радиолюбительских и краеведческих организаций. Конференция приняла постановление, согласно которому в 2014 г. имя Лосева присвоено скверу в центре Твери.

1 марта 2005 г. – 50 лет телевидению в Калинин. Выпущена книга «Телевещание в Тверской области. Вчера. Сегодня. Завтра».

11 ноября 2014 г. – 100 лет Тверской радиотелеграфной станции спецназначения. Проведена научно-практическая конференция с участием представителей администрации, науки, деловых партнеров, радиолюбительских и краеведческих организаций. На конференции представлены материалы дневника А.В. Носаченко – телеграфиста этой станции, содержащие интересные сведения о работе станции.

Представленные даты установлены на основании исследования фондов Российского государственного исторического архива, Государственного архива Тверской области, Центрального музея связи имени А.С. Попова и других источников. Юбилеи широко отмечались ОАО «Электросвязь», позже – Тверским филиалом ПАО «Ростелеком, администрацией и общественностью города и области, освещались СМИ, отмечались публикацией статей в журнале «Вестник связи», выпуском сувениров. Документы, подтверждающие достоверность дат, а также фото- и видеоматериалы по празднованию юбилеев, представлены в экспозиции Музея связи Тверской области.

Т.С. Васильева

*Центральный музей связи имени А.С. Попова,
Санкт-Петербург*

ВЫСТАВКА «ЭПОХА ТАКСОФОНОВ» (К 140-ЛЕТИЮ ИЗОБРЕТЕНИЯ ТЕЛЕФОНА)

В докладе рассматривается малоизученная история таксофонной связи в нашей стране.

7 марта 1876 г. Александр Грэхэм Белл (1847–1922) получил патент № US174465, описывающий «метод и аппарат ... для передачи речи и других звуков по телеграфу... с помощью электрических

волн». К 140-летию этого исторического события Центральный музей связи имени А.С. Попова подготовил выставку «Эпоха таксофонов», посвященную одному из направлений телефонной связи.

Выбор темы выставки был обусловлен желанием как можно более полно отразить историю вида связи, который очень скромно представлен в постоянной экспозиции музея. Выставка стала наглядной демонстрацией результатов научного исследования в области истории техники. О богатой и одновременно малоизвестной истории общедоступных платных телефонов рассказали приборы, документы, фотографии и периодические издания из фондов ЦМС имени А.С. Попова.

Первые кабины с телефонами для общественного пользования появились в 1880-х гг. Вскоре были созданы первые телефоны-автоматы, позволявшие автоматически оплачивать разговор, позже названные таксофонами. В течение всего XX столетия таксофонные кабины были неотъемлемой частью городского пейзажа. Таксофон «пережил» модернизацию при переходе на автоматическую телефонную связь в 1930-х, расцвет в эпоху советских послевоенных новостроек 1950-х – 1970-х, бурную инфляцию 1990-х, «борьбу за выживание» при переходе на цифровые системы связи в 2000-е и конкуренцию с мобильными телефонами.

В начале 2000-х гг. строились оптимистичные прогнозы и обсуждались направления развития таксофонного бизнеса. Появилось много технических решений и новые услуги. Возникло новое направление коллекционирования – собирание таксофонных карт и жетонов (телефонокартия). Несмотря на это в 2010-х гг. количество звонков с уличных таксофонов неуклонно снижается, и мы являемся свидетелями постепенного исчезновения этого вида связи. При этом таксофонная связь считается социально значимой и включена в государственную программу «Универсальные услуги связи».

Для посетителей музея предметы техники, использовавшиеся в прошлом, сами по себе не представляют интереса, особенно таксофоны, которым даже в отраслевой периодической печати уделялось мало внимания. Для раскрытия темы, зрелищного и содержательного показа техники необходимо демонстрировать в историческом контексте и делать акценты на ее значение для людей.

А.А. Глущенко
*Военный институт (Железнодорожных войск
и военных сообщений) ВА МТО
им. А.В. Хрулева, Санкт-Петербург*

ИСТОРИЯ РАДИОТЕЛЕГРАФНОГО ЗАВОДА МОРСКОГО ВЕДОМСТВА (ДЕ-ФАКТО И ДЕ-ЮРЕ)

Неоднозначность истории создания, открытия и начала производственной деятельности, а также юридического закрепления статуса Радиотелеграфного завода Морского ведомства и Радиотелеграфной лаборатории Минного отдела Главного управления кораблестроения (ГУК) Морского министерства является причиной не вполне отвечающих исторической действительности выводов теоретического характера и действий практического плана.

В докладе рассматриваются предпосылки создания первого в России государственного радиотехнического предприятия и отечественной научно-экспериментальной базы. На основе анализа состояния слаботочного сектора электротехнической промышленности России доказывается, что, во-первых, в данной сфере производства ведущие позиции заняли иностранцы, во-вторых, созданные за счет иностранных инвестиций телефонно-телеграфные предприятия выпускали образцы аппаратуры, разработанные за рубежом, в-третьих, в Главном управлении почт и телеграфов России, ответственном за строительство линий электролинейной связи, никакие научные изыскания не проводились.

Инициатором избавления от иностранной зависимости в разработке и производстве средств радиосвязи выступило Морское министерство, открывшее в 1900 г. Кронштадтскую мастерскую беспроволочного телеграфирования, а в 1913 г. – Радиотелеграфное депо (с 1915 г. – завод). Рассматривался вопрос не только собственного радиотехнического производства во флоте, но и предполагалось выполнение научно-экспериментальных работ в области радиотехники, для чего при Минном отделе ГУК была создана Радиотелеграфная лаборатория. Подчеркивается, что все три названных структурных образования, несмотря на фактическое функционирование, не имели узаконенного юридического статуса,

финансирование их осуществлялось с нарушением финансовой дисциплины, социальный статус работников (оклады, пенсии, выслуга, награды и т. п.) не определен. Намерения Минного отдела придать законность работе завода и лаборатории натолкнулись на длительное (более двух лет) согласование в различных инстанциях, и только 25 июня (8 июля) 1916 г. император Николай II утвердил «Закон об отпуске из Государственного казначейства средств на содержание Радиотелеграфного депо Морского ведомства». Так как еще на стадии согласования законопроекта Министерство финансов высказалось против создания самостоятельной Радиотелеграфной лаборатории, после принятия вышеназванного закона она вышла из подчинения Минного отдела ГУК и вошла в состав Радиотелеграфного депо.

В.В. Зеленова

Музей телевидения АО «НИИТ», Санкт-Петербург

ТЕЛЕВИЗИОННОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПОЛЕТА Ю.А. ГАГАРИНА (К 55-ЛЕТИЮ ПЕРВОГО ПОЛЕТА ЧЕЛОВЕКА В КОСМОС)

30.01.1956 г. вышло Постановление СМ СССР № 149-88, где было обозначено: «Исследования и разработки по телевизионному оборудованию для объекта “ОД”». 22.08.1956 г. С.П. Королев, подписал ТЗ для НИИ-380 (АО «НИИ телевидения»), в котором заказал два типа телевизионных (ТВ) систем: для изучения планет и наблюдения внутри космического корабля. ТЗ было выполнено с использованием малокадрового телевидения: системы «Енисей» (передача изображения обратной стороны Луны) и «Селигер» (для ТВ-обеспечения полета живых объектов).

Постановлением СМ СССР от 28.02.1958 г. (до окончания НИР) была поставлена новая задача – передача изображения обратной стороны Луны (научный руководитель И.Л. Валик, заместитель – П.Ф. Брацлавец), решенная аппаратурой «Енисей» 7 октября 1959 г. Этот факт отражает памятная доска на фасаде здания АО «НИИ телевидения». Параллельно шли работы по «Селигеру» (научный руководитель – И.Л. Валик, главный конструктор –

П.Ф. Брацлавец), разрабатывавшемся по плану ГКРЭ и по ТЗ от 2.07.1958 г. (подписано С.П. Королевым и М.В. Келдышем).

19.08.1960 г. на научно-измерительных пунктах (НИПах) получили первые в мире ТВ-изображения (100 строк, 10 кадров в секунду) живых объектов. 15.08.1960 г. Королев утвердил «Протокол по вопросам передачи ТВ-изображения в объекте “В-3”», предусматривавший повышенную четкость (400 строк при 10 кадрах в секунду). В ВНИИТ на основании Решения ВПК от 8.06.1960 г. и ряда других документов ГКРЭ от 10.02.1961 г. был открыт заказ «Ястреб».

Из-за задержки создания радиолинии (ОКБ МЭИ, гл. конструктор А.Ф. Богомолов) пришлось вернуться к 100-строчному разложению. Дорабатывалась и приемная аппаратура. Кроме основной системы синхронизации применили автономную (с ручной подстройкой фазы).

12 апреля 1961 г. по десятиминутной готовности осуществлено включение ТВ-аппаратуры. Подключена первая ТВ-камера. По пятиминутной готовности произошло переключение на вторую камеру, которая работала во время всего полета Гагарина, передавая изображение первого космонавта планеты на три НИПа. Материалы кинорегистрации полета, как и камеры, сопровождающие в полете Гагарина, хранятся в Музее телевидения АО «НИИТ».

Космическое телевидение, созданное в НИИ-380 по заказу С.П. Королева, положило начало его использованию как в беспилотной космонавтике («Енисей»), так и в пилотируемой («Селигер»).

Л.И. Золотинкина

Мемориальный музей А.С. Попова СПбГЭТУ «ЛЭТИ»

К 130-ЛЕТИЮ ПЕРВОГО ЭЛЕКТРОТЕХНИЧЕСКОГО ВУЗА РОССИИ

Празднование юбилеев несет на себе несколько функций. Периодический анализ полученных результатов работы коллектива дает возможность оценить правильность выбранного направления деятельности, эффективность затраченных сил, ресурсов, дать

стимул к продолжению движения в выбранном направлении или смены вектора движения. Публичное подведение итогов позволяет, уже в нравственном плане, поддерживать чувства преданности своему делу, уважения к коллегам, гордости за себя и свою организацию. Для вуза обязательное приглашение на юбилейные мероприятия лиц, имеющих полномочия и влияние на дальнейшее развитие, дает повод и возможность наиболее эффективно продемонстрировать как успехи, так и проблемы в достижении поставленных целей.

Итоги первых 10 лет, прошедшие с открытия в 1886 г. Технического училища Почтово-телеграфного ведомства, преобразованного в 1891 г. в Электротехнический институт (ЭТИ), показали высокий уровень подготовки его выпускников. В то же время была выявлена необходимость расширения круга изучаемых в ЭТИ предметов, перехода к выпуску инженеров по всем областям применения электричества: электросвязи, промышленной электротехнике, электроэнергетике, электрохимии. В 1899 г. ЭТИ был преобразован в вуз с 5-летним курсом обучения, выделены средства на строительство нового здания и его оборудование. К 25-летию юбилею в ЭТИ уже сформировались первые отечественные научные школы в области электросвязи, электроэнергетики, электрохимии. Основное внимание было уделено вопросам электроэнергетики, промышленной электротехники, являвшимся в то время для России наиболее актуальными.

В 1948 г. ЛЭТИ отметил очередной юбилей. За прошедшие годы институт был переориентирован на подготовку инженеров в области бурно развивавшихся новых направлений – радиотехники, электроники, приборостроения, систем управления. Представленный к юбилейной дате в правительство доклад с итогами деятельности института дал основание для выхода Постановления правительства, в котором высоко оценивалась учебная и научная деятельность коллектива ЛЭТИ, предусматривалось строительство новых зданий, создание Мемориального музея А.С. Попова.

Проведение последующих юбилеев (75, 100, 120 и 125 лет) корректировало концентрацию научных и образовательных усилий вуза на наиболее актуальных направлениях развития науки – телекоммуникациях, микро- и нанoeлектронике, компьютерных технологиях.

С.И. Левина
*Военно-исторический музей артиллерии,
инженерных войск и войск связи,
Санкт-Петербурге*

ПЕРВЫЙ НАЧАЛЬНИК ГЛАВНОГО УПРАВЛЕНИЯ СВЯЗИ КРАСНОЙ АРМИИ

В жизни Ивана Терентьевича Пересыпкина есть несколько знаменательных дат и событий, которые оказали огромное влияние на его жизнь. Одна дата – это 10 мая 1939 г. В это время в центральных газетах был опубликован Указ Президиума Верховного Совета СССР о назначении И.Т. Пересыпкина Народным комиссаром связи СССР. Другая дата – 5 августа 1941 г. Это время реорганизации Управления связи Красной Армии (УСКА) в Главное управление связи Красной Армии (ГУСКА). Первым начальником ГУСКА был назначен полковник И.Т. Пересыпкин.

Дата принятия этого государственного решения навсегда вошла в историю войск связи. Централизация руководства всеми силами и средствами связи позволила не только мобилизовать все имевшиеся в стране и армии материально-технические ресурсы, но и гибко ими маневрировать и рационально использовать в зависимости от складывавшейся обстановки на фронте и в тылу.

И.Т. Пересыпкину предстояло в военное время, занимая ключевые для управления страной и ее Вооруженными силами должности, многое пережить и много сделать в период активной обороны и контрнаступления Красной Армии. И.Т. Пересыпкин, как начальник ГУСКА, принимал решения касающиеся деятельности всей связи страны, приводил эти решения в исполнение, осуществлял контроль над их исполнением и нес персональную ответственность за работу управления.

За годы войны он 21 раз был на фронте, принимал участие в ее важнейших операциях. Иван Терентьевич всегда остро реагировал на сигналы о недостатках в работе связи и требовал обеспечения бесперебойной связи при любых условиях.

Вспомним, что в 2014 г. исполнилось 110 лет со дня рождения маршала войск связи Пересыпкина И.Т. Эту дату в ВИМАИВиВС отметили особо. Сотрудниками музея была подготовлена выставка,

посвященная деятельности И.Т. Пересыпкина. В экспозиции музея были представлены личные вещи маршала войск связи – это мундир, пистолет, удостоверение, награды, документы, книги, фотографии, сувениры, подаренные ему связистами в честь различных юбилеев.

И.Т. Пересыпкин прожил трудную жизнь. Он был одним из самых молодых наркомов СССР, талантливым государственным деятелем, решал сложнейшие задачи военного времени по организации связи в условиях войны. Заслуги И.Т. Пересыпкина перед страной и ее Вооруженными Силами огромны.

А.А. Мартынов

*Военно-исторический музей артиллерии,
инженерных войск и войск связи,
Санкт-Петербург*

А.С. ПОПОВ НА НЕГАТИВАХ ОТДЕЛА ФОНДОВ ВИМАИВиВС

16 марта 2016 г. исполнилось 107 лет со дня рождения изобретателя радио и основоположника радиотехники, величайшего русского ученого Александра Степановича Попова.

Музейное собрание Федерального бюджетного государственного учреждения культуры и искусства «Военно-исторический музей артиллерии, инженерных войск и войск связи» Министерства обороны Российской Федерации (ВИМАИВиВС) в своих фондах наряду с коллекциями оружейного собрания, хранящимися в них произведениями графики, живописи, скульптуры, декоративно прикладного искусства, фалеристики, медальерного искусства, обмундирования, снаряжения, знамён, предметов военно-инженерного искусства коллекции средств и комплексов связи имеет фонды негативов, к которым представлена коллекция дагерротипов (негативы на стеклянных носителях) с различными изображениями. Более ста дагерротипов из этой коллекции посвящены А.С. Попову. В докладе представлены негативы и фотографии, которые не были опубликованы в книге «Летопись жизни и деятельности Александра Степановича Попова», выпущенной Санкт-Петербургским

государственным электротехническим университетом «ЛЭТИ», а также опубликованные в материалах Центрального музея связи имени А.С. Попова.

В.К. Марченков

*Центральный музей связи имени А.С. Попова,
Санкт-Петербург*

О НЕГАТИВНОМ ВЛИЯНИИ НАУЧНЫХ ЭКСПЕРИМЕНТОВ НА ЗДОРОВЬЕ А.С. ПОПОВА

Имя талантливого русского физика, основоположника радиосвязи, профессора А.С. Попова (1859–1906) прекрасно известно не только в нашей стране, но и за ее пределами. Однако в жизнеописании А.С. Попова все еще остаются неисследованные моменты, которые требуют дальнейшего изучения историками и биографами. Один из таких моментов – ранний уход из жизни. Ученый умер от инсульта в возрасте 46 лет. В настоящем докладе с позиций современных научных знаний выдвигается гипотеза о негативном влиянии на здоровье А.С. Попова тех экспериментов, которые он проводил.

Современная медицина полагает, что на продолжительность жизни влияют: наследственная предрасположенность, врожденная патология, качество жизни, внешние факторы. Анализ жизни и деятельности А.С. Попова, позволил выявить несколько внешних техногенных факторов, которые могли оказать вредное влияние на здоровье ученого: радиоволны, рентгеновские и радиоактивные излучения, ртуть.

Для определения влияния облучения радиоволнами автором был произведен расчет плотности потока мощности излучаемой искровыми передатчиками и генераторами, с которыми работал А.С. Попов на протяжении жизни.

Для оценки влияния другого вредного излучения – рентгеновского, была подсчитана экспозиционная доза рентгеновского излучения, которую мог получить А.С. Попов во время опытов с рентгеновскими трубками. Также была определена степень вредно-

го влияния естественной радиоактивности солей радия, с которой экспериментировал А.С. Попов в последние годы жизни.

Детальный анализ аппаратного наследия А.С. Попова, которое автор настоящей статьи вот уже более четверти века изучает, работая в Центральном музее связи имени А.С. Попова в Санкт-Петербурге, позволил выявить еще один опасный фактор, с которым ученому приходилось контактировать в своей работе. Этим фактором была жидкая металлическая ртуть, которая в больших количествах присутствовала во многих физических приборах и радиоустройствах. В докладе оценивается уровень загрязнения ртутными парами воздуха помещений, в которых работал А.С. Попов, и определяется степень опасности, которой подвергался ученый.

Тернистый путь многих первооткрывателей новых явлений и устройств, в том числе и А.С. Попова, был связан с большим риском для здоровья и ранним уходом из жизни.

М.А. Партала

Мемориальный музей А.С. Попова СПбГЭТУ «ЛЭТИ»

К ИСТОРИИ ПОДГОТОВКИ СПЕЦИАЛИСТОВ ПО ЭЛЕКТРОСВЯЗИ В УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЯХ ОДЕССЫ (КОНЕЦ XIX – НАЧАЛО XX в.)

Вопросы формирования в императорской России системы специальных средних и низших учебных заведений, осуществлявших подготовку в области электротехники и электросвязи, очень скупо представлены в отечественной историографии.

Как свидетельствуют многочисленные источники, одним из местных центров подготовки специалистов данного профиля в конце XIX – начале XX в. была Одесса. Уже в конце 1880-х гг. здесь был инициирован вопрос об учреждении при Одесском городском шестиклассном училище (ул. Старопортофранковская, д. 16) почтово-телеграфного класса (ПТКл). Идея нашла поддержку, но недостаточная учебно-материальная база ПТКл давала повод для скептических оценок (предлагалось, например, основное внимание

уделить изучению иностранных языков, необходимых будущим телеграфистам).

Однако вскоре учебному процессу в ПТКл был задан новый вектор развития, существенно изменивший роль и место этого учебного подразделения в системе подготовки специалистов по электросвязи для Юга России. В 1897 г. при ПТКл была учреждена учебная мастерская «для приготовления телеграфных надсмотрщиков» (ПСЗ. № 14609 от 3.11.1897). А уже в 1903 г. вместо ПТКл были учреждены при Одесском городском шестиклассном училище почтово-телеграфные курсы (ПТК) (ПСЗ. № 22728 от 24.03.1903). Полный курс ПТК включал три года. Лица, успешно окончившие 1-й курс, получали право занимать по Почтово-телеграфному ведомству должности чиновников VI разряда и надсмотрщиков низшего оклада, а окончившие 2-й курс – чиновников V разряда и надсмотрщиков высшего оклада. Окончившие полный курс получали право занимать должности младших механиков. «География» службы выпускников Одесских ПТК была весьма обширной.

Заметный след в истории электротехнического образования в России оставила также Одесская электротехническая школа Б.И. Соколовского. Школа являлась частным учебным заведением. Она была основана в 1899 г. и располагалась по адресу ул. Ольгиевская, д. 11/9 (угол ул. Херсонской). В 1904 г. устав школы был утвержден Министром народного просвещения (МНП). Курс школы составлял 4 учебных года, после завершения которых предусматривалась шестимесячная специальная практика. Ученики школы носили форменную одежду, имевшую отличительный знак «Э.Т.Ш.С.».

В декабре 1899 г. Б.И. Соколовский выступил с докладом о своей школе на Первом Всероссийском Электротехническом Съезде (в материалах Съезда он показан как Б.Е. Соколовский). К сожалению, текст доклада не был представлен для опубликования, и не вошел в Сборник материалов Съезда. Во время русско-японской войны (1904–1905) питомцам школы была разрешена служба на театре военных действий «в качестве телеграфистов, надсмотрщиков, электро-осветителей и других специальностей, соответственно их подготовке» (см.: Приказ по Военному ведомству № 159 от 9.03.1904).

В 1905 г. ЭТШС прекратила свое существование, а по её адресу возникло новое учебное заведение – Одесское частное электротехническое восьмиклассное училище 1-го разряда приват-доцента В.П. Гадзяцкого. Учебное заведение принадлежало к разряду средних технических училищ, соединенных со школой общего образования, и находилось в ведении МНП. В 1909/1910 уч. году училище В.П. Гадзяцкого по предложению МНП было преобразовано в частное среднее техническое (по специальности электротехнической) училище нормального 4-х классного состава (с соединением приготовительного класса).

Материалы по истории этих учебных заведения Одессы представляют безусловный интерес в плане воссоздания общей картины формирования системы подготовки специалистов в области электрической проводной связи в России на рубеже XIX–XX вв.

В.М. Пестриков

*Санкт-Петербургский государственный институт кино
и телевидения*

М.В. Пестрикова

Санкт-Петербургский институт управления и экономики

ВКЛАД ВИКТОРА ИОСИФОВИЧА ВОЛЫНКИНА В ОТЕЧЕСТВЕННУЮ РАДИОЭЛЕКТРОНИКУ

26 октября 2016 г. исполняется 125 лет со дня рождения известного русского радиотехника Виктора Иосифовича Волынкина. Он родился в Новороссии в 1891 г. В 1909 г. окончил Екатеринославское коммерческое училище со званием кандидата коммерции и золотой медалью. В том же году поступил в Петербургский Политехнический институт на электромеханическое отделение.

Будучи студентом, работал четыре лета подряд в службе телеграфа Екатерининской железной дороге (Екатеринославская губерния). После окончания института Волынкин в начале работал на ламповом заводе «Светлана», а потом перешел на Радиотелеграфный завод Морского ведомства на должность помощника начальника лаборатории. Через некоторое время он стал начальником

лаборатории и в этой должности находился до 6 декабря 1924 г. На Радиозаводе особое внимание уделял электронным лампам. В 1922 г. организовал мелкосерийное производство ламповых триодов Р-5 («Реле, разработка № 5») с горизонтальным расположением электродов, цилиндрическим анодом и вольфрамовым катодом.

В 1923 г. В.И. Волынкин создал первый промышленный образец советской электронной лампы, который демонстрировался на Первой Всесоюзной сельскохозяйственной выставке в Москве.

В.И. Волынкин наряду с технологическими вопросами производства радиоламп занимался и научными исследованиями по их совершенствованию. Основная область его научных интересов была связана с исследованием причин, влияющих на срок службы электронной лампы, то есть период времени, в течение которого работающая лампа сохраняет свойства, удовлетворяющие условиям эксплуатации. В этом направлении были получены фундаментальные результаты, которые нашли применение в области радиоэлектроники.

Имя В.И. Волынкина занимает достойное место в плеяде русских ученых радиотехников, наряду с Н.Д. Папалекси, М.А. Бонч-Бруевичем и др., внесших большой вклад в развитие отечественной радиоэлектроники.

В.А. Попов, И.А. Селезнев

АО «Концерн «Океанприбор», Санкт-Петербург

ОБ ИСПОЛЬЗОВАНИИ ИНОСТРАННЫХ РАЗРАБОТОК В ПЕРВЫХ ОБРАЗЦАХ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ГИДРОАКУСТИЧЕСКОЙ ТЕХНИКИ (К 90-ЛЕТИЮ ПЕРВОЙ СОВЕТСКОЙ ПРОГРАММЫ ВОЕННОГО КОРАБЛЕСТРОЕНИЯ)

При осуществлении индустриализации страны в первые годы советской власти, развитие оборонно-промышленного комплекса (ОПК) явилось ответом на прямую внешнюю угрозу от капиталистических стран. 26 ноября 1926 г. Советом Труда и Оборона была утверждена первая советская шестилетняя программа военного кораблестроения. В ее основу легла оборонительная воен-

но-морская доктрина. Предусматривалась в том числе постройка 12 подводных лодок и 18 сторожевых кораблей, оснащенных гидроакустическими приборами связи и наблюдения. Советское руководство возлагало большие надежды на военно-экономическое сотрудничество с Германией, в 1926 г. было принято решение об углублении кооперации с немецкой промышленностью. С одной стороны, знакомясь с зарубежными достижениями в области гидроакустики, руководители понимали необходимость разработок отечественных приборов для обеспечения нужд строящегося флота. С другой стороны, у государства не было ни средств, ни научно-технических возможностей для решения этой проблемы. Поэтому Революционный военный совет принял ряд важных решений по совершенствованию и усилению военно-технической разведки. Главное внимание уделялось добыванию информации и образцов техники, позволяющих изучать перспективную иностранную боевую технику, а также технологии их производства на предприятиях военной промышленности. Было принято обоснованное решение закупать зарубежную аппаратуру у немцев и англичан, производить техническое копирование на наших вновь создаваемых предприятиях, консультируясь по возможности с зарубежными специалистами. С учетом этого научно-технический комитет Морских сил поручил академику А.Н. Крылову, закупить ряд образцов гидроакустической техники за границей. История развития гидроакустического вооружения в России после революции и до момента создания собственного его серийного производства может быть разделена на три периода: 1918–1928 гг. – попытки создания собственного гидроакустического вооружения с привлечением специалистов дореволюционной школы; 1928–1932 гг. – закупка зарубежного гидроакустического вооружения, в основном немецкого производства, его изучение и копирование; с 1933 г. – создание собственного производства гидроакустического вооружения на базе скопированных образцов.

Е.А. Фролова

*Центральный музей связи имени А.С. Попова,
Санкт-Петербург*

ОБ ИСТОРИИ «ПОЧТОВО-ТЕЛЕГРАФНОГО ЖУРНАЛА»

«Почтово-телеграфный журнал» – официальный ведомственный орган Главного управления почт и телеграфов (ГУПиТ). Издавался с 1884 по 1917 гг. в Санкт-Петербурге, потом до 1919 г. в Москве как орган Народного комиссариата почт и телеграфов. Предшественники: «Сборник распоряжений по Телеграфному ведомству» (1873–1883) и «Сборник распоряжений по Главному управлению почт и телеграфов» (1884–1887).

«Почтово-телеграфный журнал» (ПТЖ) – важный источник по истории отечественной связи, широко используется исследователями, однако история самого журнала практически не изучена. Документы из Российского государственного исторического архива и отчёты, публиковавшие ПТЖ, проливают новый свет на историю журнала.

Основатель издания Н.Е. Славинский пробыл на посту редактора ПТЖ бессменно до 1911 гг. В 1911 г. его заменил М.Ю. Шедлинг, бывший главным редактором до 1919 г. В разные годы номера выходили за подписью И.Л. Теодоровича, Н.А. Яблоновского-Снадзского. Официальных данных о существовании редколлегии нет, однако был круг авторов, регулярно печатавшихся в журнале.

В штате журнала отсутствовал корректор, эту обязанность выполнял кто-то из сотрудников ГУПиТ за дополнительную плату. Известно, что в 1900-х гг. первую корректуру журнала вычитывал С.М. Лихачёв, отец Д.С. Лихачёва. В 1911 г. он был переведен в Одесский почтово-телеграфный округ. Прошение о назначении корректором подали пятеро чиновников ГУПиТ, в т.ч. Яблоновский-Снадзский и И.Л. Теодорович. Последнему и была поручена обязанность вычитывать корректуру.

В 1887–1890 гг. в ПТЖ публиковались отчёты об издании журнала. На печать тратилось от 11 до 12,5 тыс. р. Прибыль составляла от 1,5 до 2,5 тыс. р. за счёт платных подписчиков, дополнительной рассылки старых номеров и отправки за границу. В отчётах не указаны затраты на гонорары авторам, – только

набор, корректура и перевёрстка, печатание чертежей, набор таблиц и стоимость бумаги. Бумага, набор и чертежи стоили дороже всего.

Тираж ПТЖ составлял от 7,5 до 8 тыс. экз. Примерно 7,4–7,6 тыс. всегда расходились. Платно доставлялось не больше 300 экз. ежегодно. Журнал рассылался бесплатно в почтово-телеграфные округа и учреждения ГУПит (около 6,8 тыс. экз.), губернаторам и генерал-губернаторам, в библиотеки и редакции различных периодических изданий. В конце года по учреждениям, которым ПТЖ доставлялся бесплатно, рассылалась просьба указать, сколько экземпляров обоих отделов им требуется в следующем году. Официальный отдел обычно был более востребован, чем Неофициальный.

В редакцию ПТЖ приходило множество просьб от редакторов изданий различной тематики разместить рекламу их журналов или газет и обмениваться номерами. Также редакция зачастую удовлетворяла просьбы различных технических учебных заведений выслать им ПТЖ бесплатно.

О.В. Фролова

*Центральный музей связи имени А. С. Попова,
Санкт-Петербург*

**ТЕЛЕФОН В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ –
ПУТЬ К ОБЩЕДОСТУПНОСТИ
(К 140-ЛЕТИЮ ИЗОБРЕТЕНИЯ ТЕЛЕФОНА)**

Доклад посвящен ключевым вехам в истории отечественной телефонной связи, связанным с повышением доступности этого вида связи в нашей стране. До изобретения телефона все виды связи (почта и телеграф) в Российской империи являлись сферой государственного предпринимательства и жестко регулировались государственными органами. Телефонная связь была единственной областью, куда были допущены частные предприниматели. Потребовались десятилетия для того, чтобы телефон сделался частью повседневной жизни. На это повлияли накопленный опыт

эксплуатации и организации телефонных сетей, рост потребностей общества в доступной и оперативной связи и революционные потрясения. Шел этот процесс по нескольким направлениям.

Либерализация государственной политики в области телефонной связи в конце XIX – начале XX вв. позволила расширить круг предпринимателей, допущенных в область строительства и эксплуатации телефонных сетей: частные предприниматели, общества и органы самоуправления. Это вызвало стремительный рост количества городских телефонных сетей и телефонизацию сельской местности (земские телефонные сети). С 1904 г. оживилось строительство междугородных линий.

Повлияло также постепенное смягчение законодательных ограничений для предпринимателей и изменение тарифной политики, которое выразилось в снижении тарифов на годовые абонементы на городских телефонных сетях (ГТС), появление гибких тарифов для разных категорий абонентов.

Большое значение имели создание общедоступных переговорных пунктов и внедрение таксофонов (телефонов-автоматов). Последние широко использовались в сельской местности на земских телефонных сетях.

Немало способствовали процессу развитию телефонной техники, упрощение и удешевление телефонных аппаратов, развитие отечественного производства.

В.Д. Цукор

Музей истории ПАО «Центральный телеграф», Москва

МУЗЕЙНЫЙ КАЛЕНДАРЬ-2016: К 30-ЛЕТИЮ МУЗЕЯ ИСТОРИИ ПАО «ЦЕНТРАЛЬНЫЙ ТЕЛЕГРАФ»

В конце 2015 г. Музей истории ПАО «Центральный телеграф» отметил свой юбилей – 30 лет со дня основания. На Центральном телеграфе прошли разнообразные мероприятия, посвященные юбилею музея. В качестве наглядной летописи, отражающей историю и деятельность музея, был издан Музейный календарь на ноябрь-декабрь 2015 и 2016 год.

Первая страница календаря (ноябрь 2015 г.) посвящена созданию музея, вторая (декабрь 2015 г.) – открытию обновленного музея в 2005 г. На последующих страницах календаря отражены важнейшие направления работы музея в период 2005–2015 гг.: сохранение традиций, профориентация, сохранение и популяризация исторического наследия отрасли.

Январь 2016 г. Ветераны и сотрудники компании, специалисты отрасли связи, клиенты и партнеры в Музее истории Центрального телеграфа.

Февраль 2016 г. Школьники, студенты и практиканты в Музее Центрального телеграфа.

Март. Выставки в Музее истории Центрального телеграфа.

Апрель. Выездные экспозиции Музея истории Центрального телеграфа.

Май. Музей истории Центрального телеграфа в системе профильных и технических музеев столицы и страны.

Июнь. Встречи с коллегами-музейщиками в Музее истории Центрального телеграфа.

Июль. Корреспонденты телевидения и радио, журналов и газет в Музее Центрального телеграфа.

Август. Экспонаты Музея Центрального телеграфа в кино.

Сентябрь. Образ «старого» телеграфиста в жизни и в кино.

Октябрь. Экскурсионные объекты Музея истории Центрального телеграфа: кросс, электрочасовая станция, башенные часы, дизельная и глобус.

Ноябрь. Историческая реконструкция телеграфных аппаратов П.Л. Шиллинга и Клопфер.

Декабрь. Дарители и помощники Музея истории Центрального телеграфа, способствующие пополнению музейных коллекций.

На последней, оборотной странице календаря в шуточной форме показаны «враги» телеграфа и телефона, вернее, телеграфных столбов и проводов: молния, гололед и сильный ветер; жучки и термиты; «вольные стрелки» по изоляторам; охотники за металлом; птицы, которые выдалбливают в столбах свои гнезда.

В.В. Ежова

*Санкт-Петербургский национальный исследовательский
университет информационных технологий,
механики и оптики*

ОСНОВЫ КОМПОЗИЦИИ ОПТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ ОБЪЕКТИВА

Результаты исследований, выполнявшихся М.М. Русиновым на протяжении многих десятилетий (начиная с 30-х годов прошлого века) по сути дела определили создание русской оптической школы композиции оптических систем. Эта школа трудами ее создателя Михаила Михайловича Русинова и его учеников прошла стадию становления и продолжает успешно развиваться. Разработка современных оптических систем, при приемлемой трудоемкости изготовления удовлетворяющих непрерывно растущим требованиям к светосиле и угловому полю изображаемого пространства, к качеству изображения, к непрерывно расширяющемуся многообразию функционального назначения и т.п., требует глубокого исследования габаритных и аберрационных свойств широкой номенклатуры оптических элементов, используемых в качестве базовых или коррекционных при разработке оптических систем соответствующего назначения.

Известный немецкий оптотехник Макс Берек в книге «Основы практической оптики» писал: «...Значение теории в том, что она в частичных коэффициентах дает нам средство систематически изучать и изменять действия поверхностей оптической системы. <...> Практически для конструктора чрезвычайно важно знать наперед, чего можно ожидать от системы в отношении ее качеств и стоит ли её тонко корректировать». Оценка теории аберраций третьего порядка в научной школе композиции оптических систем вполне согласуется с приведенным обоснованием ее применения М. Берекком. Учитывая изложенные соображения, в качестве эффективного инструмента для выполнения исследований элементов оптических систем в рассматриваемом случае приняты соотношения теории аберраций третьего порядка.

Полученные результаты исследования свойств отдельных линз позволили определить метод построения и расчета оптических систем типовых объективов. Широкое применение вычислительной техники для решения задач проектирования оптических систем и их изготовления не только определило возможность решения этих задач, но и определило необходимость разработки новых методов проектирования оптических систем и новых технологий контроля и аттестации при их изготовлении. В конечном счете, это привело к созданию компьютерных технологий в оптике.

К.В. Ежова, Т.В. Точилина

*Санкт-Петербургский национальный исследовательский
университет информационных технологий,
механики и оптики*

ОТ ЛУНЫ ДО ОБЪЕКТИВОВ ПЕРЕМЕННОГО ФОКУСНОГО РАССТОЯНИЯ

Линза, формирующая увеличенное изображение наблюдаемого предмета, была первым инструментом, расширяющим зрительные возможности глаза. Изменение расстояния между предметом и линзой при определённом расстоянии между предметом и глазом наблюдателя приводит к изменению видимого увеличения изображения наблюдаемого предмета. Таким образом, лупа представляет собой простейшую естественным образом воспринимаемую панкратическую систему.

В 1610 г. итальянский ученый Галилео Галилей построил сложный микроскоп, состоящий из собирающего объектива и рассеивающего окуляра. При этом Галилей показал, что изменение расстояния между объективом и окуляром микроскопа приводит к изменению увеличения.

В 1747 г. действительный член Петербургской академии наук Леонард Эйлер (1707–1783) предложил идею создания ахроматического объектива микроскопа. В 1784 г. была опубликована работа действительного члена Петербургской академии наук Франца Ульриха Теодора Эпинуса (1724–1802): «Ахроматический микроскоп

новой конструкции, пригодный для рассматривания объектов в свете, отраженном их поверхностью». В укомплектованном шестью сменными объективами ахроматическом микроскопе Ф. Эпинуса предусмотрена возможность плавного изменения увеличения за счёт изменения расстояния между предметом и изображением (длины тубуса).

В 1920 г. в ГОИ была организована опtotехническая лаборатория, которая почти сразу же приступила к разработке зрительной трубы переменного увеличения.

Появление значительного числа объективов переменного фокусного расстояния относится к середине 50-х годов прошлого века. Первый фотообъектив переменного фокусного расстояния «Фойхтлендер-Зумар», получивший мировую известность, был разработан в 1959 г. и изготовлялся фирмами «Фойхтлендер» (Германия) и «Зумар» (США). Аналогичный объектив «Рубин-1» был разработан и рассчитан в ГОИ профессором Д.С. Волосовым, а изготовлен на Красногорском механическом заводе в 1963 г.

Проблема создания оптики для камер вещательного телевидения определилась в конце 60-х годов прошлого века. Практически все вариообъективы для съёмочных камер цветного телевидения в России были разработаны сотрудниками профессора Г.Г. Слюсарева. К Московской Олимпиаде 1980 года в ГОИ был рассчитан, а в ЛОМО изготовлен вариообъектив ОЦТ35Х13М с очень высокой для тех лет кратностью изменения фокусного расстояния, предназначенный для работы в составе студийно-внестудийной камеры КТ-178 (размер изображения 16 мм).

В.А. Зверев

*Санкт-Петербургский национальный исследовательский
университет информационных технологий,
механики и оптики*

ЛЕОНАРД ЭЙЛЕР И СОВРЕМЕННАЯ ФИЗИКА

Великий математик Леонард Эйлер был самым выдающимся оптиком своего времени. Теоретические основы учения о свете были

сформулированы им впервые в «Диссертации об огне, его природе и свойствах», премированной в 1738 г. Парижской академией. В 1747 г. действительный член Петербургской академии наук Л. Эйлер (1707–1783) предложил идею создания ахроматического объектива микроскопа. Фундаментальная работа Л.Эйлера в области геометрической оптики нашла отражение в его трехтомной «Диоптрике», вышедшей в 1769–1771 гг. «Письма к немецкой принцессе о различных физических и философских материях» занимают особое место в научном наследии Леонарда Эйлера.

Великий Ньютон «...утверждал,– писал Эйлер,– что солнечные лучи представляют собой часть субстанции Солнца, которая действительно отделяется от него в виде мельчайших частиц; последние распространяются вокруг и несутся со столь невероятной скоростью, что проходят расстояние от Солнца до нас примерно за 8 минут. Это мнение, которого придерживается в настоящее время большинство философов, в особенности англичане, называется теорией истечения,...». В результате обстоятельного анализа теории истечения Л. Эйлер пришёл к выводу о необходимости «...согласиться со следующими двумя положениями: первое – что промежутки между небесными телами заполнены тончайшей материей, и второе – что лучи не являются эманацией Солнца и других светящихся тел, выбрасывающей часть их вещества, как это утверждал Ньютон. Эта тончайшая материя, заполняющая всё пространство между небесными телами, называется эфиром». При этом свет есть не что иное, как «возбуждение», или «сотрясение», эфира, который находится повсюду благодаря своему свойству проникать во все тела. Однако эти тела различным образом влияют на падающие на них лучи в зависимости от того, передают ли они световые колебания дальше или задерживают их распространение.

Принятые положения непостижимую скорость распространения света позволяют объяснить необычайной тонкостью эфира, сочетающейся с удивительной упругостью.

Уже с половины 40-х гг. XVIII столетия Л. Эйлер выступал в своих оптических сочинениях против теории истечения, а в работах о строении материи – против *actio in distans*. И те, и другие явления он объяснял существованием эфира, заполняющего всю вселенную. При ознакомлении с «Письмами к немецкой принцессе

о различных физических и философских материях» возникает естественная мысль о том, что весь мир построен из эфира в виде многообразия его структурных состояний.

И.А. Карасёва, И.Н. Тимошук

*Санкт-Петербургский национальный исследовательский
университет информационных технологий,
механики и оптики*

ЭРГОНОМИКА И ОПТОТЕХНИКА ЗРИТЕЛЬНОГО ВОСПРИЯТИЯ НАБЛЮДАЕМЫХ ПРЕДМЕТОВ

В одном из своих «размышлений», написанных приблизительно в 1578 г., но опубликованных лишь в 1882 г., П. Сарпи, напоминая, что видимые размеры предмета зависят от угла, под которым он виден, добавляет, что на это влияют также «...очки, и другие прозрачные предметы, которые увеличивают или уменьшают предметы, просто увеличивая или уменьшая угол зрения». Воспринимаемая величина наблюдаемых предметов зависит и от их расположения в плоскости наблюдения. При этом предполагается, что изображения наблюдаемых предметов одинаково резкие, т.е. наблюдаемые предметы располагаются относительно наблюдателя в пределах глубины резкости. Заметим, что все предметы, расположенные в пределах глубины резкости, при наблюдении воспринимаются расположенными в одной плоскости. Глубина резкости тем больше, чем меньше диаметр входного зрачка и чем дальше расположен наблюдаемый предмет. Наилучшие условия наиболее четкого наблюдения объектов имеют место при диаметре зрачка глаза, равном 2–4 мм.

Весьма важными движениями глаз при бинокулярном зрении являются сведение (конвергенция) и разведение (дивергенция) зрительных осей. Аккомодация и конвергенция вызываются одной причиной – приближением или удалением наблюдаемого объекта, вследствие чего они взаимосвязаны. Аккомодация – способность глаза перефокусировать изображение в зависимости от расстояния до изображаемого предмета. Исследования, выполненные А. Арньюльфом, показали, что предельные значения полезного

видимого (углового) увеличения изображения, образованного оптической системой микроскопа, определяются диапазоном $500A \leq \Gamma_m \leq 1000A$, где $A = n \sin \sigma$.

При наблюдении, например, с помощью бинокля при угловом увеличении, превышающем единицу, наблюдаемые предметы воспринимаются естественной (привычной) величины, но на заметно более близком расстоянии. При этом глубина резко изображаемого пространства предметов начинается с расстояния (в м), равного квадрату входного зрачка (в мм) бинокля. При проектировании наблюдательных бинокулярных приборов для усиления стереоскопического эффекта расстояние между входными зрачками прибора (база прибора) существенно превосходит расстояние между зрачками глаз (глазную базу). При этом расхождение конвергенции визирных осей и аккомодацию глаз необходимо удерживать в «зоне комфорта», равной ± 1 дптр.

Г.В. Карпова, Н.Д. Толстоба

*Санкт-Петербургский национальный исследовательский
университет информационных технологий,
механики и оптики*

КОНСТРУКТОРСКО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКАЯ ПОДГОТОВКА ИНЖЕНЕРНЫХ КАДРОВ В ЛЕНИНГРАДСКОМ ИНСТИТУТЕ ТОЧНОЙ МЕХАНИКИ И ОПТИКИ

Ленинградский институт точной механики и оптики (ЛИТМО), как высшее учебное заведение, был основан в 1930 г. Подготовка специалистов на кафедрах всех его трёх факультетов до начала 1970-х гг. велась в основном по «видам приборов»: оптическим, точной механики, гироскопическим, радиотехническим, вычислительной техники. Независимо от получаемой специальности все студенты в большом объёме получали знания по конструированию и технологии производства, так как выпускники были нацелены на создание разнообразной приборостроительной техники на многочисленных предприятиях и в отраслевых научно-исследовательских институтах. Во всех этих организациях существовали

конструкторские бюро (КБ), технологические отделы (ТО), научно-исследовательские лаборатории (НИЛ), производственные и опытно-производственные подразделения (ПП), где трудились выпускники ЛИТМО. Накопленный к этому времени опыт показал, что многие из них чаще всего работают не по специальности, связанной с видом приборов, но связанной с «родом деятельности»: конструкторами, технологами (производственниками) или исследователями. Подобная ситуация была и с выпускниками других вузов. В связи с этим, по инициативе Государственного Оптического Института (ГОИ) им. С.И. Вавилова, курирующего подготовку инженерных кадров в области оплотехники и ряда передовых оптических заводов (ЛОМО, КМЗ и др.), Министерство высшего и специального образования СССР поручило ЛИТМО разработать учебные планы, направленные на подготовку специалистов по роду деятельности выпускников.

Такие учебные планы в 1975 г. были разработаны. Кафедры переориентировали подготовку выпускников по роду их будущей деятельности. Например, была создана кафедра «Конструирование и производство оптических приборов», которая стала готовить инженеров-конструкторов и технологов (мастеров) для сборки и юстировки оптической техники. Заметим, что несмотря на то, что в «новых» учебных планах были усилены дисциплины по будущему роду деятельности выпускника, общая подготовка специалистов по конструкторско-технологической деятельности (в отличие от современных учебных планов) оставалась значительной.

В.К. Кирилловский

*Санкт-Петербургский национальный исследовательский
университет информационных технологий,
механики и оптики*

КОГДА ПРИЗВАНИЕ СТАНОВИТСЯ СУДЬБОЙ

В 1962 г. после окончания ЛИТМО Татьяна Александровна Иванова получила направление на работу в Главную Астрономическую (Пулковскую) обсерваторию АН СССР. Творческая нату-

ра Татьяны Александровны требовала конкретного приложения профессиональных знаний, что привело её в 1964 г. на работу в ЦКБ ЛОМО. С первых шагов работы в ЛОМО пытливым ум Татьяны Александровны позволил ей заявить о себе как о ведущем разработчике оптических систем микроскопов различного назначения. Разработка оптических систем объективов-апохроматов поляризационных микроскопов требовала применения материала, подобного флюориту. Благодаря ее инициативе было разработано фторфосфатное стекло, послужившее основой разработки особого крона марки ОК4, производство которого освоено Лыткаринским заводом оптического стекла.

Доктором технических наук Татьяной Александровной совместно с такими специалистами, как профессора Андреев Л.Н. и профессор Грамматин А.П. был разработан полный комплект микрообъективов самого высокого класса, не уступающих по своим характеристикам зарубежному уровню. В основу разработки конструкции оптических систем микрообъективов Татьяной Александровной были положены принципы русской научной школы композиции оптических систем, основы которой были заложены трудами её учителя профессора Русинова М.М. Татьяна Александровна на протяжении длительного времени занималась вопросами проектирования оптических систем переменного увеличения. В частности, на базе применения панкратического коллектива ею был разработан набор окуляров переменного фокусного расстояния, экранная насадка, фотовизуальная насадка и оптическая система подарочного варианта зрительной трубы с восьмикратным перепадом увеличения.

Татьяной Александровной была разработана оптическая система телескопов космического базирования с главным зеркалом диаметром 1,5 м.

Талантливый ученый и инженер-конструктор, Татьяна Александровна свою научную и производственную деятельность успешно совмещала с преподаванием (доцент, профессор) на созданной в 1978 г. базовой кафедре ЛИТМО при ЛОМО. На ее счету более 50 научных трудов.

Ветеран труда, дважды победитель социалистического соревнования, в 1974 г. Татьяна Александровна была награждена орденом «Знак почета», в 1982 г. была удостоена звания лауреата премии

Совета Министров СССР, за создание образцов новой техники была награждена золотой и серебряной медалями ВДНХ. 20 февраля 1990 г. ее не стало.

С.М. Латыев

*Санкт-Петербургский национальный исследовательский
университет информационных технологий,
механики и оптики*

ИНЖЕНЕРНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОЗДАНИЯ СОВРЕМЕННОГО ОПТИЧЕСКОГО ПРИБОРА

Во второй половине прошлого века получило развитие оптико-электронное приборостроение. Оптико-механический прибор превратился в сложный комплекс функционально увязанных оптических устройств, жестких корпусных элементов и узлов точной механики, оснащенный чувствительной в видимой и инфракрасной области спектра фотоприемной системой с электронной обработкой информации и компьютерной системой автоматического управления. Наряду с традиционными конструкционными материалами сегодня имеем достаточно широкий набор пластмасс и композитных материалов. Выбор материала в виде листов, прутков, труб, поковок, отливок и т.п. определяется не только технологическими проблемами изготовления деталей, но и предполагаемой серийностью производства приборов.

Технический уровень разработки отдельных функциональных узлов определяется уровнем профессиональных знаний инженеров, разработчиков соответствующих устройств. Однако главной фигурой в создании нового прибора всегда был и будет конструктор. Именно конструктор определяет компоновку функциональных узлов в единое целое, обеспечение требуемого качества изображения и требуемые значения выходных параметров, возможность сборки их с требуемой точностью. Для решения этих задач он должен хорошо знать не только основы конструирования, но и оплотехнику оптических приборов, уметь оценить качество изображения, знать и понимать зависимость качества изображения

от конструктивных параметров оптической системы, знать основы сборки и юстировки оптических приборов, поскольку разработанная им конструкция прибора должна обладать удобством сборки и необходимыми юстировочными подвижками.

В последней четверти прошлого века нашел применение и получил развитие так называемый метод функционально-стоимостного анализа разработанной конструкции прибора, смысл которого сводился к оценке функциональной и экономической целесообразности применения тех или иных материалов, элементной базы, конструкторских и технологических решений и т.д., т.е. к оценке необходимых и достаточных затрат на создание, производство, эксплуатацию и ремонт будущего прибора. Таким образом, в задачу конструктора входит не только создать оптический прибор как инструмент для решения широкого круга задач, но, прежде всего, создать товар со всеми характерными для него свойствами. Даже достаточно кратко перечисленный и поверхностно изложенный перечень проблем, которые должен решать конструктор, показывает сложность задачи подготовки таких специалистов.

Н.К. Мальцева

*Санкт-Петербургский национальный исследовательский
университет информационных технологий,
механики и оптики*

**НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ ЦЕНТР
«МУЗЕЙ ИСТОРИИ УНИВЕРСИТЕТА ИТМО»**

Университет ИТМО – высшее учебное заведение с большим историческим прошлым, и поэтому имеющее свои традиции, как в учебном процессе, так и в остальных сферах деятельности. Чтобы сохранить все то, что таится за словами «более века», в 2006 г. был открыт научно-образовательный центр «Музей истории Университета ИТМО», в экспозиции которого можно увидеть документы, фотографии, приборы и другие исторические «артефакты», наглядно иллюстрирующие 115-летний путь университета.

13 марта 1900 г. по старому (26 марта по новому стилю) Император Николай II утвердил решение Государственного Совета об учреждении Механико-оптического и часового отделения в составе Ремесленного училища цесаревича Николая. В соответствии с этим решением было создано принципиально новое особое пятиклассное учебное заведение для подготовки квалифицированных мастеров по точной механике и оптике. В дальнейшем механико-оптическое и часовое отделение РУЦН было реорганизовано сначала в самостоятельное учебное заведение – среднее политехническое училище (1917), на основе которого в 1920 году был открыт техникум точной механики и оптики повышенного типа с правом выпуска инженеров узкой специализации. В 1925 г. в техникуме была начата подготовка инженеров-приборостроителей, первый выпуск которых состоялся в 1931 г.

В 1930 г. техникум был реорганизован в Учебный комбинат точной механики и оптики, в который в качестве одной из его составляющих входил Ленинградский институт точной механики и оптики (ЛИТМО). Директором комбината был К.Ф. Мейер. В 1933 г. институт был выделен из комбината в самостоятельное учебное заведение (директор – А.В. Бахшинов).

В первый месяц после начала Великой Отечественной войны директором ЛИТМО С.А. Шикановым по согласованию с администрацией города было найдено правильное решение: наш приборный институт стал филиалом артиллерийской рембазы № 75 Ленинградского военного округа (позже ставшей рембазой Ленфронта). Всю войну работала военно-ремонтная база, вписала славную страницу в историю нашего института: она принесла большую помощь воинам Ленфронта, вернув в строй многие тысяч необходимых действующей армии оптических приборов».

За годы своей деятельности ЛИТМО развивался как технический вуз с подготовкой инженеров по широкому кругу специальностей. Здесь был создан ряд авторитетных научных школ, которые на протяжении десятилетий лидируют в важнейших областях науки и техники. В 1980 г. институт за заслуги в подготовке высококвалифицированных кадров для народного хозяйства страны и развитии научных исследований был награжден орденом Трудового Красного Знамени.

В 1994 г. институту по итогам Государственной аттестации был присвоен статус технического университета, и он был переименован в Санкт-Петербургский государственный институт точной механики и оптики (технический университет). Университет стал преемником Ленинградского института точной механики и оптики (ЛИТМО). С 2011 г. учебное заведение носит название Санкт-Петербургский национальный исследовательский университет информационных технологий, механики и оптики (Университет ИТМО) (ректор – член-корреспондент РАН В.Н.Васильев). Программа развития Университета ИТМО как национального исследовательского университета была в большей степени акцентирована на исследовательской и предпринимательской компонентах. В 2013 г. Университет ИТМО вошел в состав группы из 15-ти российских вузов, ставших победителями конкурсного отбора на право получения специальной субсидии на реализацию мероприятий, которые будут способствовать продвижению вузов в международных рейтингах.

СЕКЦИЯ «ИСТОРИЯ АВИАЦИИ И КОСМОНАВТИКИ»

Г.В. Галли

*Санкт-Петербургский государственный университет
гражданской авиации*

ХРОНОЛОГИЯ ПЕРВЫХ ПОЛЕТОВ В РОССИИ С ВОДЫ: 1912 г.

В последнее время существуют споры о том, какую дату считать днем рождения морской авиации России. Особенно это актуально в 2016 г., в котором морской авиации России исполняется 100 лет согласно официальной истории Министерства обороны РФ. Она свидетельствует, что 4 июля (17 июля по новому стилю) 1916 г. на Балтике произошел воздушный бой четырех самолетов с гидроавиатранспорта «Орлица» с четырьмя германскими самолетами. Через 80 лет после данного события приказом Министра обороны РФ № 253 от 15.07.1996 г. 17 июля 1916 г. было провозглашено Днем рождения Морской Авиации России.

Однако некоторые историки за точку отсчета принимают 4 мая (17 мая) 1912 г., когда начальник Морского Генерального штаба А.А. Ливен подал доклад № 127 о плане создания на флотах авиационных отрядов. С некоторыми оговорками его утвердил морской министр И.К. Григорович, и он приобрел характер приказа по Морскому министерству. Логическим продолжением доклада стало письмо МГШ № 1706/272 от 02.06.1912 г. начальнику ГМШ о формировании инфраструктуры авиационных частей в 1913 г.

В. Комиссаров в газете «Страж Балтики» (№ 8, 29.01.2016) пишет о первом воздушном бое над Балтийским морем, произошедшем 21 июля (2 августа) 1915 г., в котором две русские летающие лодки ФВА летчиков С.Н. Лишина и В.Е. Зверева вылетели на перехват двух немецких самолетов Friedrichshafen FF-29. К сожалению, у Зверева за барахлил мотор, и он вынужден был вернуться. Оставшись один, Лишин смело пошел на врага, и они обменялись выстрелами из пистолетов.

Не менее важно проследить хронологию первых взлетов с воды на гидросамолетах в России.

16 февраля 1912 г. С.Ф. Дорожинский подписал во Франции акт приемки первого самолета Voisin Canard (накануне испытанный тремя взлетами и посадками на воду). 20 марта 1912 г. второй самолет был отправлен в Севастополь.

11 мая (24 мая) 1912 г. поручик И.И. Стаховский выполнил полеты на поплавковом Voisin Canard'е в Севастополе. Это первый полет в России с воды [Из ст.: Артемьев А. Морская авиация Отечества // Авиация и космонавтика. 2010. № 10].

В журнале «К спорту» (№ 26 от 26.05.1912) говорится о полете С.И. Уточкина 13 мая (26 мая) на гидроплане, переделанным им из старого Farman'a. Написано, что аэроплан поднялся немного в воздух, но накренился на левую сторону, упал в воду и начал тонуть...

Однако журнал «Аэро- и автомобильная жизнь» (№ 10 от 15.05.1912) об этом полете, со Средней Невки у Елагина острова (Санкт-Петербург) написал, что Уточкин летал на аппарате «Глена Куртисса». По зарисовке с натуры С. Киевского, художника московского журнала «Огонёк» (№ 21 от 19.05.1912), которую передал петербургский историк Г.Т. Черненко, видно, что аппарат по многим признакам похож именно на Curtiss, а не на Farman. Таким образом, информация В.Б. Шаврова [см.: История конструкций самолетов в СССР до 1938 г. М.: Машиностроение, 1986. С. 174] о том, что Уточкин заказал на заводе Щетинина поплавки для Farman'a по типу Сикорского С-5А, может быть ошибочной. Эту версию об ошибках В.Б. Шаврова высказал петербургский историк В.В. Король.

Из книги В.Б. Шаврова известно, что в Одессе В.П. Невдачин и В.Н. Хиони также установили на поплавки Farman-IV и в конце 1913 г. совершили на нем несколько полетов. По всей видимости, это единственный вариант поплавкового Farman-IV в России, известный нам. Но фотографию пока не удалось найти.

Интересно также выяснить, на каком Curtiss'е летал С.И. Уточкин?

В.Б. Шавров писал, что одним из первых владельцев Curtiss'a в России был авиатор В.В. Каменский.

23 мая (5 июня) 1912 г. на III Всероссийской авианеделе на Farman-XVI с поплавками типа С-5А продемонстрировал один весьма удачный полет Н.А. Яцук, хотя при первой попытке не

смог оторваться от воды. Испытания проходили также на стрелке Елагина острова [Воздухоплаватель. 1912. № 6].

Поплавковый С-5А испытал в августе 1912 г. в Гребном порту сам И.И. Сикорский вместе с Г.В. Алехновичем. Весной 1913 г. он проходил сравнительные испытания вместе с Moris-Farman'ом и Curtiss'ом, и по основным характеристикам С-5А был признан лучшим.

Американский авиатор Чарльз Витмер, автор статьи «Гидроаэропланы Кертисса в России», пишет в «Вестнике Воздухоплавания» (№ 14 за 1912 г.), что три аэроплана Кертисса были доставлены в июле 1912 г. в Севастопольский порт, и он сразу приступил к полетам и обучению моряков (Стаховского, Фриде, Утгоффа, фон Эссена, Коведяева, и Скочинского). Кроме них, были прикомандированы еще три офицера воздухоплавательного отдела Военного министерства.

В докладе рассказывается также о полетах сухопутных самолетов. Используются статьи и архивные материалы: помимо В.В. Короля, Г.Т. Черненко, работы петербургских историков В.П. Иванова, Г.Ф. Петрова, В.В. Лебедева, Г.Э. Вабишевич, и московского историка В.Р. Михеева.

С.М. Ганин

*ФГУП «Крыловский государственный научный центр»,
Санкт-Петербург*

**Р.Е. АЛЕКСЕЕВ И Р.Л. БАРТИНИ.
РАБОТЫ ПО ЭКРАНОПЛАНАМ**

18 декабря 2016 г. исполняется 100 лет со дня рождения выдающегося конструктора–судостроителя Р.Е. Алексеева (1916–1980).

14 мая 2017 г. исполняется 120 лет со дня рождения выдающегося авиаконструктора Р.Л. Бартини (1997–1974).

Со второй половины 1960-х гг. два выдающихся конструктора, возглавлявшие конструкторские коллективы двух министерств, были вовлечены в процесс создания новой техники – транспортных средств, использующих экранный эффект.

Работы конструкторских коллективов имели разные подходы для решения поставленных задач. Разрабатывавшиеся проекты и созданные ими опытные аппараты обладали различными возможностями и позволяли реализовать многорежимность движения.

И Алексеев, и Бартини, исходя из возможностей новых транспортных средств, независимо предложили для них несколько наименований и сферы использования.

В начале 1970-х гг. задачей государственного масштаба стала разработка экраноплана – носителя боевых самолетов. Межведомственный Совет по экранопланам, председателем которого был назначен министр Судостроительной промышленности В.Е. Бутома, а его заместителем министр Авиационной промышленности П.В. Дементьев, позволил выполнять работу на стыке интересов и возможностей двух министерств при информационном контакте исследователей и разработчиков.

Работы главных конструкторов с использованием технических решений «конкурента», возможностей головных институтов двух министерств позволили существенно улучшить характеристики перспективных разработок.

А.А. Дмитриенко
Музей города Гатчины

ГВАРДИИ КАПИТАН А.М. КОВАНЬКО КАК СОБСТВЕННИК

В этом году исполнилось 160 лет со дня рождения пионера военного воздухоплавания России, изобретателя, пилота-аэронавта и боевого офицера Александра Матвеевича Кованько. Поэтому знаменательно, что к этой большой дате в истории отечественного воздухоплавания удалось обнаружить ранее неизвестные документы, раскрывающие новые подробности биографии А.М. Кованько, позволяющие по новому оценить масштаб его личности, неоценимый вклад в формирование которой вносит семья – надежный тыл для военного человека во все времена.

Из найденных документов [ЦГИА СПб. Ф. 513. Оп. 78. Д. 248] ясно, что 21 февраля 1892 г. семья А.М. Кованько купила в

столице Российской империи дом [Король В.В. Земля и небо генерала А.М. Кованько. СПб, 2004]. Документы на собственность были оформлены не на главу семьи, а на имя супруги Елизаветы Андреевны. Дом находился по адресу ул. Бронницкая, дом 33. В этот период, согласно полному послужному списку капитана А.М. Кованько от (без числа) января 1896 г., годовое жалование последнего составляло 531 руб., столовых – 1095 руб., разъездных – 300 руб., квартирных – 300 руб. Итого – 2226 руб. С 1888 г. он являлся командиром Учебного кадрового воздухоплавательного парка. В 1890 г. был награждён орденом Св. Анны III степени, то есть, стал потомственным дворянином.

Цена дома составила 57770 руб. с тем условием, что расходы по купчей продавщица принимала на себя. Кроме того, так как купленное имущество состояло в залоге в Санкт-Петербургском городском крепостном обществе, и на нём на момент покупки числилось 35775 руб. 54 коп. долга, то покупательница принимала на себя и все обязательства по выплате долга.

Покупка дома оформлялась у нотариуса Ивана Ивановича Успенского, офис которого располагался по адресу Невский пр., дом 61. Здание и земля ранее принадлежали Елизавете Венцеславовне Вальтер, которая, в свою очередь, приобрела его 25 сентября 1876 г. Он ей «достался ... от петербургских купеческих дочерей Анны, Александры и Веры Александровных Шуваловых по купчей крепости».

Семья Кованько по-хозяйски отнеслась к своему приобретению, перемерив границы своих земельных владений. Уже через 2,5 года, 1 августа 1895 г., в Петербургскую городскую управу поступила просьба Е.А. Кованько выдать земельный план на приобретённое имущество – дворовое место № 538/559, в котором значилось, что «мерюю земли состоит ... в заднем конце по десяти сажень, длиннику правому 28,5 саж., левому 29 саж., квадратных 287 саж.». Дело в том, что земля была перемерена новыми собственниками – кем-то из семьи генерала А.М. Кованько, и была определена совсем другая величина – 297 11/12 кв. сажень.

Со стороны дворового места Александренкова обнаружались неправильные замеры: «излишней, против документа, земли 12¹/₁₂ кв. саж.», в одной стороне земельного участка, «и недостает земли ¹/₃ кв. саж.». Со стороны еще одного двора не достаёт

5/6 кв. сажен. Так как «заклучения, как об излишней, так и о недостающей земле, сделать нельзя, по неимению в виду документов на соседние дворы, а потому Управа постановила: настоящий план утвердить».

Историкам воздухоплавания и биографам А.М. Кованько были хорошо известны места его жизни, связанные с С.-Петербургом. Это и «Дом Кованько» (ул. Парковая, д. 7, Лит. Р) в Воздухоплавательном парке, и дом № 10 по нынешней улице Чкалова в Гатчине. Однако новые данные раскрывают предпринимательскую «жилку» А.М. Кованько, которая дает по-новому взглянуть на его отношение ко всему новому, каковыми в те годы были воздухоплавание и авиация.

А.А. Курдюков

ООО «Хризолит», г. Новосибирск

К ВОПРОСУ ПОИСКА ЗАХОРОНЕНИЯ ОДНОГО ИЗ ПИОНЕРОВ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ АВИАЦИИ – БОРИСА СЕМЁНОВИЧА МАСЛЕНИКОВА

Знаменитый в дореволюционной России и в мире летчик, один из пионеров отечественного авиационного образования и известный предприниматель Борис Семенович Маслеников практически сразу после окончания Гражданской войны был подвергнут репрессиям со стороны новой власти. И в декабре 1923 г. сослан в Сибирь как «социально вредный элемент». Полгода он жил и работал в Красноярске, затем перебрался в Новониколаевск (ныне Новосибирск), где, несмотря на клеймо «врага народа», принимал активное участие в развитии авиации в Сибири.

Гражданская супруга Б.С. Масленикова – Нина Константиновна Бахрушина (дочь Константина Петровича и Натальи Петровны Бахрушиных) приехала в Новосибирск в декабре 1926 г., когда у мужа подходил к концу срок его ссылки. По неизвестным пока причинам возвращаться в Москву он не захотел.

Летом 1938 г. супруги собирались переехать в Ленинград, но помешал новый арест мужа. Масленикова осудили на 8 лет каторги.

Срок ему пришлось отбывать в Краслаге. По возвращению в Новосибирск он прожил чуть больше года и скончался в октябре 1947 г.

Нина Константиновна ушла из жизни в декабре 1966 г.

В сентябре 2012 г. на Заельцовском кладбище Новосибирска автору доклада удалось разыскать ее могилу в стандартной по размерам оградке на два захоронения.

На статью автора в «Комсомольской правде» [<http://www.kp.ru/daily/26141.7/3031666/>] откликнулась женщина, которая в конце 1950-х – начале 1960-х гг. часто бывала у Нины Константиновны. Из ее рассказа удалось узнать, что Н.К. Бахрушина очень ответственно отнеслась к завещанию Б.С. Масленикова. И есть основания полагать, что она так же щепетильно отнеслась и к месту своего захоронения.

В апреле 2016 г. автор доклада нашел Нину Ивановну Березину, долгое время работавшую с Анфисой Федоровной Косагоровой, которая не раз ей рассказывала, что следит «за могилами супругов, которые очень хорошо к ней относились».

Учитывая вышесказанное, а также следующие факты: большие размеры оградки – на два захоронения; слева от могилы Н.К. Бахрушиной участок выровнен, и за ним явно осуществлялся уход; отсутствие в Новосибирске ее близких родственников; слова племянника Б.С. Масленикова, Бориса Витальевича Масленикова, о том, что «оба брата похоронены на кладбище возле городского аэропорта», то есть, на Заельцовском кладбище, – можно с уверенностью утверждать, что могила Бориса Семеновича Масленикова – выдающегося пионера авиации России, находится рядом с могилой его супруги – Н.К. Бахрушиной.

В.В. Лебедев

ООО «ЭУР-МЕД Нева», Санкт-Петербург

СИНТЕЗ АЭРОСТАТИЧЕСКИХ И КОСМИЧЕСКИХ ТЕХНОЛОГИЙ. К 30-ЛЕТИЮ ТРИУМФА ПРОЕКТА «ВЕНЕРА – КОМЕТА ГАЛЛЕЯ»

Проект «Венера – комета Галлея» стал выдающимся достижением советской космонавтики. Автоматические межпланетные

станции (АМС) «Вега-1» и «Вега-2» впервые за всю историю космонавтики выполнили три разноплановые исследовательские задачи, каждая из которых достойна отдельного повествования. Но в докладе пойдет речь о синтезе космических и воздухоплавательных, а точнее аэростатических технологий.

Станции «Вега-1» и «Вега-2» стартовали 15 и 21 декабря 1984 г. соответственно и были выведены на проходящие через диск планеты Венера траектории, чтобы посадить на ее поверхность спускаемые аппараты (СА), впервые в мире доставив в её атмосферу исследовательские аэростатные зонды (АЗ).

В июне 1985 г. АМС достигли окрестностей планеты Венеры. Когда до ее поверхности оставалось 650 тыс. км, от станций отделились СА с зондами на борту.

В списке участников проекта впервые оказались предприятия, ранее не имевшие отношения к космосу, а занимавшиеся вполне земными задачами – воздухоплаванием. Но, так как в космосе и на других планетах воздуха нет, то им пришлось разработать аэростатические летательные аппараты для плавания в атмосферах с совсем другими физическими параметрами, абсолютные величины которых еще предстояло определить.

Доставленные на Венеру плавающие АЗ впервые позволили определить циркуляцию и метеорологические параметры ее атмосферы, которые были переданы на Землю в ходе их 46-часового полёта и преодоления около 12 тыс. км в атмосфере Венеры.

Одной из главных особенностей венерианского аэростата была их оболочка, наполнение которой происходило достаточно быстро, чтобы исключить спуск до высоты, где температура атмосферы превышала расчетную, т.е. 100 °С. С другой стороны, скорость наполнения ограничивалась опасностью наддува оболочки на большой высоте, где она могла разрушиться.

Для эффективного выполнения своих задач АЗ должны были отделиться от СА на высоте примерно 55 км и попасть на ночную сторону планеты, чтобы остаться видимыми с Земли, и точно контролировать их полет. Перед баллистиками встала сложнейшая задача точного определения положения зондов в атмосфере планеты. Наилучшим образом эта задача решается, если одновременно осуществлять радиотехнические измерения координат аэростата и летящей станции с наземных пунктов наблюдения, удаленных

друг от друга на максимально возможные расстояния. Такие измерения проводились фазометрическим способом по разности времени прихода сигналов со станций и АЗ на радиотелескопы СССР, расположенные вблизи городов Уссурийск, Москва (Медвежье озеро), Евпатория, а также радиотелескопы США. Очень важно в этом случае было точно определить орбиту АМС, и тогда точнее будет определено положение зонда в атмосфере Венеры. При этом надо было фиксировать малые перемещения самих аэростатов с расстояний, превышающих 100 млн. км. Однако проведенные исследования и расчеты позволили с высокой точностью (в несколько километров) определить орбиту станций в районе Венеры, что во многом определило успех навигации аэростатных зондов и стало хорошим заделом для успешного завершения первого этапа проекта «Венера – комета Галлея».

Е.А. Мельникова

Российская национальная библиотека, Санкт-Петербург

**ЕВГЕНИЙ МИХАЙЛОВИЧ ГРИШИН – ИССЛЕДОВАТЕЛЬ ЖИЗНИ
И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ А.Ф. МОЖАЙСКОГО,
И ВОССОЗДАННАЯ ИМ ПОЛНОРАЗМЕРНАЯ МОДЕЛЬ ПЕРВОГО
ЛЕТАТЕЛЬНОГО АППАРАТА**

Красное Село – город, вошедший в историю российской авиации. Именно здесь на Красносельском военном поле контр-адмиралом Александром Федоровичем Можайским в 1881–1884 гг. был создан и испытан первый в мире самолет. Без необходимой материальной и моральной поддержки ученый вел изыскания более 30 лет. Изобретение русского инженера забыли сразу после его смерти, самолет ушел с молотка и долгое время пролежал в ремонтных мастерских Балтийского завода, пока не пропал. Во время пожара на заводе утрачены были и два уникальных паровых котла-двигателя.

Другой ученый, Евгений Михайлович Гришин, наш современник, посвятил более 40 лет своей жизни изучению деятельности А.Ф. Можайского. В Красном Селе Евгений Михайлович создал Му-

зей пионеров авиации им. А.Ф. Можайского, экспозицию которого составляли авиамодели и бесценные документы – чертежи паровых котлов и техническая документация к самолету Можайского. Он мечтал воссоздать летательный аппарат Можайского и подняться на нем в воздух. Мечта почти сбылась: в 2012 г. Евгений Михайлович нашел помещение и средства, но ему не хватило времени. Он ушел из жизни два года назад. Сегодня еще свежа память о нем и его труде, периодически появляются публикации в местной газете.

Вызывает крайнее беспокойство судьба изготовленной им 18-метровой полноразмерной модели самолета Можайского, которая хранится в котельной на территории завода в Горелово. По оценкам специалистов самолёт готов на 70%. К нему разработаны все чертежи. Нет средств и человека, который взялся бы за достройку самолета, нет павильона, в котором самолет будет экспонироваться. Хочется верить, что модель самолета Можайского будет достроена и займет достойное место в истории авиации.

Кроме того, Е.М. Гришину удалось обнаружить дом и квартиру Можайского и установить памятную доску, открыть памятник на месте постройки и испытаний первого самолета, обнаружить могилу А.Ф. Можайского на Смоленском кладбище, снять фильм об А.Ф. Можайском, написать книгу «Родоначальник авиации А.Ф. Можайский», изготовить множество моделей первых летательных аппаратов.

С.В. Семёнов

АО «Ракетно-космический центр «Прогресс», г. Самара

**100-ЛЕТИЕ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ В.Я. ЛИТВИНОВА:
ЮБИЛЕЙНЫЕ МЕРОПРИЯТИЯ И НОВЫЕ ДАННЫЕ О СИСТЕМЕ
КОНВЕЙЕРНОГО ПРОИЗВОДСТВА ШТУРМОВИКОВ ИЛ-2
НА АВИАЦИОННОМ ЗАВОДЕ № 1 В 1942–1943 гг.**

В апреле 2010 г. в самарском ракетно-космическом центре «Прогресс» прошли юбилейные мероприятия, посвященные 100-летию со дня рождения Виктора Яковлевича Литвинова – конструктора, инженера, технолога, выдающегося организатора производства и ди-

ректора Государственного авиационного завода № 1 в 1944–1962 гг. По приглашению руководства предприятия в них приняли участие дети В.Я. Литвинова: Людмила Викторовна и Виктор Викторович. Центральным пунктом празднования 100-летнего юбилея стало открытие памятника Литвинову, установленного возле заводского корпуса, где в годы Великой Отечественной войны шла сборка штурмовиков Ил-2. Состоялась также презентация двух книг о В.Я. Литвинове: «Дело всей жизни» Галины Загребиной и «Траектория жизни» Сергея Емельянова. Дети Виктора Яковлевича, а также ветераны предприятия, работавшие с Литвиновым, делились своими воспоминаниями об этом выдающемся человеке. Эти воспоминания стали источником ценных сведений о деятельности В.Я. Литвинова в годы Великой Отечественной. Позднее, при сопоставлении воспоминаний тружеников завода и членов семьи Литвинова удалось найти решение давней исторической проблемы, касающейся разработки и внедрения на предприятии системы конвейерного производства самолетов в 1942–1943 гг. По имеющимся данным временем внедрения в цехах общей сборки конвейерной системы считался декабрь 1943 года. Между тем, резкий рост выпуска штурмовиков Ил-2 до 14–16 шт. в сутки по отчётным документам зафиксирован уже с конца 1942 – начала 1943 гг. На основе сохранившихся документов все объяснялось только самоотверженным трудом заводчан, взявших на себя повышенные обязательства под лозунгом: «Всё для фронта – всё для Победы!» Трудовой героизм тружеников тыла сыграл огромную роль в обеспечении армии техникой и боеприпасами. Но не стоит забывать, что он был подкреплён новыми технологиями производства и уникальными инженерными решениями. Так было и в этом случае, когда группа технологов под руководством главного инженера В.Я. Литвинова разработала метод стендовой сборки штурмовиков. А через много лет в рамках празднования 100-летия со дня рождения Литвинова, благодаря воспоминаниям его близких родственников и ветеранов предприятия, было задано новое направление исторического исследования вопроса конвейерного производства. В результате тщательного исследования публикаций заводской газеты «Сталинец» было установлено, что стендовая сборка «Илов» началась уже в начале 1943 г. Именно эта инженерно-технологическая разработка, наряду с самоотверженным трудом заводчан, позволила довести выпуск штурмовиков до

14–16 шт. в день и повысить качество продукции. Таким образом, подобные юбилейные мероприятия являются не только данью памяти выдающимся деятелям производства и инженерной науки, но и способствуют формированию уникальной источниковой базы, изучение которой помогает по-новому взглянуть на, казалось бы, известные исторические факты.

Ю.А. Хаханов

*Российская Академия космонавтики им. К.Э. Циолковского,
Санкт-Петербург*

**ПРОЕКТАМ ЛУНОХОД-1 – 45 ЛЕТ, ФОБОС-86 – 30 ЛЕТ,
МАРС-96 – 20 ЛЕТ.
МЫСЛИ И ЧУВСТВА УЧАСТНИКА ЭТИХ ПРОЕКТОВ**

2016 год удивителен тем, что мы отмечаем парад юбилеев наших космических пионерских научно-технических проектов по исследованию внеземного пространства и планет, результаты которых обогатили уникальными знаниями всю земную цивилизацию. Для многих стран даже один такой юбилей стал бы великим национальным событием, а в нашей стране, что ни день – то история...

Конечно, главные праздничные мероприятия в параде юбилеев 2016 года – это 55 лет полета Ю.А. Гагарина, первого космонавта планеты. Однако, 2016 год богат и на другие знаменательные даты, которые достойны своего чествования. И автор доклада, как очевидец и участник работ, поделится своими мыслями и чувствами о следующих проектах, чьи юбилеи мы отмечаем в этом году:

50 лет (4–5 февраля 1966 г.) с момента проведения точечного исследования реголитного слоя поверхности Луны, которое впервые в мире выполнила АМС «Луна-9». Исследование показало, что поверхность Луны в месте посадки плотная.

50 лет назад (24 декабря 1966 г.) АМС «Луна-13» впервые определила инструментально, что плотность реголита на Луне в точке посадки 0,8 кг/куб. см.

45 лет назад «Луноход-1», которым управляли с Земли, впервые в мире реализовал движение по лунной поверхности и успешно провёл уникальные эксперименты.

45 лет (1971 г.) как ленинградским предприятием ВНИИ-100 (ныне ОАО «ВНИИТрансмаш») был создан первый в мире микромарсоход М-71.

30 лет назад создан фобосоход (СА ПрОП-ФП) по проекту «Фобос-86» – уникальный автоматический подвижный аппарат для исследования поверхности Фобоса, спутника Марса. Этот аппарат должен перемещаться в условиях 1/2000g (аппарат массой 43 кг в натурных условиях весит 23 г). Циклограмма его работы: выполнение экспериментов – прыжок – успокоение – проведение экспериментов – прыжок; и далее цикл повторяется.

30 лет назад (в марте 1986 г.) космические аппараты «Вега-1» и «Вега-2» выполнили уникальную научную программу – им удалось «пройти» на расстоянии 8912 км («Вега-1») и 8036 км («Вега-2») от ядра кометы Галлея и получить бесценные данные о ее ядре.

20 лет весьма интересному проекту «Марс-96». Для него мы создали трёхосную стабилизированную платформу «АРГУС», которая обеспечивала стабилизацию оптических осей БНА, компенсируя возмущения от КА.

Но это только часть проектов, о которых будет кратко рассказано в докладе, о некоторых вопросах истории их создания, о людях, создавших уникальную научную аппаратуру.

Удивительно, но каждый космический проект, в котором нам предлагали участвовать, начинался с вопроса: «это в принципе возможно?». После бурных обсуждений на первом этапе, отвечали: «это сделать нельзя»... Потом начинался мозговой штурм, предложения, горячие споры, накал эмоций... Расходились, дискутируя, и снова собирались. Через некоторое время кто-нибудь из коллег робко высказывал идею, одни объявляли эту идею очередной глупостью, другие видели, что в ней есть рациональное зерно и здравый смысл. В результате крайне напряжённого труда больших коллективов и в сжатые сроки были созданы научно-технические шедевры, прославившие нашу страну.

Такие достижения доступны только высококвалифицированным специалистам, перед которыми грамотно поставлены задачи, и при условии отличной организации работ.

Необходимо не только сохранить память об этих уникальных изделиях, но и передать опыт их разработки и эксплуатации молодым разработчикам.

СЕКЦИЯ «ИСТОРИЯ ВОЕННОЙ НАУКИ, ТЕХНИКИ И ОБРАЗОВАНИЯ»

Т.В. Алексеев

*Военно-космическая академия имени А.Ф. Можайского,
Санкт-Петербург*

100-ЛЕТИЕ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ И ДИСКУССИЯ ПО ПОВОДУ ЕЕ ВОЕННО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ АСПЕКТОВ

100-летие Первой мировой войны послужило толчком к активизации научной дискуссии по многим проблемам этого глобального вооруженного противостояния, в том числе и по его военно-экономическим аспектам.

В центре внимания по-прежнему находится вопрос о причинах неподготовленности России к войне в экономическом отношении. Помимо традиционных положений о стратегических просчетах военно-политического руководства страны, в работах современных авторов звучат мысли о фатальной неизбежности поражения России и ее неспособности противостоять таким индустриально развитым государствам как Германия (В.В. Поликарпов, К.Б. Назаренко).

Другой крайней оценкой является представление о том, что Россия совершила в годы войны гигантский индустриальный скачок, позволивший не только преодолеть кризис снабжения, но и создать необходимую материальную базу для будущей победы. Тезис этот имеет опору в словах У. Черчилля: «Ни к одной стране судьба не была так жестока, как к России. Ее корабль пошел ко дну, когда гавань была уже в виду... Все жертвы были уже принесены, вся работа завершена. Отчаяние и измена овладели властью, когда задача была уже выполнена».

Отдельной темой изучения стала проблема военно-экономической мобилизации, которая в годы Первой мировой войны проводилась всеми ее основными странами-участницами. Универсальный характер данного явления позволяет говорить о неких закономерностях, каждая из которых требует всестороннего освещения.

К числу таких закономерностей можно отнести: создание специализированных чрезвычайных органов по управлению процессом мобилизации; привлечение к работе на войну широкого круга предприятий всех форм собственности; регулирование специально учреждаемыми чрезвычайными органами распределения ресурсов, обеспечивающих функционирование национальной экономики; координация военно-экономической деятельности в рамках военно-политических союзов; усиление роли государства в экономической жизни страны, широкое применение им мер прямого административного воздействия на хозяйственный механизм.

К числу научных проблем, требующих дальнейшего изучения и освещения, следует отнести более детальное осмысление процессов, приведших к зарождению отечественного военно-промышленного комплекса, активизации которых также способствовала Первая мировая война.

Д.А. Бочинин, А.Н. Щерба

*Военно-космическая академия имени А.Ф. Можайского,
Санкт-Петербург*

**МАРШАЛ, РОЖДЕННЫЙ ЛЕНИНГРАДСКОЙ БИТВОЙ
(К 120-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
МАРШАЛА СОВЕТСКОГО СОЮЗА Л.А. ГОВОРОВА
И К ВЫХОДУ КНИГИ К ЮБИЛЕЮ МАРШАЛА)**

22 февраля 2016 г. исполнилось 120 лет со дня рождения выдающегося полководца Великой Отечественной войны Маршала Советского Союза Леонида Андреевича Говорова. К этой дате был приурочен выход книги Б.П. Белозерова и В.П. Сидоренко «Маршал, рожденный Ленинградской битвой» (СПб.: О-во «Знание», 2016. 362 с.)

В центре внимания монографии не только вопрос становления будущего маршала, а прежде всего комплексное расследование проблем, связанных с обороной, прорывом и снятием блокады города Ленинграда и роль в этом командующего Ленинградским фронтом генерала Л.А. Говорова. Именно в Ленинградской битве

наиболее ярко раскрылись его полководческие и военно-организаторские способности, проявились глубоко и всесторонне продуманные стратегические замыслы, умение противостоять фашистской группе армий «Север», что позволило во взаимодействии с другими фронтами нанести сокрушительные удары по врагу на советском северо-западе. Не случайно оборона Ленинграда, прорыв блокады и разгром немецко-фашистских захватчиков у стен города принадлежат к числу исключительных операций Великой Отечественной войны, свидетельством мастерства советских военачальников, которым Родина доверила судьбу Ленинграда. Ярчайшее место среди них занимал и будущий Маршал СССР Л.А. Говоров.

Новая книга о последнем – несомненная удача её авторов, докторов исторических наук, известных петербургских историков Б.П. Белозерова и В.П. Сидоренко.

В.М. Кривчиков

*Гродненский государственный университет
имени Янки Купалы*

ПРАКТИКА ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ЮБИЛЕЕВ И ПРАЗДНИЧНЫХ ДАТ ДЛЯ ОРГАНИЗАЦИИ МАТЕРИАЛЬНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ВОЙСК КРАСНОЙ АРМИИ НА ТЕРРИТОРИИ БЕЛАРУСИ В 1920-Е ГОДЫ

В начале 1920-х гг. возникла традиция организовывать дополнительное питание для военнослужащих-красноармейцев в дни различных государственных праздников. По мнению военного руководства, это поднимало моральный дух военнослужащих, свидетельствовало о заботе руководства о красноармейцах, и, в какой-то мере, сглаживало проблемы в организации ежедневного питания. Руководство Беларуси и Белорусского военного округа в дни государственных праздников также уделяло внимание организации дополнительного питания и некоторым другим проблемам воинских частей. Так, в январе 1928 г. ЦК КП(б)Б разослал всем окружкам КП(б)Б письмо «О праздновании 10-летия РККА», в котором предписывалось особое внимание уделить изысканию средств в помощь воинским частям для улучшения красноармей-

ского быта (дооборудование и ремонт казарм и квартир начсостава, улучшение питания красноармейцев и подарки им в дни празднования).

Руководство воинских частей иногда использовало такую ситуацию для истребования недостающих материальных средств и дополнительного финансирования. Так, например, военный комиссар 192 стрелкового полка Бобков в письме в ЦК КП(б)Б от 21 февраля 1928 г. докладывал, что полку выделено на проведение празднования 10-летия Красной Армии 300 рублей. «Вполне ясно, что такая мизерная цифра не только не сможет улучшить быт красноармейца, но даже отметить ветеранов Красной Армии, а заплата, относящихся к красноармейскому быту, чрезвычайно много, не хватает мисок, кружек, столов, скамеек и т.д.». К письму была приложена смета, в которой запрашивалось следующее (в шт.): миска и тарелка алюминиевые – по 300; кружка и ложка – по 467; стол обеденный – 10; скамейка – 40; клеенка столовая – 10; бак – 5; табуретка – 300; межкроватьный столик – 200.

Командир 2-й Белорусской стрелковой им. М. В. Фрунзе дивизии Локтионов прислал в ЦК КП(б)Б смету на приобретение необходимого инвентаря, политпросветимущества и проведение конкурсов в связи с 10-й годовщиной Красной Армии для воинских частей, в которой значилось: кухонный инвентарь (картофелечистки – 3; хлебoreзки по 1 на полк; кружки для чая – 700; алюминиевые миски для обеда – 700) и казарменный инвентарь (межкроватьные столики для 6-го полка – 100, для 5-го и 2-го арtpолка – по 25; металлические плевательницы – 50; скамейки и табуретки для сидения – 150; вешалки – 32; пирамиды для оружия – 80; принадлежности для чистки зубов на 1000 человек).

Как правило, прошения, поданные к юбилеям и праздничным датам, удовлетворялись.

С.Н. Полторак, А.В. Лосик

Редакция журнала для учёных «КЛИО», Санкт-Петербург

**ЖУРНАЛ ДЛЯ УЧЁНЫХ «КЛИО» КАК СВОЕОБРАЗНОЕ ЗЕРКАЛО
РАЗВИТИЯ ИСТОРИИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ
И ТВОРЧЕСКАЯ ПЛОЩАДКА ДЛЯ МИРОВОЙ НАУЧНОЙ МЫСЛИ
(К 20-ЛЕТИЮ ВЫХОДА ЖУРНАЛА)**

Возникнув в Санкт-Петербурге в непростое время смены в стране исторических эпох, становления новой современной России, журнал «КЛИО» не только опирался на уже достигнутое научной периодической печатью в области истории, но и занял в научной журнальной периодике свою, признанную научным сообществом, нишу. Начиная с первых номеров, редакция журнала ориентировалась, в первую очередь, на гуманитарные кадры из регионов нашей страны, на осмысление богатейшего опыта исторического развития российской провинции. И рубрика «Из истории регионов России» заняла и продолжает занимать одно из ведущих мест в разнообразной исторической тематике журнала.

Полноправное место в изучении истории заняли также материалы, отражающие широкий спектр исторических наук, включая философию истории, историческую психологию, источниковедение, военную историю, историю культуры, историю международных отношений, всеобщую историю и многое другое. Должное внимание было уделено и вопросам истории науки и техники.

Задуманный когда-то как творческая площадка российских историков, журнал почти сразу стал международным изданием. И вполне закономерно, что с 2015 г. он превратился в печатный орган Международной академии исторических и социальных наук, а главный редактор журнала стал и главным редактором этой академии. Статус де-факто международного периодического издания журнала «КЛИО» подтверждается, в частности, тем фактом, что в редколлегии журнала трудятся учёные из Австралии, Великобритании, Германии, Китая, России, США, Швеции. За годы существования журнала в нем опубликованы материалы исследователей из 33 стран мира.

Миссия журнала состоит в том, чтобы отражать современную динамику исторической науки в мире, прежде всего с точки зрения

изучения российской истории. Этому способствует, как объём, так и периодичность издания. Начавшись с 4-х номеров в год, в настоящее время «КЛИО» имеет не только солидный объём – 30 печатных листов, но и большую периодичность – 12 экземпляров в год. С 2010 года журнал входит в перечень ВАК, что говорит о его представленности на крупнейшем информационно-аналитическом портале «Научная электронная библиотека eLibrary.ru».

Сотрудники журнала и члены редколлегии постоянно анализируют содержание ведущих мировых научных изданий. Это даёт возможность увидеть не только тенденции развития исторической мысли, но и заметить научнографические лакуны, что позволяет им направлять свои усилия на разработку слабо изученных научных проблем.

Одна из главных идей журнала состоит в том, чтобы рассказать мировому научному сообществу о достижениях российских историков и одновременно ознакомить исследователей России с достижениями коллег из других стран мира. Журнал стремится к тому, чтобы успехи различных научных школ становились всеобщим достижением историков.

Г.А. Сеницын

*Военно-космическая академия имени А.Ф. Можайского,
Санкт-Петербург*

ЮБИЛЕЙ – КАК СПОСОБ ПРОПАГАНДЫ ДОСТИЖЕНИЙ НАУКИ

Одним из важных направлений коммеморативной практики в жизни нашей страны с середины прошлого века стало освоение человеком космического пространства. Материалы каждого запуска космического объекта находились в центре внимания СМИ, а, следовательно, и каждого жителя нашей планеты.

Особенно эта работа, в том числе и в Военно-космической академии имени А.Ф. Можайского, активизируется, когда отмечают юбилейные даты, связанные с успехами отечественной науки в области космонавтики. Так при подготовке и в ходе празднования 50- и 55-летия полета Ю.А. Гагарина в музее академии была

обновлена соответствующая экспозиция, на которой размещены материалы о службе в Военно-космических силах космонавтов: Героя Советского Союза, летчика-космонавта № 2 Титова Г.С., бывшего начальника академии дважды Героя Советского Союза, летчика-космонавта Кизима Л.Д. и выпускника академии космонавта-исследователя Шаргина Ю.Г.

По плану работы Военно-научного общества академии с курсантами младших курсов в октябре проводятся «Можайские чтения», посвященные запуску первого ИСЗ, а в апреле – «Гагаринские чтения» в честь первого орбитального полета человека. Организуются встречи с ветеранами, принимавшими непосредственное участие в запуске пилотируемых и беспилотных космических объектов («Восток», «Восход», «Союз», «Салют», «Мир», «Буран» и др.). Большой интерес вызывает непосредственное общение молодежи с легендами отечественной космонавтики, долгое время служившими на космодроме «Байконур» и до сих пор осуществляющими свою педагогическую деятельность в стенах вуза – генералами в отставке Булулуковым В.А., Гузенко В.Л., Ковалевым А.П. и др.

Заканчивается верстка четвертого тома «Истории Военно-космической академии имени А.Ф. Можайского», посвященного вкладу академии в отечественную и мировую науку, в том числе и космонавтику. Под руководством начальника академии генерал-майора Пенькова М.М. продолжается работа над последним, пятым томом, охватывающим период с 1941 года по настоящее время.

Повседневная деятельность личного состава академии имени А.Ф. Можайского находит своё отражение в материалах, публикуемых в ежемесячной академической газете «Вестник Академии».

Большим моральным и материальным стимулом является ежегодное объявление среди курсантов академии лауреатов стипендии имени Ю.А. Гагарина.

Н.В. Смирнова

*Военно-космическая академия имени А.Ф. Можайского,
Санкт-Петербург*

К ЮБИЛЕЮ РОССИЙСКОГО ИНСТИТУТА РАДИОНАВИГАЦИИ И ВРЕМЕНИ

В 2016 г. отмечается 60 лет Российскому институту радионавигации и времени – основному разработчику наземных радионавигационных систем (РНС) дальнего действия, глобальной навигационной спутниковой системы (ГНСС) ГЛОНАСС, системы синхронизации и единого времени (СЕВ), а также аппаратуры потребителей радионавигационных систем с наземным и космическим базированием. Институт был образован в Ленинграде в качестве НИИ-195 Постановлением Совмина СССР № 1195-613 от 25 августа 1956 г. на базе нескольких подразделений «ВНИИРА» и НПО «Вектор». С 1966 г. он стал Ленинградским научно-исследовательским радиотехническим институтом (ЛНИРТИ), в 1991 г. был переименован во ФГУП «Российский институт радионавигации и времени» (ФГУП «РИРВ»), в 2003 г. преобразован в ОАО «РИРВ», в 2015 – в АО «РИРВ». С 2008 г. входит в состав АО «Концерн ВКО «Алмаз-Антей». Шестидесятилетний опыт развития ОАО «Российский институт радионавигации и времени» позволил институту стать ведущей организацией в области создания систем и средств координатно-временного обеспечения. Так, системы синхронизации и единого времени (СЕВ), разработанные в институте в конце 1950-х гг., вошли в состав практически всех комплексов ракетно-космической техники СССР и России. В дальнейшем институт разработал и внедрил систему синхронизации и единого времени на основе ГЛОНАСС, которая в качестве средства передачи частотно-временной информации вошла в состав Государственной системы единого времени и эталонных частот (ГСЕВЭЧ) «Цель». Следствием этого стало создание высокоточных стандартов частоты (цезиевых, рубидиевых, водородных и квантовых), позволяющих осуществлять синхронизацию и работать с СЕВ. Еще одно направление института, в котором он является головным разработчиком, – создание и ввод в эксплуатацию наземных импульсно-фазовых РНС, а именно: «Чайка», РСДН-10,

«Чайка-Лоран-С», «Альфа», обеспечивающих определение местоположения подвижных объектов. Также институт активно разрабатывает бортовую аппаратуру космических аппаратов, разгонных блоков и ракет-носителей, организует разработку и серийное производство навигационной аппаратуры потребителей (НАП) различного назначения для РНС наземного и космического базирования, в том числе GPS.

Нынешний 2016 год богат на юбилеи в области радионавигации. Так, 70 лет в июле исполнилось крупнейшему предприятию АО «ВНИИРА» (Санкт-Петербург), ставшему прародителем АО «РИРВ». Также отмечает 130 лет и «кузница кадров» радиотехнической промышленности – Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ» им. В.И. Ульянова (Ленина) (СПбГЭТУ «ЛЭТИ»). А в Москве 95 лет в августе отметило еще одно крупное предприятие отрасли – АО «Всероссийский научно-исследовательский институт радиотехники» (ВНИИРТ). Круглые даты предприятий российской радионавигационной отрасли – всегда хорошая возможность не только заявить о себе власти, партнерам, конкурентам, потребителям и потенциальным сотрудникам, но и подвести итоги проделанной работы, наметить новые планы на будущее.

С.В. Федулов

*Военно-космическая академия имени А.Ф. Можайского,
Санкт-Петербург*

ИНОСТРАННАЯ ТЕХНИЧЕСКАЯ ПОМОЩЬ ПРИ СОЗДАНИИ ПОДВОДНЫХ СИЛ НА СЕВЕРНЫХ РУБЕЖАХ РОССИИ (К 100-ЛЕТИЮ ОБРАЗОВАНИЯ ФЛОТИЛИИ СЕВЕРНОГО ЛЕДОВИТОГО ОКЕАНА)

Для защиты северных рубежей нашей страны в 1933 г. был создан самый «молодой» флот – Северный. Однако еще в годы Первой мировой войны (сентябрь 1916 г.) в Российской империи была создана флотилия Северного Ледовитого океана. Во время Первой мировой войны флотилия сопровождала поставки от

стран-союзников по Антанте и предназначалась для борьбы с германскими надводными кораблями и подводными лодками. Особая роль отводилась подводным силам флотилии. Укомплектовать флотилию предполагалось построенной в Италии подводной лодкой «Святой Георгий» и американскими субмаринами типа «АГ» («Американский Голланд»), которые строились в Соединенных Штатах Северной Америки (США) заводом фирмы «Electric Boat Company» и в разобранном виде доставлялись в Россию.

29 сентября 1917 года Начальник Отдела подводного плавания Главного управления кораблестроения и снабжений капитан 1 ранга Быков начал организовывать подготовку базы в Кольском заливе для данных лодок. С этой целью в указанный район были направлены специалисты, которым поручалось: осмотреть плав. мастерскую «Ксения» с целью подготовки ее для нужд подводного плавания; указать необходимые для подводных лодок расходные материалы; изучить маршруты снабжения этими материалами и способы их хранения, а также условия для размещения экипажей подводных лодок.

К тому времени в Архангельск прибыла своим ходом построенная в Италии (Генуя) фирмой «Фиат» и переданная в мае 1917 г. Российскому императорскому флоту подводная лодка «Святой Георгий». Показывая чудеса мужества и профессионализма, российский экипаж субмарины в условиях военного времени преодолел 5.000 миль районов боевых действий, без эскорта, в сопровождении случайных попутных судов. После прибытия лодки в пункт назначения из Архангельска в Главный морской штаб поступила телеграмма о том, что подводная лодка в северных широтах не только не может воевать, но и не может вообще эксплуатироваться, так как предназначена для использования ее в теплых водах.

Вместе с тем, для усиления подводными лодками флотилии Северного Ледовитого океана 8 февраля 1917 г. в Соединенных Штатах Северной Америки (США) были заказаны 6 подлодок в 361 тонну метацентрического водоизмещения (в надводном положении). Согласно контракту, сроки выполнения заказа устанавливались следующие: первые 3 лодки – не позднее 15 (28) июля 1917 г.; остальные – не позднее 15 (28) августа того же года. Однако в условиях Первой мировой войны и революционных

событий в России сроки выполнения контракта американской фирмой затягивались. В конце концов, в октябре 1917 г. после свершившейся революции контракт был расторгнут.

Таким образом, иностранная техническая помощь при создании руководством Российского императорского флота флотилии Северного Ледовитого океана оказалась неэффективной. Построенная в Италии субмарина эксплуатироваться в климатических условиях крайнего севера не могла, заказ подводных лодок в США был сорван, а после Гражданской войны и интервенции кораблей фактически не осталось, и флотилия прекратила свое существование.

СЕКЦИЯ «ИСТОРИЯ ТРАНСПОРТА»

П.В. Великоруссов

*Петербургский государственный университет
путей сообщения Императора Александра I*

ИНЖЕНЕР ПУТЕЙ СООБЩЕНИЯ П.К. ШМУЛЕВИЧ И ВСТУПИТЕЛЬНЫЕ ИСПЫТАНИЯ ПО ФИЗИКЕ В ИИПС В 1911–1916 ГОДАХ

Петр Кронидович Шмулевич родился в 1873 г., окончил Институт инженеров путей сообщения в 1900 г. с чином «губернский секретарь». С 1906 по 1917 г. он заведовал курсами по подготовке к поступлению в высшие учебные заведения. Был автором и издателем математической литературы, кроме того, составлял многочисленные сборники задач, например: «Сборник задач, предлагавшихся на конкурсных экзаменах при поступлении в специальные высшие учебные заведения» (СПб., 1916). С 1903 по 1917 г. жил в доме № 6 по Ивановской (Социалистической) улице, там же находился склад его книг. Интересно, что до поступления в институт в 1915 г. в его квартире жил С.М. Эйзенштейн.

В настоящее время многие отмечают, что нынешние абитуриенты не могут освоить вузовскую программу 20–30-летней давности. А если рассмотреть более длительный промежуток? Посмотрим, какие вопросы и задачи давались абитуриентам 100 лет тому назад. Справились бы нынешние студенты с подобными задачами?

Вот примеры из задачников 1916 и 1917 гг. издания, составленных инженером путей сообщения П.К. Шмулевицем. Цель этих книг, как писал Шмулевич в предисловии, – научить самостоятельно разбираться в решении поставленных вопросов. При этом автор особо отмечал, что для поступления в Институт инженеров путей сообщения требуется «основательная подготовка».

1. «Какой должен быть наименьший радиус медной сферической оболочки толщиной в 0,001 метра и пустой, дабы она могла держаться в воздухе при 00 и под давлением 0,76 метр?» (Ответ: 20,535 метр.) Оказывается, эта задача была предложена в 1773 г. французским математиком Ж. Менье – одним из изобретателей дирижабля.

2. «Какое давление производит на каждую ножку стола груз 2 пуда, положенный на j диагонали?»

Книги П.К. Шмулевича издавались на протяжении многих лет, вплоть до середины 40-х гг. XX столетия. Писал он также под псевдонимом «инж. Н.Д. Корницкий» или просто: Корницкий Н.Д.

М.М. Воронина

*Петербургский государственный университет
путей сообщения Императора Александра I*

М.И. ВОРОНИН (1906–1996) И СЕКЦИЯ ИСТОРИИ ТРАНСПОРТА

Доктор технических наук, профессор Ленинградского института инженеров железнодорожного транспорта (ныне ПГУПС Императора Александра I), заведующий кафедрой «Изыскания и проектирование железных дорог» М.И. Воронин известен и как основатель школы историков транспортной науки и техники. Он стоял у истоков организации секции истории транспорта в ЛО ИИЕТ (Ленинградское отделение Института истории естествознания и техники АН СССР) и долгое время был ее бессменным руководителем.

Еще до организации СНОИЕТ (Советское национальное объединение историков естествознания и техники) М.И. Воронин принимал участие в работе Комиссии по истории техники Академии наук СССР. Например, он выступил с сообщением на Первом совещании по истории техники (1952 год). Его 20-страничный доклад был напечатан в XI выпуске «Трудов по истории техники». В 1958 г. была создана Ленинградская группа Советского национального объединения историков естествознания и техники. Комитет Ленинградской группы СНОИЕТ, возглавляемый директором Ленинградского отделения ИИЕТ П.П. Перфильевым, состоял из 30 человек. В него вошли авторитетные историки науки и техники, в том числе М.И. Воронин.

Работа секций в 1958–1965 гг. не была регулярной, но при этом М.И. Воронин неоднократно выступал на Ученом совете ЛО ИИЕТ. С 1966 г. стали проводиться так называемые Годи́чные конфе-

ренции, с этого же времени ЛО ИИЕТ стало издавать результаты работы заседаний. В первом выпуске (Л., 1966, 22 стр., тираж – 400 экз.), отражена деятельность работы семи секций. На секции истории транспорта выступали: М.И. Воронин, Е.А. Гаккель, И.Л. Значко-Яворский, А.А. Богородецкий. Второй выпуск (Л., 1967, 50 стр., тираж – 500 экз.) уже включал в себя результаты работ 8 секций, в том числе истории транспорта. Кроме М.И. Воронина и И.Л. Значко-Яворского, выступали также: Н.Д. Треймунд, В.И. Гнедовский, Г.Н. Крюков, Ю.А. Лиманов и М.К. Никитин. С тех пор секция истории транспорта, под председательством М.И. Воронина, постоянно работала на годовых конференциях.

После М.И. Воронина секцию истории транспорта некоторое время возглавляла, в то время к.ф.-м.н., М.М. Воронина, затем – к.т.н. Г.А. Глащенко.

В настоящее время секцией руководит директор музея ПГУПС, к.т.н. доцент кафедры «начертательная геометрия и графика» Н.А. Елисеев.

Н.А. Джаши, А.А. Ведмук, Л.Р. Халилова
*Петербургский государственный университет
путей сообщения Императора Александра I*

100 ЛЕТ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ПРОФЕССОРА О.В. КУНЦЕВИЧА – ИНЖЕНЕРА-ПУТЕЙЦА, ИЗВЕСТНОГО УЧЕНОГО В ОБЛАСТИ СТРОИТЕЛЬНОГО МАТЕРИАЛОВЕДЕНИЯ

Олег Васильевич Кунцевич (1916–1995) окончил Ленинградский институт железнодорожного транспорта (ЛИИЖТ), в нем же защитил кандидатскую и докторскую диссертации. Он являлся Почетным профессором ЛИИЖТа, был занесен в книгу Почета института и награжден знаком МВССО СССР «За отличные успехи в работе». Возглавляемая им кафедра «Строительные материалы» являлась одной из лучших общепромышленных кафедр на факультете и в институте.

Научная деятельность О.В. Кунцевича была связана с исследованиями материалов и бетонов для крупнейших строительных

объектов нашей страны для решения проблем повышения долговечности и прочности бетона. В частности, с середины 50-х гг. он занимался разработкой т.н. «силикатного бетона». Это понятие стало общепризнанным с 1959 г. после того, как было установлено, что такой бетон относится к высокопрочным (прочность при сжатии составляет более 50 МПа), и из него можно изготавливать ответственные строительные конструкции, включая железнодорожные шпалы. Опытные партии шпал из силикатного бетона в 1958–1961 гг. были уложены в главный путь на участках Октябрьской железной дороги.

О.В. Кунцевич смог создать новое направление в науке о бетоне: управление образованием и оводнением газовых эмульсий в бетоне, что позволило значительно повысить долговечность и морозостойкость бетона. Его разработки нашли применение при строительстве Ленинградского метрополитена, Красноярской, Братской, Чиркейской, Зейской и других гидроэлектростанций. Работы, проводимые под его руководством в 70-х гг. XX в., позволили успешно решить вопросы получения высокопрочных и долговечных бетонов на базе местных гравийных заполнителей для мостовых сооружений Байкало-Амурской магистрали.

В области теории твердения вяжущих веществ О.В. Кунцевичем впервые была получена количественная оценка кристаллизационного давления при твердении полуводного гипса, гипсо-глиноземистого цемента и гидратации оксида кальция.

Н.А. Елисеев, Н.Н. Елисеева

*Петербургский государственный университет
путей сообщения Императора Александра I*

200 ЛЕТ ПЕРВОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ КНИГИ ПО НАЧЕРТАТЕЛЬНОЙ ГЕОМЕТРИИ

В 1816 г. вышла в свет книга профессора К.И. Потье (1785–1855) «Основания начертательной геометрии для употребления воспитанниками Института корпуса инженеров путей сообщения» на французском языке, а затем в конце 1816 года появился рус-

ский вариант книги в переводе с французского языка выпускника ИКИПС Я.А. Севастьянова (1796–1849) – ученика А.Я. Фабра (1782–1844) и К.И. Потье.

Учебник К.И. Потье структурно подразделялся на определения, первоначальные теоремы и прикладные задачи и был составлен в аксиоматической форме с минимумом иллюстраций (всего два листа с 15 рисунками). Определенным признанием работы Потье была публикация ее через год, в 1817 г., во Франции.

При изложении материала курса Потье, опираясь на опыт «школы Гаспара Монжа», предложил методику, заключающуюся в том, что рассматривались наиболее часто встречающиеся положения начертательной геометрии, необходимые для решения практических задач, при решении которых чертеж не загромождается сложными построениями, а все рассуждения могли быть приложены к любому другому примеру.

Для упрощения построения и чтения чертежей Потье применял задание плоскостей следами и использовал методы анализа при пояснении графических построений. Небольшое количество рисунков в книге должно было стимулировать самостоятельную работу воспитанников и выполнение графических заданий под руководством репетитора.

За эту книгу К.И. Потье был произведен в полковники, а Я.А. Севастьянов отмечен «Высочайшим благоволением, объявленным ему генералом Бетанкуром и выдачею полного годового оклада» не только за перевод, но и за разработку и создание русской терминологии.

Прикладное значение курса К.И. Потье было столь значительно, что в 1834 г. он вновь переиздается.

Книга К.И. Потье «Основания начертательной геометрии» заложила фундамент отечественной теории начертательной геометрии – фундаментальной науки, лежащей в основе инженерного образования.

В.А. Кудряшов

*Петербургский государственный университет
путей сообщения Императора Александра I*

ИНТЕРНЕТ – ИСТОРИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ

Интернет – сокращение от побуквенного перевода на русский Internet Network, что в дословном переводе означает «международная сеть». Это современное коммуникационное чудо воспринимается в обществе по-разному. Некоторые говорят о его всеобъемлемости, что в нем можно найти ответ на любой вопрос. Некоторые о его открытости, о возможности разместить там любую информацию, о свободе такого действия. Одни говорят, что это большое хранилище, где имеется и нужное, и ненужное. Другие – о возможности пообщаться с любым человеком, вплоть до президента США, знать бы только его адрес. Специалисты говорят, что это сеть сетей. А самое интересное в этом то, что все они в какой-то мере правы.

В декабре 2015 г. российскому Интернету исполнилось 25 лет (мировому Интернету уже 47 лет). По сравнению с первым видом электросвязи – телеграфом, которому в 2017 году будет 185 лет, это младенец. Но как стремительно он поднялся! За неполные 50 лет он достиг таких высот, что уже воспринимается людьми как данность, как инструмент, без которого трудно что-либо сделать. И этот успех, этот скачок он сделал на основе уже имеющихся технических решений, заложенных в его предшественниках: телеграфе и передаче данных.

Всякое новшество требует объяснения. И понять его можно, прослеживая исторический путь развития от возникновения потребности в нем, зарождения идей его реализации, совершенствования и бесконечного развития. Говоря об Интернете, нужно рассматривать его с информационной и с технической точек зрения.

Информационная сторона вопроса определяется возможностью обмена информацией любого вида, передачей ее на любые расстояния, в любое время и при любых условиях. И никаких препятствий этому!

Информационные возможности Интернета поражают воображение. С его помощью можно обмениваться голосовыми, текстовыми,

цифровыми и другого вида сообщениями. Передавать неподвижные и подвижные изображения, управляющие и известительные сигналы (телеуправление, телеметрия, телеконтроль) и многое другое. Это внешняя сторона вопроса. Но как это сделать? С помощью чего?

Здесь сразу возникают технические вопросы. А есть ли сегодня и готовы ли технические средства, способные это обеспечить?

Сделать это, конечно же, можно, но не с помощью средств, используемых когда-то людьми в древности. Время сигнальных огней, костров, дымов, звуков барабанов, гонгов, ружей и пушек давно прошло. Истекло и время семафорного телеграфа. Люди уже давно приспособили для этого дела электромагнитные явления. Весь земной шар опутан проводами, электромагнитными волнами в эфире. И этих технических средств уже достаточно для появления World Wide Web (WWW) – всемирной паутины, которой пользуется Интернет.

Несколько настораживает современная терминология, заимствованная из англоязычного мира. Но это поправимо. Либо будут созданы русскоязычные термины, либо англоязычные прочно войдут в сознание всех, и мы будем понимать друг друга, пользуясь сейчас пока не всем понятными и доступными терминами. Не всякий сейчас глубоко и сразу поймет такие термины, как: чат, сайт, файл, скайп, твиттер, блог и пр., прочитав которые, можно и последнее «пр.» принять за термин Интернета. Все это требует осмысления, привыкания, понимания сути произносимого и написанного. И, конечно же, исторического анализа, исторических параллелей.

Возьмем для примера один из этих терминов – скайп. Это возможность непосредственно (on line) обмена сообщениями разного вида: голос, текст, видео, неподвижные изображения и др. Это переход от моносервисного к мультисервисному обслуживанию. А корни моносервиса лежат в телефонии и абонентском телеграфе (телекс). Так что это хорошо забытое старое. Выходит, что интернетовский «скайп» – это не что иное, как «мультисервисный информационный диалог». Следовательно, этот термин можно было бы заменить на сочетание слов «информационный диалог».

А технические термины в области телекоммуникаций: кодирование, дискретная модуляция, искажение сигнала, коммутация,

мультиплексирование, синхронизация, фазирование, корректирующие коды и еще много-много других родились не в Интернете, а значительно раньше него. Интернет «вырос» не на пустом месте, а на основе ранее существующих служб электросвязи. Это исторический процесс, процесс развития от простого к сложному, процесс объективный и никем не отменяемый.

Д.В. Никольский, Н.А. Шредник

*Петербургский государственный университет
путей сообщения Императора Александра I*

ИСТОРИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОГО ТРАНСПОРТА РОССИИ

В современной экологии существует два метода решения проблем: ликвидационный и превентивный. Если с первым все понятно – это ликвидация последствий от уже случившихся загрязнений, то превентивный метод пытается заранее предвидеть и решить проблему до наступления событий. Экологическая оценка основана на простом принципе: легче выявить и предотвратить негативные последствия деятельности на стадии планирования, чем обнаружить и исправлять их на стадии ее осуществления (принцип превентивности). Цель экологической оценки – всесторонний анализ возможного воздействия планируемой деятельности на окружающую среду и использовании результатов этого анализа для предотвращения или смягчения экологического ущерба.

Несмотря на серьезное внимание к современным проблемам экологии транспорта историческое развитие проблемы загрязнений окружающей среды от воздействий железнодорожного транспорта и прежде всего транспортной энергетики и теплоэнергетики, до сих пор изучены недостаточно глубоко и требуют пристального внимания исследователей истории техники.

Россия, в отличие от других стран, имеет большую и обширную территорию, поэтому если в небольших странах экологические проблемы сразу заметны и мешают деятельности и комфортному проживанию людей, то в России им зачастую не уделяется долж-

ного внимания. Поэтому, когда проблема становится масштабной, специалисты занимаются ликвидацией, а не предвидением экологической проблемы. Но если при малых объемах железных дорог ликвидация допустима, то, учитывая протяженность российских железных дорог (86 тыс. км) и количество подвижного состава, применение данного метода явно недостаточно. Программный план «Стратегия развития железнодорожного транспорта в Российской Федерации до 2030 года», проведенные нами исторический обзор и изучение экологических аспектов железнодорожного транспорта в разные периоды его развития (до 2000 года) показали, что превентивные технологии слабо и редко применяются. Исторически так сложилось, что все делается старым ликвидационным методом, отсутствует видение этой проблемы.

Историческая ретроспектива показывает и убеждает, что темпы развития железнодорожного транспорта требуют развития идеологии превентивных экологических технологий. Некоторые шаги в этом направлении уже сделаны: на всех семнадцати железных дорогах сети ОАО «РЖД» появились передвижные экологические лаборатории. Их поставка осуществлена в рамках программы «Предупреждение экологического и технического ущерба» Департамента безопасности и экологии компании. В компании действует система управления природоохранной деятельностью, одним из составляющих которой является Научно-производственный центр по охране окружающей среды.

К.В. Никольский

*Петербургский государственный университет
путей сообщения Императора Александра I*

ИНЖЕНЕРНО-ИСТОРИЧЕСКИЙ ФЕНОМЕН ВЕЛИКОГО МОСТА ДРЕВНЕГО НОВГОРОДА

Великий мост – не только выдающееся инженерное сооружение средневековой Руси. Его по праву, вместе с храмом св. Софии, Детинцем, можно считать символом Господина Великого Новгорода. Как известно, Новгород с самого своего зарождения расположился

на обоих берегах р. Волхов. Поэтому городу для самого существования необходима была постоянно действующая переправа. Однако особенности гидрорежима делали исключительно неудобной для мостостроения разделявшую Новгород реку Волхов. Традиционный для Древней Руси наплавной мост оказывался под угрозой сноса сильным течением или льдом, а зимняя переправа по льду просто невозможна, ведь река замерзает лишь при критических температурах (ниже -150°C), и то лишь на несколько дней. Следовательно, единственным выходом было сооружение постоянного моста. Такая задача, учитывая вышеизложенные причины, а также сложное геологическое сложение пород, достаточно большую глубину и т.д. даже сегодня представляет определенные сложности. В связи с этим представляют большой интерес вопросы конструкции моста, способы организации строительных работ и используемые материалы. К сожалению, письменные источники весьма скудны, особенно относящиеся к раннему периоду. Кроме того, в процессе исследования помимо решения отдельных вопросов возникает ряд новых. Например, поражает уровень теоретических и практических знаний создателей подобных сооружений, где и каким образом они были получены. Решение этих вопросов может позволить решить значительное количество спорных моментов в исторической науке, по-иному оценить не только политический, но и культурный, научный потенциал наших предков.

Н.М. Репникова

*Петербургский государственный университет
путей сообщения Императора Александра I*

**ИНЖЕНЕРЫ ПУТЕЙ СООБЩЕНИЯ В.И. КУРДЮМОВ
И Н.А. БЕЛЕЛЮБСКИЙ У ИСТОКОВ ВЫСШЕГО ЖЕНСКОГО
ПОЛИТЕХНИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ**

К концу XIX в. назрел вопрос получения женщинами высшего технического образования. К этому времени уже были образованы высшие женские курсы (Бестужевские) в Петербурге, в Москве, в Казани, в Одессе и других городах. В 1902 г. выпускница этих

курсов в Петербурге П.Н. Ариан возглавила инициативную группу по организации женского технического института. Этот замысел поддержали профессора Института инженеров путей сообщения В.И. Курдюмов и Н.А. Белелюбский. В.И. Курдюмов (1853–1904) – действительный статский советник, инженер путей сообщения, профессор, выдающийся ученый, педагог, автор классических работ по начертательной геометрии, проректор по учебной работе ИИПС. В.И. Курдюмов хорошо знал требования, предъявляемые министерством к высшим техническим заведениям, и помог составить положение о высшем женском техническом учебном заведении.

С этим положением П.Н. Ариан обратилась к А.Г. Небольсину – председателю комиссии по высшему техническому образованию при русском техническом обществе (РТО). На собрании комиссии предложение было принято, но средств на данное учебное заведение не выделили. Для того, чтобы найти необходимые средства было организовано специальное «Общество изыскания средств для технического образования женщин». В 1904 г. был разработан устав этого общества. Он был подписан В.И. Курдюмовым, Н.А. Белелюбским, А.Г. Небольсиным, П.Н. Ариан и другими видными общественными деятелями. Устав был утвержден в 1905 г. Председателем общества был избран профессор ИИПС, крупнейший специалист в области механики грунтов, известный строитель мостов, создатель лаборатории по испытанию строительных материалов Н.А. Белелюбский.

Открытие Курсов состоялось 15 января 1906 г. Учащиеся назывались слушательницами, а те, кто окончил курсы, получали свидетельства, но не звания инженеров. Под курсы был нанят пятый этаж дома № 68/2 на углу Загородного проспекта и Серпуховской улицы. В сентябре 1915 г. курсы переименовали в Женский Политехнический институт с возможностью получения диплома инженера. В 1924 г. институт был закрыт, а его студентки были переведены в другие учебные заведения. За 18 лет существования этого института было подготовлено 500 инженеров.

Т.И. Ушакова

*Петербургский государственный университет
путей сообщения Императора Александра I*

**ВКЛАД Н.Л. ЩУКИНА В ТЕХНИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ ЖЕНЩИН
РОССИИ. К 110-ЛЕТИЮ ОТКРЫТИЯ ЖЕНСКИХ
ПОЛИТЕХНИЧЕСКИХ КУРСОВ**

С именем Николая Леонидовича Щукина (1848–1924) связано становление отечественной школы паровозо- и вагоностроения. Он был талантливым инженером-железнодорожником, конструктором, крупным деятелем ведомства путей сообщения. Но большая его заслуга состоит в том, что он одним из первых в России открыл женщинам путь к высшему техническому образованию. Еще в конце XIX в. женщины России не имели доступа к техническому образованию. Активная борьба за него началась в 1904 г., когда П.Н. Ариан – выпускница физико-математического отделения Бестужевских курсов – организовала «Общество изыскания средств для технического образования женщин» с целью при первой возможности открыть Технический женский институт. Н.Л. Щукин вошел в состав учредителей этого общества. К этому времени он уже был членом инженерного Совета МПС.

В августе 1905 г. было получено разрешение на открытие института с переименованием его в Женские Политехнические курсы. На первом заседании Совета профессоров 7 сентября 1905 г. директором курсов был избран заслуженный профессор Технологического института Н.Л. Щукин. Занятия на курсах начались в январе 1906 г. На посту директора Н.Л. оставался 19 лет, до конца своей жизни. Сам он читал на курсах механику. Его учебник по механике был долгое время единственным пособием для слушательниц.

Будучи управляющим отделом технических и профессиональных учебных заведений МПС, товарищем министра путей сообщения (1910–1918), Щукин провел ряд крупных законопроектных. В 1915 г. Женские Политехнические курсы были преобразованы в Петроградский Женский Политехнический институт с 5-летним сроком обучения. Его выпускницы стали получать дипломы инженеров (впервые) по четырем специальностям. В 1918 г. институт

перешел на государственное финансирование с переименованием во Второй Политехнический институт с совместным обучением. Об институте, своем детище, Н.Л. Щукин заботился до последних дней своей жизни. В августе 1924 г. институт был закрыт и его студенты переведены в другие институты по своим специальностям.

Студентки Второго Политехнического института с благодарностью вспоминали Н.Л. Щукина. Он был их другом, поддерживал морально в трудные минуты. Выпускницам приходилось бороться с рутиной. Сочетание: женщина–инженер – воспринималось в то время с трудом. О том, как женщины начинали работать инженерами, выпускницы института рассказали в замечательной книге воспоминаний «Первые женщины-инженеры» (Л., 1967).

ISBN 978-5-906841-96-4



НАУКА И ТЕХНИКА:

Вопросы истории и теории

Материалы XXXVII международной
годовой конференции Санкт-Петербургского отделения
Российского национального
комитета по истории и философии науки и техники РАН

(21–25 ноября 2016 г.)

Выпуск XXXII

Подписано в печать 20.11.2016. Усл. печ. л. 16,3.
Формат 60x84¹/₁₆. Печать ризография. Бумага офсетная.
Гарнитура SchoolBookC. Тираж 300 экз.
Заказ 3698.

Отпечатано в типографии «Политехника-принт».
Санкт-Петербург, Измайловский пр., д. 18Д.

Для заметок
